

СЕМЬ ДНЕЙ ТРЕВОГИ

ФЕЛИКС БАХШИЕВ

ФЕЛИКС БАХШИЕВ

**СЕМЬ
ДНЕЙ
ТРЕВОГИ**

**ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ**

**Дагестанское
книжное издательство
Махачкала 1981**

ББК 84 Даг
С (Даг)
Б 30

Бахшиев Феликс.

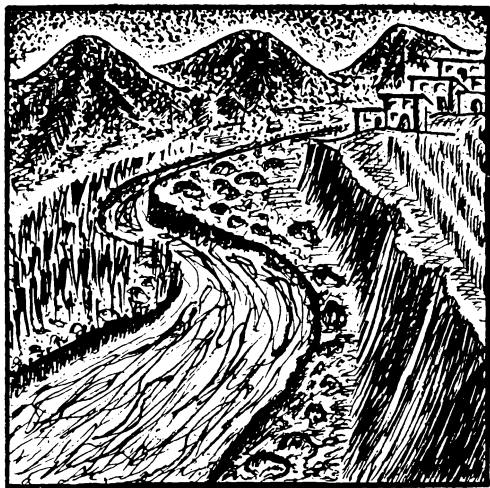
Б30 Семь дней тревоги. Повести и рассказы. Махачкала, Даг. кн. изд-во, 1981.
180 с.

Дагестанскому читателю известно имя Феликса Бахшиева. В свое время такие его книги, как «Слышать голос твой», «Бег времени», «Разнотравье» вызвали в прессе добрые отклики.

В новую книгу молодого прозаика вошли повести «Золотой курган», «Происшествие в ауле Муно», «Семь дней тревоги», «Пожар» и рассказы. Острые сюжеты, необычные ситуации, необыкновенные характеры — вот главные компоненты, с помощью которых автор рисует внутренний мир героев, наших современников, людей честных, стойких, целеустремленных.

С (Даг.)
ББК 84 Даг,

Б 70303—185
М 123(03)—81 62—81 © Дагкинигоиздат, 1981 г.

ПОВЕСТИ

ЗОЛОТОЙ КУРГАН

1

В это утро Джеймс О'Нейл был охвачен смутной тревогой. О нет, по службе ему ничто не угрожало, и семейная жизнь его текла размеренно. Сорокапятилетний Джеймс, или Джимми, был высокого роста, с красивым волевым лицом и решительной походкой. Ходил по земле уверенно, с достоинством неся свое крепкое тело и часто растягивая большой мужественный рот в улыбке.

Джеймс О'Нейл преподавал в колледже право и русский язык, и акции, вложенные в выгодные предприятия, приносили ему ощутимый доход. Жена Джеймса тридцатилетняя золотоволосая женщина с голубыми глазами и матовой кожей была обаятельна, верна супругу и подарила ему трех прелестных девочек и одного мальчика. И богатое приданое, которое не пожалел отец, владелец суконной фабрики, которого никак нельзя было назвать расточительным, делали чету О'Нейлов уверенными в завтрашнем дне.

Молодая семья О'Нейлов ни в чем не ограничивала себя, имела два больших особняка — в тихом районе Ливерпуля и на Золотом пляже, автомобиль «Мустанг» и разную недвижимость. Ничто и никогда не омрачало жизнь четы О'Нейлов со дня их счастливого бракосочетания.

Но в это утро Джеймс О'Нейл был охвачен смутной тревогой.

Ночью ему приснился странный сон... Он долго плутал в темноте лабиринта пирамиды Рамзеса II, пока не вышел в зал. И мгновенно зажмурился. Острый свет ослепил его. Он чуть приоткрыл веки и изумился: горе-

ло золото. Все вокруг было золотым. Он попятился назад, споткнулся о глыбу золота, упал на ослепительный пол. И проснулся.

В глаза било утреннее солнце.

Джеймс О'Нейл налил в хрустальный бокал виски, выпил залпом, потом достал из холодильника сок манго и, потягивая его, распахнул окно и принялся обозревать со второго этажа своего дома просыпавшуюся улицу.

Дом, белокаменный, с гранитными колоннами и ступенями у входа, являвшийся украшением и гордостью этой части города, получил он в наследство от дядюшки Гарри, или сэра Гарри Милтона, бывшего нефтепромышленника, сэра Гарри Милтона, великого жизнелюба и обожателя женщин, который в суете служебных дел и веселых уик-эндов так и не успел обзавестись своей семьей.

Улица просыпалась. Но она никогда не бывала шумной. Жители этой части города, как повелось издавна, от дедов, любили тишину и размеренность.

2

В одиннадцать часов Джеймс О'Нейл, свежий и бодрый, спустился в кабинет, обставленный до потолка книжными стеллажами. Богатая библиотека тоже досталась от дядюшки Гарри. Тут нужно внести некоторую ясность в родственные отношения Джеймса и сэра Гарри Милтона. В раннем детстве мальчик лишился родителей: они ушли из жизни где-то на пути из Нью-Йорка в Ливерпуль вместе с остальными пассажирами трансатлантического лайнера.

Сэр Милтон очень близко принял к сердцу безвременную гибель сестры; поседел, осунулся, замкнулся, но жизнь диктовала свои законы, и вскоре он вошел в обычную свою колею, не забывая, однако, о воспитании племянника. Так они жили в огромном доме вдвоем,

пока Джеймс не вырос и не женился на прелестной Одри О'Коннор, единственной дочери фабриканта, старого приятеля сэра Милтона.

Джеймс О'Нейл приставил к стеллажам лестницу и поднялся под самый потолок. Именно там лежала всевозможная литература о странах мира, в том числе и о России, которая сейчас интересовала его. Джеймс О'Нейл чувствовал в душе расположение к русским. Многие газетные писаки честили их. Кинопрокат изображал грубыми, бескультурными милитаристски настроенными. Телевидение время от времени, предвещало войну с Востока... Одним словом, все средства буржуазной пропаганды изображали русских агрессивными, воинственно настроенными.

Казалось, Джеймс О'Нейл, как отпрыск буржуазного мира, должен был всецело верить газетам, радио, кино. Может, он и хотел верить, но в душе, скрыто от всех чувствовал расположение к русским. Не может народ, создавший Толстого, Достоевского и Чехова, Чайковского и Рахманинова, быть варваром. А Советы, эта новая формация под названием социализм, расколовшая мир... Ведь она и пугает своей силой наших идеологов... Что ждет мир в будущем...

Такие мысли часто посещали Джеймса О'Нейла, и он старался находить на них ответы. Оптимистические ответы. Читая много о России, о ее народах, он как-то незаметно проникся расположением к русским. А в последнее время нет-нет да стало появляться желание увидеть своими глазами, как и чем живет Россия. Но он тут же подавлял в душе это желание.

На прошлом занятии студенты колледжа задали ему массу вопросов о Советской России. Он сначала испугался обилия вопросов, испугался, что бессилён будет ответить на них, потом вдруг вспомнил о дядюшкиной библиотеке и успокоился. И теперь он перебирал книги сэра Гарри Милтона. Наконец он вытащил из вто-

рого ряда толстую тяжелую книгу в черном переплете и облегченно вздохнул. Он принялся перелистывать ее, заглянул в оглавление и заметил подклеенный к внутренней стороне обложки плотный пожелтевший лист.

Джеймс О'Нейл осторожно отодрал его, развернул, удивился. Он закрыл глаза и вцепился в стеллаж: так сильно закружилась голова. Потом заставил себя успокоиться и приступил к чтению. Гулко, бешено застучало сердце, и он вынужден был захлопнуть книгу.

Джеймс О'Нейл осторожно сошел вниз, положил книгу на письменный стол и подошел к телефону. Он долго, мучительно о чем-то думал, потом наконец решился.

— Алло, Дональд, ты мне нужен. Да, сейчас, сию минуту. О'кей, жду.

Он опустился в кресло у окна, растерянный, опустошенный, а мозг тем временем лихорадочно работал и не мог дать объяснения тому, что его, Джеймса, волновало. Мозг Джеймса не был подготовлен к таким перипетиям.

Спустя двадцать минут у дома остановился «Форд». Хлопнула дверца машины.

3

Дональд Силлитоу, репортер вечерней газеты, был рассудительным, хладнокровным человеком. Его никогда ничто не могло удивить или поразить, он все воспринимал спокойно. Стрессовое состояние ему было неведомо. Но бросив взгляд на друга, он остановился и протяжно, будто возвращая его из сна, спросил:

— Хелло, Джимми, случилось страшное?

Джеймс смотрел на него долго, очень долго, потом встряхнул головой и проговорил:

— Хелло, Дональд...

Дональд опустился в кресло, закинув ногу на ногу.

— Что-нибудь страшное, Джимми?

Джеймс еще раз посмотрел на него пристальным взглядом и сказал:

— Возьми, Дональд, этот лист, почитай.

Дональд Силлитоу изучил лист, положил его на стол и запрокинул голову.

— Что скажешь, Дональд?— спросил Джеймс.

— Надо подумать, Джимми, случай редкий. Трудно поверить и легко обмануться.

— Что ты хочешь сказать, Дональд?

— Пока ничего.

— Потому что ты плохо знал Гарри Милтона. Он был джентельмен до мозга костей: никогда не лгал и никого не обижал.

— Я много слышал о его благородстве. Но почему... вот загадка ведь... он не посвятил тебя в свою тайну?

— Это загадочно и для меня, Дональд. Может, он не ожидал так рано своей смерти?

— Рано?— Дональд засмеялся.— Прости, Джимми. Ему было за девяносто лет...

— Но он чувствовал себя превосходно, Дональд. И скончался на конной прогулке, в седле. От разрыва сердца.

— Да, Джимми, помню.

— И что бы ты ни говорил и ни думал, перед нами карта местности, где зарыт клад. Прочти вслух, Дональд.

— «Уезжая из Советской России, на Кавказе, точнее в Дагестане, я зарыл 6 кувшинов с золотыми монетами. Лежат они под курганом. Следует проехать двадцать километров из Магарамкента до селения Чабаны, от Чабанов еще два километра в сторону Дербента, пройти от дороги к юго-востоку на тридцать метров...»

— Твои предложения, Дональд?— после долгого раздумья спросил Джеймс.

— Так скоро, Джимми? Следует все обдумать...

— Ты обдумывай, Дональд, а я еду в Россию.

Дональд усмехнулся.

— Местность, выбранная сэром Милтоном, не отмечена ни в одном проспекте, да и кто тебе позволит направиться в этот... Дагестан.

— Затеряюсь в толпе, Дональд, я знаю язык...

Дональд поперхнулся, потом разразился хохотом. Успокоившись, он вытер глаза платком и устало вздохнул:

— Ты в своей стране не добудешь так легко клад, не говоря уже о чужой. Забудь его, Джимми.

— Дональд, но ведь это миллионы фунтов стерлингов.— Джеймс О'Нейл вскочил и быстро заходил по комнате.— Понимаешь, миллионы...

— Может быть. Но они в чужой стране и принадлежат им.

— Принадлежат, кому? Они тускнеют в земле, о них никто и не ведает, Дональд.

— Успокойся, Джимми. Будь трезв. Туризм — блеф. Единственный выход — отдать им карту и получить свой куш.

— Дональд, ты в своем уме?

— А ты, Джимми? Представь Иванова или Петрова, приехавшего из России в Англию в поисках сокровищ. Его тут же выдворят, а в лучшем случае он прикует внимание всего Скотланд Ярда. Ты еще забыл, Джимми, что в России есть Чека,—и Дональд снова засмеялся.

— Как же быть, Дональд?

— Договориться с ними. Предварительное знакомство я могу взять на себя, Джимми. Если ты согласен, конечно.

— Неужели нет другого пути, Дональд? Шесть кувшинов...

— И из них часть — твоя, сэр. И то хвала господу, мечтал ли ты о такой куче золотых монет, а, Джимми?

Хидирбек поднялся на курган и огляделся. Вокруг до самого горизонта простирались виноградные плантации. Тяжело груженные машины, выехав на трассу, мчались в сторону села.

Услышав за спиной шорох, Хидирбек повернул голову. На курган поднимался Наджаф-халу, колхозный чабан.

— Что, сынок, не нагладишься?—сказал старик с улыбкой, сел на землю, снял с головы папаху и положил на колено.

— Пятьдесят лет живу на свете, а все не налюбуюсь,—подтвердил Хидирбек.—Лет двадцать назад вокруг стояли дремучие леса. А сейчас ничто о них не напоминает.

— Да, сынок, только та роща осталась. Не один год корчевали столетние деревья. А почему? А потому, что под ними лежало золото. Вот оно, золото твое, Хидирбек,—и старый чабан махнул рукой в сторону плантаций.

— Богатый урожай в этом году соберем,—сказал Хидирбек, провожая взглядом вереницу машин, груженных виноградом.

— Богатый, председатель,—подтвердил Наджаф-халу.—Людам спасибо, трудились в поте лица, добыли золото.

— Что-то тебя, отец, на старости лет к золоту потянуло,—усмехнулся Хидирбек.—Не клад ли нашел...

— Клад, говоришь... А и нашел бы—куда мне его девать? У меня все есть. Просто душе радостно—колхоз богатеет, вот оттого все и болтаю о золоте. Ты не сердись, сынок, я так, по-стариковски.

— Я не сержусь, отец.—Хидирбек спустился с кургана,—пойду в село.

Наджаф-халу глянул в сторону отары, которая паслась за дорогой, проследил за движением машин, мчав-

шихся по гладкой ленте асфальта, потом, утомившись, закрыл глаза.

Осеннее солнце было ласковым, навевало дрему. Громко залаяла собака. Наджаф-халу открыл было глаза, но тут же прикрыл веки, сказав про себя: «Чап — верный сторож, не даст уйти овцам».

Издали старый чабан на кургане казался мудрым орлом, сидевшим на своей добыче.

5

Баку задыхался в парах нефти и газа.

События приближались с невероятной быстротой.

На улицах не прекращалась беспорядочная перестрелка. Двухэтажный особняк сэра Гарри Милтона был освещен весь — от чердака до подъезда. Он никогда не любил темноты, сейчас — тем более. В комнатах, застеленных коврами, коридорах, зеркалах затаилась тишина.

Сэр Гарри Милтон, изрядно выпивший, сидел за столом. Глаза его были плотно закрыты, а сердце разрывалось от отчаяния и бессилия. Наделенный щедрой природой умом и сообразительностью, он понимал, осязал, что надо как можно быстрее убираться из этого прокопченного нефтью города. Баку обогатил его, но надо было вывезти часть оставшегося золота. Каким образом? Этот вопрос и мучил его. Уходить на юг, в Иран, он не хотел. Больше доверял почему-то царской армии. Уйти на Север, в Порт-Петровск, оттуда в Ростов, затем к Черному морю... Он пытался найти выход из создавшегося положения, но увы, выхода не было. Он не знал, как увезти незаметно золото.

— Сэр, довольно пить, — сказал Майкл, убирая со стола бутылки.

Сэр Гарри Милтон не заметил, как в комнату вошел инженер Майкл Чиверс, или, как его здесь звали, рыжий Майкл.

— Майкл, как нам уйти отсюда подобру-поздорову?— спросил сэр Гарри Милтон.

— Ножками, сэр.

— Это понятно, умник. А как быть с добром.

— У меня кожаный мешочек,— ухмыльнулся Майкл.— Остальное я отправил загодя.

— Умник. Отправил.— Он поднял голову, глаза его горели.— Майкл, десять процентов твои.

— Двадцать пять, сэр Милтон,— улыбнулся Майкл Чиверс.

Сэр Гарри Милтон пробуравил его взглядом.

— Пятнадцать.

— Двадцать пять, сэр Милтон.

Рыжего Майкла нельзя было уломать, таков был его характер — железный.

— Хорошо, грабитель, двадцать, но соображай быстрее, как уносить добро,— сказал со злостью сэр Гарри Милтон.

— Двадцать пять, сэр Милтон.

Сэр Гарри Милтон схватил стакан и запустил им в Майкла, тот вовремя уклонился.

— Сэр, вы теряете рассудок,— проговорил желчно, скривив губы, Майкл Чиверс. Потом чуть погодя продолжил:— Надо доставить груз до Ливерпуля. Вы это учитываете?

— Решай, как знаешь,— отмахнулся сэр Гарри Милтон и уронил голову на стол.

На следующий день, в сумерках к дому сэра Гарри Милтона подкатил фаэтон, запряженный парой вороных. Сэр не пожалел денег на их приобретение. Майкл Чиверс вынес четыре тяжело наполненных бурдюка, бросил в фаэтон, накрыл коврами и бараньими шкурами. Загружались быстро и тихо, запасались всем необходимым. Наконец, сэр Гарри Милтон сел в фаэтон, поднял верх, Майкл Чиверс опустил на козлы, взмахнул кнутом, и вороные понеслись по темной улице.

Джеймс О'Нейл потерял покой.

Третий день от Дональда не было никаких вестей, и Джеймс не находил себе места. Уставший от дум и одиночества, он вызвал с Золотого пляжа жену и детей, но бывшее спокойствие и размеренная жизнь, казалось, канули в прошлое и никогда не вернутся. Его мозг заливали потоки мыслей, он строил сотни проектов поисков клада, но скоро отметал их, потому что смотрел на мир реально и на поверку оказался намного серьезней, чем мог подумать о себе.

Осенним вечером Джеймс О'Нейл сидел в мягком кожаном кресле и похлопывал по колену газетой «Таймс», когда перед домом остановилась машина. Джеймс О'Нейл поспешил к дверям.

— Привет, Дональд.

— Привет, Джимми.

Дональд Силлитоу задержался перед зеркалом, пригладил осторожно и бережно свой роскошный пробор, чуть коснулся ладонями плеч и лацканов костюма и прошел в зал. Он чувствовал на себе настороженный, вопрошающий взгляд Джеймса О'Нейла, но не подавал никакого вида.

— Добрый вечер, любезная Одри,— Дональд Силлитоу отвесил ей низкий поклон, послал большую теплую улыбку и опустился в кресло.— Как отдохнула на Золотом пляже? Дети здоровы? Ты прекрасно выглядишь, судя по тебе — и дети, должно быть, отлично отдохнули...

— Я согласна отдыхать всю жизнь. Да разве это возможно! — Одри засмеялась, и в комнате стало уютней и теплей.

Дональд закурил сигарету, затянулся и выпустил дым в потолок.

— Садись, Джимми, или ты вконец решил изничтожить меня взглядом? Так вот, по твоему делу. Ездил

в Лондон. Побывал в советском посольстве. Хорошие ребята, истолковали, разъяснили законы своей страны, обещали оказать содействие. Но...— Дональд усмехнулся,— не верят в существование твоего клада.

Джеймс О'Нейл, стоявший у распахнутого окна, сел в кресло.

— Ты им сообщил о карте, Дональд?

— Обязательно, Джимми, иначе не поверили бы ни на иоту. По-моему, можно было бы и показать, чтобы развеять их сомнения...

— Ни в коем случае, Дональд.

Дональд засмеялся и обратился к Одри:

— Твой друг всегда был таким подозрительным?

— Не помню,— улыбнулась она.— Кажется, нет.

— Конечно, карта—твоя собственность, и ты можешь распоряжаться ею как захочешь. Но ребята мне понравились.

— Я свое слово сказал, Дональд. Как насчет моей доли?

— Двадцать пять процентов, Джимми.

Джеймс О'Нейл обалдело уставился на Дональда.

— Сколько?

— Двадцать пять процентов.

— Так это... это же грабеж, Дональд.

— Это закон, Джимми. И получить двадцать пять процентов с неба...

— Почему ты считаешь, что с неба?

— Ну, во-первых, потому, что ты и не помышлял о кладе. Раз. Во-вторых, тебе разрешают ехать. Два. В-третьих, существует ли клад на самом деле. Три.

— Двадцать пять процентов,—проговорил Джеймс.

— И ни грамма золота. Тебе выдадут чек, по которому ты получишь сумму своей доли. Кажется, я все разъяснил.

— Но это же грабеж.— Джеймс О'Нейл встал и уходил по комнате.

— Хорош грабеж, когда тебе дают миллион фунтов стерлингов.

— Миллион фунтов?..—протянула Одри.

— Никто мне не дает. Они мои, все миллионы.

Дональд засмеялся.

— Твои... как и солнце, и луна, и айсберги. Слушай, Джимми, если ты серьезно решил ехать в Россию, поезжай в Лондон. Ты должен сам обговорить в посольстве свои дела и наметить день вылета. А теперь будь гостеприимным хозяином, дай мне несколько глотков виски. Должен же я возместить чем-то свою поездку в Лондон.

7

Ночь была безлунная.

Отдохнув днем в урочище, досыта поев и испив родниковой воды, вороны бежали резво, без понукания и окриков. Природа отдыхала. Где-то в лесной чаще слышались голоса ночных птиц.

Сэр Гарри Милтон полулежал в фэзтоне и думал о далеком Ливерпуле. Он с трудом представил свой белокаменный особняк на тихой улочке, ярко освещенный клуб регбистов, членом которого он был долгие годы, леди Лили Апдайк, Элиз Олмэн и Фланнери Страйз, с которыми он делил радости, любовь и фунты стерлингов, Джеймса О'Нейла... И вдруг чуткий слух уловил далекую дробь копыт.

— Майкл, кажется, нас догоняют. Встречи ночью нежелательны,—спокойно сказал сэр Гарри Милтон.

Свистнула плеть, фэзтон рвануло вперед, но стук копыт неумолимо приближался. Наконец, он был уже так близок, что сэр Гарри Милтон услышал турецкую речь.

— Стреляй в лошадей,—кричал один.—Ты — в правую.

— Бей-эффенди, скотина нам пригодится,— ответил другой.— Мы сейчас отделим голову от туловища этим гяурам.

Сэр Гарри Милтон достал из кармана револьвер.

— Майкл, придется стрелять, иначе они отсекут нам головы.

— Придется, сэр,— сказал Майкл Чиверс. Они повернулись в сторону настигавших преследователей и нажали на курки. Тишину раскололи выстрелы.

— Бей, что случилось, Бей...

— Убили бея... убили...

Сэр Гарри Милтон сделал в темноту еще несколько выстрелов.

— Ах, мать... лошадь убил...

Голоса удалялись и вскоре растаяли.

— Ничего не пойму, Майкл,— сказал сэр Гарри Милтон, поглаживая любовно револьвер.— Царские солдаты, турки, мусаватисты, дашнаки — все смешались. Хаос. Дикая страна.

— Дикая, сэр. Как не быть дикой, если вся вымазана мазутом и захлебывается в мазуте.

— Дикая страна,— повторил сэр Гарри Милтон и откинулся на спинку сиденья.

8

Хидирбек вместе с колхозным строителем остановились у кургана.

— Вот здесь я думаю построить контору третьего отделения. Камень, цемент и песок у нас есть. Лес найдем.

— Этот горб нам не выравнять и за год,— протянул строитель, теребя длинные черные усы.

— А зачем выравнивать? Контору можно построить и наверху,— улыбнулся Хидирбек.— Вид будет чудесный. Эй, Наджаф-халу, не уснул ли ты там?

— Я и ночью не сплю. Что вы там замышляете?

— Взорвать думаем твой курган.

— Астапируллах... Тогда и меня взорвите вместе с ним,— вздохнул Наджаф-халу.

— Что так, надоело смотреть на этот прекрасный мир?

— Разве прекрасное надоедает? Никто из жизни не уходит по своей воле. А этот курган, сынок... Он стоял при отце моем, отце моего отца... Как легенда. Как песня.

Хидирбек весело рассмеялся.

— Могучие здесь были леса, Наджаф-халу, а люди умирали с голоду. Что важнее, песня или хлеб?

— И ты прав, сынок, но к хлебу нужна песня. Убери этот курган, и земля станет ровной, как саван.

9

— Им можно верить, Одри. Откровенные. И вежливы, как джентльмены.

Одри укладывала вещи в чемодан.

— Джимми, я тебе положила два свитера, твой любимый, черный, и аквамариновый, который я связала. Шесть пар теплых шерстяных носков.

— Да, они джентльмены.— Джеймс О'Нейл посмотрел в окно, расправил плечи и глубоко вдохнул свежий утренний воздух. День предвещал быть безоблачным и теплым.

— Два махеровых шарфа, теплые рубашки... шерстяной костюм...— Одри сняла с вешалки темно-синий с золотистыми пуговицами плащ, который очень шел Джимми и молодил его.

— Конечно, законы у них очень строгие, но что поделаешь. Приходится мириться. А ребятам верить можно.— Джеймс О'Нейл остановился рядом с Одри и вдруг удивленно спросил:— Что ты уложила? Куда ты отправляешь меня? На полюс?

— В Россию.

— Но для чего мне столько шерстяных вещей, Одри?

— Но ведь ты едешь в Россию, Джимми?— теперь удивилась Одри.— Ты представляешь, какие там могут быть холода?

Джеймс О'Нейл громко расхохотался, привлек ее к себе, но не стал разубеждать и оставил все так, как было.

Спустя час черный «Мустанг» мчался в Лондон. Удобно расположившись на заднем сиденье и попыхивая сигаретой, Дональд Силлитоу наставлял Джеймса О'Нейла.

— И помни, что ты находишься не в своем доме. Не горячись, не вступай в споры. Они не любят много говорить, Джимми. Будь покладистей, проще, сумей расположить к себе.

Джеймс О'Нейл слушал Дональда с улыбкой и гнал машину на высокой скорости.

— И ради бога не пей много русской водки,— добавила Одри.

— Вот этого совета я не послушаюсь,— засмеялся Джеймс О'Нейл.

— Ради русской водки стоит ехать в Россию,— невозмутимо поддержал Дональд.

— Приползу на бровях,— сказал Джеймс О'Нейл.

— На чем?— не поняла Одри.

Джеймс засмеялся.

— У русских есть такое выражение: когда приходят сильно выпившими, говорят — приполз на бровях.

Все весело засмеялись. Дорога летела стремительной серой лентой. Джеймс О'Нейл чувствовал себя спокойно и уверенно. Слово его и не ожидало далекое и романтическое путешествие. И лишь когда поднялся по трапу самолета, помахал Одри и Дональду Силлитоу рукой, вошел в салон лайнера и опустился в кресло — только тогда в душу вкралось неясное, тревожное сомнение: а вдруг... А вдруг все это сон, мираж,

голубая мечта... И то, что он сидит в салоне самолета, вылетающего в Москву, и то, что где-то на юге России, на Кавказе, его ждет клад, зарытый дядюшкой Гарри, и то, что он станет миллионером... Мираж... Но тут запустили моторы, и Джеймс О'Нейл без напоминания пристегнул себя ремнем к креслу.

10

В Шереметьевском аэропорту его ожидали. Накрапывал дождик. В темносинем длинном плаще он легко и быстро спустился по трапу с большим чемоданом. К нему подошел высокий русоволосый молодой человек и на чистом английском языке спросил:

— Простите, вы сэр Джеймс О'Нейл? Я не ошибся?

Джеймс О'Нейл удивленно, с примешанной к удивлению радостью посмотрел на собеседника, широко улыбнулся и сказал по-английски:

— Вы не ошиблись. Но давайте будем говорить по-русски.

— Не возражаю. Будем знакомы. Олег Рюриков.

— Джеймс... Так вы меня уже знаете.

Они непринужденно засмеялись.

На площади, у здания аэровокзала, их ждала голубая «Волга».

— Вы меня повезете прямо в ГПУ или немного покажете город?—спросил Джеймс О'Нейл, искоса глянув на Олега Рюрикова. Тот весело расхохотался.

— Сначала покажу город, нам его не миновать, потом подвезу в «Россию». В гостиницу.

— Простите, я пошутил.— Джеймсу О'Нейлу стало неловко.— Иногда скажешь глупость, а потом жалеешь.

— Хотите сказать: «язык мой — враг мой»?

— Есть другая поговорка, про воробья...

— «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь».

— Точно.

Дождик перестал, выглянуло солнце. По обе стороны от шоссе стоял лес, тихий, умиротворенный, перемешанный белоствольными оголившимися березками и могучими зелеными соснами.

— Скажите, когда мы отправимся на юг? И кто поедет со мной?

— Не знаю.

— Понимаю,— сказал Джеймс О'Нейл.

— Да нет же, на самом деле не знаю,— засмеялся Олег Рюриков, потом добавил.— Впервые в жизни сижу рядом с кладоискателем.

— А я впервые в роли кладоискателя,— сказал Джеймс О'Нейл.

— Трудно?

— Что?

— Быть кладоискателем?

— Я только показываю, где его найти. Да, скажите, как бы вы поступили, если бы обнаружили клад.

— Трудно сказать.— Олег Рюриков задумался.— Что бы я с ним делал?

— У нас решается проще,— улыбнулся Джеймс О'Нейл.

Олег Рюриков засмеялся:

— По-школярски ответить вам было бы наивно и глупо. А серьезно—сдал бы государству и получил проценты.

— Все у вас так думают?

— Разные головы на плечах.

«Волга» мчалась по улицам Москвы. Джеймс О'Нейл внимательно всматривался в улицы, дома, москвичей. Его сначала удивили и поразили, а потом почему-то обрадовали широкие, светлые, чистые улицы, здания, особенно высотные со шпилями, из стекла и бетона в форме развернутой книги, и, наконец, Кремль, о котором он так часто слышал, а видел впервые. За зубчатой стеной на соборах горели купола. «Сколько в них золота»,—

мелькнула невольно мысль, и он с трудом от нее отделился, обратив взгляд к огромному, как океанский лайнер, зданию.

Машина встала у «России». Олег Рюриков провел Джеймса О'Нейла в номер, отведенный для него.

— Отдохните. Погуляйте по Москве. Делами займемся завтра.

— Вы хотите сказать — «утро вечера мудренее»?

— Я не хочу говорить: «Не оставляй на завтра то, что можно сделать сегодня».

Они рассмеялись и пожали друг другу руки.

Приняв ванну, Джеймс О'Нейл прилег на диван подремать и уснул на добрых полтора часа. Когда он открыл глаза, началась вторая половина дня. Он быстро привел себя в порядок и, посвежевший и отдохнувший, спустился в ресторан. Джеймс О'Нейл не относился к консерваторам (он не состоял ни в одной партии) и к недругам Советской России. Более того, считали, что он лоялен к стране большевиков, может, отчасти потому, что он преподавал русский язык и преподавал серьезно, со знанием дела. Но богатое меню и невысокие цены на блюда удивили его. Нет, не хотелось верить, что обильный и вкусный обед обойдется ему так недорого. Может быть, в этом ресторане, где обедают иностранные гости, специально снижены цены?

Джеймс О'Нейл оставил вопрос открытым и вышел на московские улицы. Красная площадь была запружена улыбчивыми, жизнерадостными людьми; они шли и по подземному переходу, и по улице Горького, спокойные, уверенные, и Джеймс О'Нейл усмехнулся вдруг над рассказами газетных писак, рисовавших советских людей подозрительными, грубыми, чуть ли не с рогами на голове. Елисеевский магазин ослепил его светом, архитектурой, росписью. И продуктами, которыми были завалены полки. Джеймс О'Нейл, человек, верящий фактам и только фактам, примеривался к ценам, переводил их

на фунты стерлингов и удивленно, многозначительно поднимал брови. Продукты питания в России были дешевле.

Джеймс О'Нейл, хорошо знавший Россию по справочникам и другой литературе и впервые вступивший на ее землю, пытался понять ее людей, систему их жизни.

Но даже то, что он сейчас видел — хорошо одетых, уверенных в себе людей, сплошной поток автомобилей, обилие кинотеатров и театров, высотные современные дома, чистую голубую воду в Москве-реке — все это приятно поражало сына туманного Альбиона и отодвигало на второй план мысль о цели приезда.

11

Этот день сэры Гарри Милтон и Майкл Чиверс переждали в лесу. Дорога пылилась и гудела под ногами солдат, копытами коней, колесами обозов. Идти против течения было трудно и рискованно. А здесь, в лесу, пели птицы, воздух был чист и приятен.

— Дай только вырваться из этого бедлама, обязательно сделаю пожертвования ливерпульцам, — сказал сэры Гарри Милтон, удобно вытянувшись на шкурах, расстеленных на земле.

— Вас так сильно занимает филантропия? — съехидничал Майкл.

— Выйти из этого бедлама целым и невредимым, да еще с грузом...

— Только бы не провалиться нам в тартарары.

— Чего вдруг?

— И не то, чтоб струсил. Сон видел дурной. Летел в какую-то бездну. Сэры, на том свете куда девается душа?

— Это не по моей части, — сэры Гарри Милтон засмеялся.

Над головой висело выцветшее небо, в ветвях деревьев шмыгал ветерок.

— Природа отдыхает после жаркого лета, Майкл,— произнес сэр Гарри Милтон.— Ты замечаешь, как она, усталая, утомленная, отдыхает.

— Может, вы и правы. А может, отдыхает перед зимними бурями.

А над дорогой висела пыль от гулких солдатских сапог, конских копыт и обозных колес.

12

Бульдозер, грозно рыча, подкатил к косогору, рывкнул и замер. На землю прыгнул рыжеволосый парень, поднял голову, приложил ко рту ладони и закричал:

— Отец, спускайтесь.

Наджаф-халу сидел, не шелохнувшись, и смотрел в сторону разбредшейся отары.

— Отец, слышите, спускайтесь.

— Чего кричишь? Тебя в селе слышно.

— А почему не отвечаете?

— Чего отвечать? Я на работе.

Рыжий недоуменно посмотрел на старика и захлебнулся от смеха.

— Что же у вас за работа такая, что лежите на земле и загораете под солнцем?

— Вот такая и есть работа — греюсь на солнце и сторожу овец. А в твои годы я больше ходил и меньше орал.

Наджаф-халу надел на голову папаху и приподнялся на локте.

— Скажи, что ты хотел сказать, я слушаю.

— Спускайтесь вниз, отец, а я полезу с этой машиной наверх. Выравнивать буду макушку кургана.

— А это еще зачем?

— Мое дело — выполнять. Велели — я и приехал.

— Я в твои годы был зрячим. Хотя и сейчас не обижаюсь на глаза.

— А я что, плохо вижу?

— Не знаю. Я к тому говорю, что знал, куда иду и зачем иду.

Рыжий рассердился:

— Я же сказал, что надо выровнять курган.

— Зачем? Кому это нужно?

— У меня нет времени, спускайтесь.

Рыжий рассерженно сел в кабину и завел бульдозер, но Наджаф-халу и не собирался спускаться. Он повернулся на бок, закрыл глаза и хитро улыбнулся.

— Эй, вы думаете спускаться?— донесся крик сквозь рев мотора.— У меня времени нет.

Какой настырный и непонятливый парень, подумал Наджаф-халу. В его годы я не был таким дураком. «Спускайся» — передразнил он. Чем кричать и трепаться языком, поднялся бы на своем бульдозере и принялся за дело.

13

Джеймс О'Нейл открыл глаза, вдохнул струившийся в открытую форточку свежий воздух, и впечатления минувшего дня вновь захлестнули его. Москва его очаровала, да, да, именно очаровала. И горы, которые назывались Ленинскими, и спортивный комплекс Лужники, и чистая вода Москвы-реки, и метро, его красивые, чистые станции.

В девять часов утра, когда Джеймс О'Нейл, свежесбритый и надушенный, сидел в кресле, глядел в окно на оживленную, омытую солнцем площадь и золотые купола соборов, в дверь постучались.

— Да, да, войдите.

Это был Олег Рюриков.

— Хорошо отдохнули с дороги? — спросил он после приветствия.

— О да, прилично. Я вчера долго гулял по Москве.

— Так и думал,— засмеялся Олег Рюриков.— Почти все наши гости стараются в первый же день изучить Москву.

— Чтобы внести, как говорят, коррективы в свои представления.— Джеймс О'Нейл широко улыбнулся:— Так каков план наших дальнейших действий?

— Вы же еще не ознакомились с Москвой...

— О, с Москвой я подробней ознакомлюсь по возвращении с Кавказа. Ведь мне разрешат остаться на несколько дней.

— Конечно.

— А сейчас хотелось бы поскорее на юг.

— К кладу? — засмеялся Олег Рюриков.

— Вы угадали.

— В таком случае мы сейчас позавтракаем и отправимся в дальнейшее путешествие.

— Очень рад такому решению. Надеюсь, номер сохраняется за мной?

— Вижу — он вам понравился?

— И особенно вид из окна. Скажите, кто вылетит со мной на юг.

— Ваш покорный слуга. Если не возражаете.

— О, очень рад, очень рад.— Джеймс О'Нейл на самом деле был рад тому, что с ним будет Олег Рюриков.

Плотно и вкусно позавтракав, они выехали в аэропорт. Ждать рейса пришлось недолго. Через полчаса самолет ТУ-134А поднял их в воздух, а еще через два с половиной они приземлились в махачкалинском аэропорту.

Джеймс О'Нейл засмеялся и объяснил свой смех Олегу Рюрикову:

— Правильно сделал, что не взял чемодана. В нем одни шерстяные вещи.

— Наверное, супруга собирала в дорогу.

— Да, у нее представление о России, как о стране снега и холода.

На площади их ожидала машина. Спустя тридцать минут скорой езды «Волга» въехала в город и остановилась у гостиницы «Каспий». Два номера были приготовлены на третьем этаже.

— Вы побудьте недолго без меня, отдохните,— попросил Олег Рюриков.— Мне нужно отлучиться.

— Слушаюсь вас. С того момента, как я оторвался от английской земли.

Джеймсу О'Нейлу надоело отлеживаться в номере. Он решил нарушить обещание, данное Олегу, и вышел на улицу. Его захлестнул многоязычный говор. В этом городе смешались восток с западом. Он и не смел подумать, что Порт-Петровск, обозначенный на картах Махачкалой, будет таким большим, оживленным, современным городом.

Он остановил красивую молодую женщину.

— Простите, гражданка, вы не скажете, как называется эта улица?

— На которой мы стоим? Имени Буйнакского,— ответила она на чистом русском языке.

— А кто такой этот самый...

— Буйнакский? Вы, наверное, приезжий? Буйнакский был революционером. Не слышали о нем?

— А эта улица, поднимающаяся вверх?

— Имени Дахадаева, тоже революционера. Его именем назван наш город.

— А следующая, пересекающая ее?

— Имени Маркова, тоже революционера.

«Одни революционеры»,— подумал Джеймс О'Нейл, и в надежде услышать что-то другое, спросил:

— А выше?

— Оскара, тоже революционер, центральная улица Ленина, потом Малыгина, Котрова, тоже революционеры...

— Благодарю вас, гражданка,— улыбнулся Джеймс О'Нейл.

— Есть у нас улицы и имени Пушкина, Горького, Толстого...

— Благодарю вас, гражданка.

«С каким удовлетворением произносят они слово «революционер»,— подумал Джеймс О'Нейл.

Спустившись на пляж, где загорали любители осеннего купания, Джеймс О'Нейл разделся и с наслаждением почувствовал тепло солнца. Оно было в эту пору ласковое, и вода оказалась настолько приятной, что Джеймсу О'Нейлу не хотелось выходить из нее и он повернул к берегу только тогда, когда понял, что голос из репродуктора со спасательной станции, требующий вернуться заплывшего пловца, относится к нему.

Выходя с пляжа, у ресторана под названием «Волна» Джеймс О'Нейл столкнулся с веселым шествием. Он остановился, пытаясь угадать, что здесь происходит, но внезапно двое смуглых мужчин взяли его под руки и повели с собой.

— Куда вы меня ведете?— Джеймс О'Нейл пытался высвободиться, но тщетно.

— Не волнуйся, друг, на свадьбу ведем. Гостем будешь, дорогим гостем...

За столом его посадили на видное место, могучий мужчина протянул ему рог.

— Выпей за счастье наших молодых, и пусть и в твой дом придет счастье.

«Что за дикие обычаи,— пронеслось в голове у Джеймса О'Нейла,—и чем меня хотят напоить эти азиаты. Дернул же меня черт спуститься сюда. Не принять нельзя—оскорбишь, а хлопот не оберешься. Как поступить, черт побери?»

Но уже через минуту он с наслаждением потягивал ароматное сухое вино из рога и тепло думал о щедрости гостеприимных азиатов, которые, как старого друга, затащили на свадьбу совершенно незнакомого человека. Когда Джеймс О'Нейл опорожнил рог, ему подали горя-

чий шашлык на шампуре: он дымился и источал пьянящий аромат.

— Откуда сам, брат? — спросил подавший рог, — потому, как пьешь из рога, видно — знаешь толк в вине.

— Из Великобритании, — ответил Джеймс О'Нейл, срывая зубами с шампура мясо.

Взрыв смеха сотряс зал. Джеймс О'Нейл поразился этой выходке людей.

— Не шути, друг, скажи, откуда, — спросил опять мужчина, утирая со щек слезы.

— Из Великобритании, — снова повторил Джеймс О'Нейл, уже с улыбкой: иначе как он мог ответить?

— Ну, что ж, тогда расскажи нам об Англии, — сказал мужчина.

— Турист? Дипломат? Журналист? Ученый? — шептались за столом. — И акцент у него не наш, наверное, долго там прожил.

— Расскажи об Англии, — повторили вопрос, и Джеймс О'Нейл не заставил себя просить в третий раз.

Спустя час, когда в полном разгаре было веселье, играла музыка и гремела барабанная дробь, Джеймс О'Нейл вышел на улицу покурить, постоял среди мужчин, а потом незаметно ушел.

Он шел по вечерней улице, слегка захмелевший, и не переставал повторять про себя: удивительные люди, удивительные люди.

14

Далеко за полночь они проехали через аул Магарамкент, а еще через пару часов съехали с дороги и углубились в лес. Светало.

Уставшие от глухоты ночи и нервного напряжения, сэр Гарри Милтон и Майкл Чиверс привязали коней к дереву, бросили на землю шкуры и, не обращая внимания на голод, легли спать. Несколько раз они просыпались от

ржания коней, но убедившись, что вокруг никого нет, тут же засыпали.

Солнце уже подходило к зениту, когда они окончательно пробудились ото сна.

Умывшись в роднике, они позавтракали, запив лаваш с холодной курицей красным вином, и снова легли.

Залаяла собака, в переключку с ней вступили другие.

— Слышишь, Майкл? Где-то недалеко, наверное, селение.

— Слышу,— коротко бросил Майкл.

— Слышишь, Майкл,— после долгого молчания снова заговорил сэр Гарри Милтон.— Надо будет сходить в это селение.

— У меня нет в том нужды.

— Надо будет сходить,— снова повторил сэр Гарри Милтон.

— Не испытываю ни малейшего желания,— ответил Майкл. И добавил:— Мне и здесь неплохо.

— Нужно достать глиняные кувшины. Штук шесть.

— Это еще к чему?

— Нужно, Майкл.

— Мне они ни к чему, сэр. И извольте понять, что я не нанялся к вам в слуги. Это путешествие, да будет вам известно, изрядно мне надоело, и я уже начинаю жалеть, что пустился в него.

Сэр Гарри Милтон выслушал эту тираду молча. Потом так же молча встал и направился в сторону, откуда слышался лай собак. За ним молча последовал Майкл. Сначала сэр Милтон шел по зарослям и сильно исцарапал руки, раздвигая ветви, затем обнаружил тропинку, которая вывела его к небольшому селению. Он подошел к крайнему дому, низкому, покосившемуся, и встал у плетня.

— Есть кто дома?

На его голос скрипнула дверь и во двор вышла худая, босая женщина с удивленным лицом, на котором

выделялись большие черные глаза. На руках она держала ребенка.

— Хозяин дома? — спросил сэр Гарри Милтон по-русски.

Женщина долго и пристально глядела на него, потом крикнула:

— Наджаф, выйди-ка, тут пришли.

Сэр Гарри Милтон не понял ее языка и собирался повторить свой вопрос, когда из деревянной пристройки вышел высокий мужчина. Он подошел к плетню и встал напротив, лицом к лицу.

— Мне нужны кувшины, — сказал сэр Гарри Милтон по-русски. И по выражению глаз мужчины прочитал, что тот не понял. — Кувшины, понимаешь...

И он принялся руками обрисовывать формы кувшина. Мужчина смотрел на него внимательно. Тогда сэр Гарри Милтон палочкой нарисовал на земле кувшин. Мужчина улыбнулся, пошел в дом и вернулся с большим кувшином.

Сэр Гарри Милтон облегченно вздохнул: понял. Он поднял руку и растопырил шесть пальцев.

— Шесть, понимаешь, шесть. Деньги есть.

Мужчина кивнул головой, открыл калитку и пригласил его в дом. Майкл остался стоять у плетня. В небольшой полутемной комнате пахло сыростью и копотью. Сэр Гарри Милтон вошел, пригнув голову, присел на грубо сбитую лавку. В углу, на тесно уложенных друг к другу досках, под большим, сшитым из лоскутов рваным одеялом, копошились дети.

Здесь царил крайняя бедность, граничащая с нищетой.

Женщина принесла деревянный поднос с лепешками и кислым молоком, поставила на стол и вышла. Лепешки были из кукурузной муки. Сэр Гарри Милтон приложился к глиняному кувшину с кислым молоком и с удивлением подумал, как оно свежо и вкусно.

«Волга» мчалась на высокой скорости.

Позади остался Дербент со старинной крепостью Нарын-кала на горе, по обе стороны простирались виноградные плантации.

— Скоро подъедем к Магарамкенту,— сказал Олег Рюриков, удобно расположившийся на заднем сиденье рядом с начальником отдела МВД Асланом Аслановым.

— К Магарамкенту,— удивился Джеймс О'Нейл,— но я не вижу лесов?!

— Леса в этих местах исчезли двадцать лет назад.

— Исчезли?— Джеймса О'Нейла охватила смутная тревога.— Как исчезли?

— Ну, как исчезают... выкорчевали.

И на самом деле ничто вокруг не напоминало о лесах. Как же так, без леса,— билась в висках мысль,— как же так. А вдруг и кургана уже нет...

Машина остановилась.

— Приехали. Разрабатывайте свой план,— сказал Олег Рюриков.

Джеймс О'Нейл был подавлен.

— Поедем обратно: ровно двадцать километров. Ровно двадцать.

«Волга» развернулась и помчалась в обратную сторону. Спустя пятнадцать минут шофер остановил машину.

— Еще два километра,— подсказал Джеймс О'Нейл.— Здесь должно быть селение Чабаны,— добавил он, когда машина снова остановилась.

— Чабаны?— Олег Рюриков глянул на Аслана Асланова.

— Я о таком селении не слыхал,— сказал Асланов.— Есть Советское, но Чабанов — нет, не знаю.

«Как же так, нет селения,— подумал Джеймс О'Нейл,— нет леса, может, нет и клада. Позор. Не обещать срама».

Джеймс О'Нейл вышел из машины, оглянулся. По обе стороны дороги было несколько курганов. Он определил юго-восток и пошел, удрученный, опустив голову.

Отметив тридцать метров, Джеймс О'Нейл остановился, старательно вмял каблуком ботинка землю и громко, но без уверенности сказал: здесь.

Рядом стояли Олег Рюриков и Аслан Асланов.

— Здесь,— повторил Джеймс О'Нейл, в душе переставая верить в свое предприятие.

— Ээээ, что вы там ищите?— послышался голос с кургана. Все трое подняли головы. На них смотрел старик в папаше, расположившийся на бараньем тулупе.— Что вы ищите?— повторил тот свой вопрос.

— Отец, ты не знаешь, где здесь селение Чабаны?— спросил Асланов.

Старик долго молчал, потом засмеялся, закашлялся и устало произнес:

— Вспомнили... Чабаны. Его и следа не осталось. Исчез вместе с нищетой и голодом.

— А было селение?— выкрикнул Джеймс О'Нейл, чувствуя, как гулко сердце заколотилось.

— Было, давно было. А теперь на его месте Советское. Наджаф-халу помнит Чабаны, хорошо помнит.

16

Была лунная ночь. Густой темный лес настороженно следил за ними. Молчали даже ночные птицы.

— Сэр, я одобряю вашу идею,— сказал Майкл Чиверс, выбрасывая из ямы очередную лопату земли.— Время тревожное. Вывезти с собой такую кучу золота очень трудно.

— Я долго об этом думал, Майкл. И еще думаю, не век же им воевать, черт побери. Разобьют большевиков, приеду, заберу свое добро.— Сэр Гарри Милтон сидел на земле, тяжело дыша, и обдувал натертые мозоли.

— Здесь они будут надежнее, чем в лучшем швейцарском банке,— засмеялся Майкл.— И я спокоен за свои проценты.

— Да, Майкл, будь спокоен.

— Сэр, не довольно ли копать?

— Еще немного, Майкл. Доведем до четырех метров. Будет надежней, и нам спокойней, Майкл.

Спустя час они пересыпали золотые монеты из мешков в глиняные кувшины и поднесли к краю ямы.

— Подай поленья, Майкл.

Сэр Гарри Милтон сполз вниз, обложил дно ямы и стенки поленьями, уложил поданные сверху на веревке кувшины и накрыл их поленьями крест-накрест. Пот лил с него градом, руки, лицо, ноги были в грязи.

— Подымай, Майкл.

Сэр Гарри Милтон взялся за веревку и выполз наружу.

Майкл взял в руку лопату и принялся засыпать яму.

— Утрамбу, Майкл, попрыгай, нужно, чтобы земля уплотнилась,— сказал сэр Гарри Милтон, тяжело дыша.

Когда Майкл прыгнул в яму, сэр Гарри Милтон подошел к краю, вынул из кармана револьвер, прицелился в спину и выстрелил. Майкл сполз без звука.

— Прости, Майкл Чиверс,— сказал сэр Гарри Милтон, пряча револьвер в карман.— Ты обворовал меня, а воров, как ты знаешь, по нашим законам осуждают на смерть.

Он принялся засыпать яму спокойно, уверенно, размеренными движениями, словно не было никакой усталости, словно и на ладонях не было волдырей.

Засыпав яму, сэр Гарри Милтон снял грязную одежду, помылся в речке, протекавшей рядом, помылся с удовольствием, вздыхая и охая от удовольствия, переоделся в чистое, потом взобрался на заднее сиденье фаэтона и уснул.

Рано утром, когда еще солнце не успело озолотить

верхушки деревьев, он выехал на дорогу и продолжил свой путь к Порт-Петровску. Старую одежду сэр Гарри Милтон выбросил за Дербентом, однако не забыл вытащить из кармана брюк револьвер и бросить под сиденье, где лежал мешочек с золотом Майкла Чиверса.

17

Вертолет заглушил мотор. Открылся люк, на землю посыпались лопаты и ломы, затем спрыгнули шесть крепко сбитых молодых мужчин. Машина оторвалась от земли, набрала высоту и улетела.

— Приступайте, ребята,— коротко бросил Асланов и указал глазами на колышек, который был вбит в землю.— Здесь.

Двое из прибывших взяли в руки лопаты и принялись копать.

Джеймс О'Нейл и Олег Рюриков сидели на кургане, глядели на работавших и каждый думал свою думу. Джеймс О'Нейл никогда не чувствовал себя таким неуверенным, как сегодня. На расстоянии, за десятки тысяч километров золото казалось намного ослепительней, желанней, заманчивей, чем сейчас, когда он сидел над ним, а может и над позором своим. Да, да, есликлада не окажется, он может считать себя обесчещенным. Разве позволительно Джентльмену, сыну туманного Альбиона подрывать свой авторитет. Перед друзьями, перед общественностью, перед этим парнем, очевидно усмевающимся в душе,— Олегом Рюриковым.

Олег Рюриков на самом деле усмехался в душе. Неужели в наше время могут быть клады, думал он. Непостижимо. И глупо.

— Товарищ Асланов,— слышалось из ямы.

— Что там у вас?

— Посмотрите, останки:

Подбежали одновременно все трое.

Джеймс О'Нейл склонился над ямой и увидел скелет.
— Поднимите осторожно, не рассыпьте,— сказал Асланов и, повернувшись к Джеймсу О'Нейлу, задумался.

— В вашем письме об убийстве ничего не сказано?

— Ни слова,— сказал Джеймс О'Нейл.— А разве было убийство?

— Что же это тогда может быть? — усмехнулся Асланов.— Владелец клада не мог заживо похоронить себя. Он вернулся домой. Кому в таком случае принадлежит скелет?

— А вы не полагаете, что он может принадлежать грабителю?

— А что мешало ему взять клад?

— Не докопался. Наверно, не дошел до него.

— И его убили. За что же убивать, если клад не обнаружен?

— Почему вы считаете, что он не обнаружен?— похолодел Джеймс О'Нейл.— А может, его унесли.

— Но вы говорите, он зарыт на глубине четырех метров. Здесь пока два.

— Может... что-то напутано...

— Он не мог себе позволить напутать,— сказал уверенно Асланов.

— Послушайте, Джеймс, а не было ли с дедушкой в пути кого-нибудь?— спросил Олег Рюриков.

— Не знаю... Что вы хотите сказать?— вдруг насторожился Джеймс О'Нейл.— Он не мог бы поднять руку ни на кого. Он был джентльмен до мозга костей.

— Товарищ Асланов, не хватит ли копать,— донеслось из ямы.

— Что, устали?

— Да нет. Слишком глубоко уходим.

— Сейчас измерим. Подождите.

Бросили рулетку. Она показала четыре метра 40 сантиметров.

Джеймс О'Нейл ощутил в груди зияющую пустоту.

Он быстро пошел к дороге, определил снова юго-восток, прошел тридцать метров и точно вышел к яме.

— Ничего не понимаю,— проговорил он.

— Что тут понимать. Или не было его вообще, или давно унесли,— сказал Олег Рюриков.

— Нет, я отсюда не уйду. Надо искать клад,— сказал Джеймс О'Нейл, опускаясь на край ямы.— Я не для того летел тысячи километров, чтобы глядеть в пустую яму. А моя честь, мое доброе имя, да вы же первыми перестанете меня уважать, окрестив обманщиком. Нет, надо искать...

— Давайте будем искать,— сказал спокойно Олег Рюриков.— Вас никто ни в чем не обвиняет. Указывайте, мы готовы выполнить все ваши указания.

— Я не знаю, что предпринять,— сказал Джеймс О'Нейл.— Надо подумать. Я останусь здесь. Нет, прошу вас, не возражайте, я останусь здесь. И к яме нельзя никого допускать.

— Не ночевать же вам на воле,— усмехнулся Асланов.— Попробую напроситься в гости к старику.

И он усталой походкой стал подниматься на курган, откуда старец в черной бараньей папахе с интересом наблюдал за их работой.

18

Джеймс О'Нейл, ошарашенный обрушившимся на него непредвиденным обстоятельством, медленно поднялся по деревянной лестнице на веранду и остановился. За ним шел Олег Рюриков.

— Заходи в комнату,— крикнул со двора Наджафхалу.— Я скоро подойду.

Отсюда, со второго этажа, открывалась удивительная картина. Закатное солнце обливало мягким светом зеленые плантации винограда. Далеко впереди синело небо. Но природа, в другое время восхитившая бы Джеймса

О'Нейла, сейчас не тронула его удрученное и растерянное сердце. Он вошел в комнату, сел на диван, закинул ногу на ногу, огляделся, и только тут в нем проснулись чувства: удивления и неверия. Стены и пол были обвешаны и устелены коврами, в которых он, Джеймс О'Нейл понимал толк. Мебель в комнате была современная, в углу на ножках стоял большой телевизор.

— Это... все его, старика?— спросил Джеймс О'Нейл, вопросительно глядя на Олега Рюрикова.

— Наверно,— улыбнулся Олег.

Джеймс О'Нейл встал, подошел к двери, ведущей в другую комнату, и, чуть помешкав, открыл ее. В глаза снова бросились яркие цвета ковров и двуспальная деревянная кровать с многочисленными одеялами и подушками.

«Непостижимо,— подумал Джеймс О'Нейл,— у этого старца, с виду ничего не значащего, такая коллекция богатых ковров. Непостижимо».

Когда он обернулся, Олег Рюриков беззвучно смеялся.

— Не удивляйтесь, Джеймс, это все его.

— Зачем, не пойму, зачем такая коллекция старику. Жадность? Раздал бы детям, племянникам, скажи, он так жаден?

— Нет, Джеймс, у его детей и племянников свои ковры, может, и более, чем у старика.

— Откуда же, откуда?

— Ткут сами, Джеймс. Для себя.

— Для себя? И не выносят на рынок? Не продают?

— Наверное, им деньги не нужны. У них всего достаточно.

— И холодильник есть, и автомобиль, и лошадь?..— с сомнением протянул Джеймс О'Нейл.

— Представьте себе, да.

В комнату вошло несколько мужчин, за ними Наджаф-халу.

— Скучаете? Нет? Хорошо, что нет. Гости не должны скучать. Это мои сыновья,—представил старик,—Мамедбек, агроном совхоза, Нариман, врач, Аскер, учитель, Асеф, шофер, а еще есть шесть дочерей.—Наджаф-халу засмеялся, вытер рот рукой.—А это Хидирбек, директор нашего совхоза.

— И все дети живут хорошо?—спросил недоверчиво Джеймс О'Нейл, когда все расселись за столом.

— А как же им еще жить!—удивился Наджаф-халу.—Все хорошо.

— И у всех есть ковры?

— У всех есть. Понравились? Хе, хе, хе, наши женщины ткут. Выбирай любой, подарю.

— Что вы, я не для того спросил.

— Нет, наш обычай—делать гостю подарок. Выбирай любой. У нас и автомобиль есть. Мамедбек купил три года назад, Нариман вот-вот купит, а Асефу к чему свой—ему государство дает...

— У нас на премию можно купить машину,—вступил в разговор Хидирбек.

— На премию?

— Да, от выполнения плана рабочие совхоза и специалисты получают большую премию. Главный агроном, бывает, получает до трех тысяч рублей.

— А учитель? Какая у него премия?—с недоверием спросил Джеймс О'Нейл.

— Никакая. У него зарплата хорошая.

— Тяжело верить всему этому,—улыбнулся Джеймс О'Нейл.

— А мы не заставляем,—улыбнулся Наджаф-халу,—рассказываем гостю все так, как есть.

В комнату вошли две чернобровые женщины и стали накрывать на стол.

— Мои невестки,—пояснил Наджаф-халу и повторил.—Рассказываем гостю все так, как есть. Гости у меня часты. Помню, первый был много-много лет назад,

когда никак нельзя было разобраться, чья же власть, царя, турков или вообще никакой власти нет. Зашел как-то ко мне, как сейчас помню, красивый высокий мужчина. Жил я не то что бедно, почти нищим был, а угостить гостя угостил, лепешкой и кислым молоком. Кислое молоко, помню, выпил с удовольствием, прямо из кувшина. А приходил он по делу — кувшины покупать. Купил шесть штук. Не торговался.

Пока Наджаф-халу вспоминал встречу с первым гостем, на стол подали жаркое, холодную индюшатину, хинкал, зелень и фрукты, пышные лавашы, белое и красное вино. Хидирбек включил телевизор. Шел военный фильм.

— Опять проклятая война,— вздохнул Наджаф-халу, покачав головой.— Проклятая война... Двух сыновей она взяла у меня и старуху, которая умерла с горя.

— Я выключу, Наджаф-халу,— сказал Хидирбек,— прости...

— Нет, не надо выключать, мы должны помнить, какой ценой достался нам этот хлеб и это вино. Э, что вы приуныли, наполняйте бокалы. Выпьем, дети мои, за гостей, за вас, гости.

— Замечательное вино,— воскликнул Джеймс О'Нейл, причмокивая.

— Свое, сами давили,— с гордостью произнес Наджаф-халу.

— Вкусно. Мясо есть руками?— спросил Джеймс О'Нейл, глядя, как едят за столом.

— Можно вилкой, но вкусно руками,— пояснил Наджаф-халу.

— Как называется это блюдо?

— Хинкал.

— Хинкал. Вкусно.

— Наполняйте бокалы, дети, не забывайте о бокалах.

Джеймс О'Нейл то и дело поглядывал на экран телевизора, где саперы прощупывали мины миноискателями.

Внезапно одно слово горячей пулей ударило в голову: щуп, миноискатель. Да, да, именно им можно обнаружить золото. Оно должно быть там, в яме, сэр Гарри Милтон не может обмануть его.

Он с какой-то затаенной надеждой и хитринкой взглянул на Олега Рюрикова, и тот сразу понял, что в голове Джеймса О'Нейла родилась идея.

А ужин продолжался, щедрый, веселый, и Джеймс О'Нейл чувствовал себя уже раскрепощенным, уверенным.

19

На следующий день, часам к одиннадцати, у кургана опустился вертолет. Молоденький сапер спрыгнул на землю, не спеша, вразвалочку подошел к яме, потом окинул взглядом курган и пошел вокруг ямы со щупом.

Джеймс О'Нейл превратился в комок нервов. Он ничего не слышал и не видел. Для него мир не существовал. Взгляд его был прикован к миноискателю. Сапер все дальше отходил от ямы. На лбу Джеймса О'Нейла блестели бисеринки пота.

Молчал и Наджаф-халу, вернее, не разговаривал, а в душе говорил сам с собой:

— «Какие времена пошли, откуда приехал за золотом, вай-вай, не поленился, откуда приехал, а где оно? Где оно, золото? Хе-хе».

Сапер остановился, обернулся к Олегу Рюрикову:

— Может, вокруг холма пойти?

— Что ж, пойді...

— Не надо вокруг холма,— перебил вдруг Джеймс О'Нейл.

Сапер глянул вопросительно на Олега Рюрикова.

— Спускайся в яму,—коротко сказал тот.

Сапер сполз в яму. Наступила долгая напряженная тишина.

Вдруг из земли вырвалось глухо:

— Спускайтесь рыть.

Поймав взгляд Олега Рюрикова, двое мужчин с лопатами и ломом сползли вниз.

Джеймс О'Нейл и Олег Рюриков присели у края ямы.

— Что там,— нетерпеливо крикнул Джеймс О'Нейл. Он уже не чувствовал, с какой неистовой силой в груди билось сердце.

— Подкапываем стенку.

Установилось молчание. Долгое.

— Ну, что,— не выдержал снова Джеймс О'Нейл.

— Подкапываем. Поленья разбираем.

— Какие еще поленья? Что это за поленья?

— Стенка укреплена поленьями. Тьфу ты черт...
Смотри-ка ты, а...

Опять стало тихо.

— Что там,— закричал Джеймс О'Нейл.

— Клад.

Джеймс О'Нейл потерял контроль над собой. Он присел на край ямы и сполз в нее. Сбоку, в земле зияла большая дыра. Он растолкал мужчин, просунул в нее голову. Как в нору. Но нора оказалась вместительной, стенки ее, пол и потолок были обложены поленьями. Плотнo друг к другу стояли глиняные кувшины.

Джеймс О'Нейл долго смотрел на них, хотелось запустить руку, достать пригоршню монет и посмотреть на них. Полюбоваться. Утолить жажду. Но огромным усилием воли он поборол это желание и отполз назад, хрипло, через силу произнес:

— Поднимайте.

Наджаф-халу стоял, опершись на палку, и долго смотрел на первый поднятый кувшин. Потом когда появился второй, а вслед за ним третий, он изумленно глянул на Джеймса О'Нейла, вымазанного землей, и проговорил:

— Ничего не понимаю. Это же мои кувшины.

— Как, твои?— не понял Джеймс О'Нейл.

— Ну да, мои, вот все шесть. Те самые, которые я продал гостю.

— Гостю? Он назвал себя Гарри Милтоном?

— Он никак не назвал себя. И назови, я бы не понял его. Я не знал ни его языка, ни русского. Но клянусь всевышним, папайкой своей клянусь, что эти кувшины мои. Где же он достал столько золота? Ограбил, может, кого?

— Он был джентльмен и никого не грабил,— уверенно сказал Джеймс О'Нейл.

— А кувшины мои, все шесть. И как хорошо сохранились.

Кувшины быстро погрузили в вертолет, Джеймс О'Нейл и Олег Рюриков тепло попрощались с продолжавшим удивляться, как ребенок, стариком, и машина, оторвавшись от земли, поднялась в небо.

20

В этот день все село узнало о кладе. Люди спускались в яму, цокали языками, потирали руки и удивлялись.

— Как же мы не знали...

— Может, и другие курганы хранят золото?..

— Кто же это мог зарыть, какой грабитель или душегуб?..

Наджаф-халу сидел на кургане, опершись на палку, и с улыбкой, посмеиваясь, глядел на любопытство односельчан.

— Старик,— кричали ему,— ты десятки лет просидел на куче золота и не почувствовал ее тепла?

— Разве золото дает тепло,— отвечал Наджаф-халу.

— Старик, ты высиживал золотые монеты, а мы потом выращивали свой хлеб.

— Вы ели выращенный хлеб, а я так и не увидел золотых цыплят.

— Старик, почему ты скрывал от нас свой клад?

— Не хотел, чтобы вы перессорились и стали жадными. Ведь золото делает людей жадными.

— Старик, почему ты не выкопал клад?

— Боялся, что он помутит мой разум и отгородит меня от вас.

«Нет, теперь шуткам долго не будет конца, этим балагурам так скоро рты не заткнешь», — с улыбкой подумал Наджаф-халу и прикрыл веки, приятно зажмурившись.

21

В одиннадцать часов Джеймс О'Нейл, свежий и бодрый, спустился в кабинет, стены которого до потолка были обставлены книжными стеллажами, приставил лестницу и поднялся под самый потолок. Именно там лежала литература о странах мира, в том числе и о России, которая сейчас интересовала его. На прошлом занятии студенты колледжа задали ему массу вопросов о Советской России. Он сначала испугался обилия вопросов, испугался, что бессилён будет ответить на них, потом вдруг вспомнил о дядюшкиной библиотеке и успокоился.

— Ты нашел еще записку?

Джеймс О'Нейл вздрогнул, глянул вниз и улыбнулся.

— Одри, ты вошла так тихо и незаметно и напугала меня.

— Скажи, Джимми, еще записка?

Одри лукаво улыбалась.

— Я так и не ответил на вопросы моих студентов, понимаешь...

— Джимми, и где же ты хочешь найти ответы?

— В книгах сэра Гарри Милтона.

— Джимми, Джимми...

— Боже мой,— Джеймс О'Нейл хлопнул себя по лбу и расхохотался.— Я же своими глазами видел Советскую Россию. Вот этими глазами. Ходил по ее земле вот этими ногами. Ел ее хлеб, пил ее воду, Одри, а ищу книги. И ты знаешь, Одри, они совершенно не настроены воевать.— Джеймс О'Нейл присел на перекладину лестницы.— И откуда у наших писак столько злобы на русских. И желчью обливают, и клеветой поносят. Вспомни вчерашнюю телепередачу... как истошно кричал диктор: военная угроза с Востока! Какая глупость, Одри, этот народ и не помышляет о войне. Люди выращивают виноград, ходят на концерты, гуляют и смеются, я ни разу не услышал из их уст слова «война».

— Джимми, и ты обо всем этом будешь говорить своим студентам?— испуганно спросила Одри.

— Не знаю,—после долгого молчания произнес Джеймс О'Нейл.— Все это не так просто, Одри. Не так просто найти в себе болезнь. Не так просто установить диагноз своей болезни... Ты понимаешь меня? Но ведь от болезни надо излечиваться, иначе она сгложет, как червь. Я тебе не рассказывал, там, в яме, где были засыпано дядюшкино золото, мы обнаружили скелет. Чей он? Почему в яме? Причастен ли к смерти того человека дядюшка? Эти мысли меня гложут, и я не могу найти ответа. И не найду, наверное. То время померкло. Но дядюшка... я все время думаю, мог ли дядюшка убить человека?

— Джимми, что ты говоришь?

— Я не хочу этому верить и не должен верить. Но я сейчас думаю, мог ли он убить?

— Ты оттуда приехал какой-то другой, Джимми!— произнесла Одри, прикрыв рот ладонью.

— Я тот же Джеймс О'Нейл,—улыбнулся Джеймс О'Нейл, но улыбка получилась у него горькая.— Я продукт своего общества, сын своего отечества. Но я хочу смотреть на реальный мир трезво. И жить честно, своей

головой. И не позволять себя дурачить. Себя и своих студентов.

Громко, уверенно хлопнула входная дверь.

— Куда подевались хозяева? Вечно скрываются от гостей, откуда такая скаредность... А, миллионер Джеймс О'Нейл и прелестная леди Одри. Низко кланяюсь, сэр, мое искреннее почтение, леди...

В дверях библиотеки стоял улыбающийся во весь рот репортер вечерней газеты Дональд Силлитоу.

— Ваши впечатления, сэр, о Советской России для нашей газеты. Говорить правду, одну только правду, и ни-чего кроме правды.

ПРОИСШЕСТВИЕ В АУЛЕ МУНО

1

— Вас обвиняют в преднамеренном убийстве.

— Я не убивал его.

Молодой мужчина поднял большие серые глаза, в которых застыли тоска и усталость, и снова повторил:

— Я не убивал его.

— Вот беда-то,—вздыхнул Камиль, откинувшись на спинку стула.— Но платок и нож ваши?

— Мои.

— Бывали между вами и Батыровым столкновения?

— У кого их не бывает.

— Угрожали вы ему убийством?

— Пристал он как-то ко мне без причины, я и сказал, что нарвется когда-нибудь он на меня...

— Будьте точнее. Вы ему сказали: «Убью я тебя когда-нибудь, Батыров, чтобы раз и навсегда перестал ты меня преследовать».

— Да.

— И убили.

— Не я убивал его.

— А кто, кто? Кто убил Батырова? Убил же его кто-то, в конце концов?

Камиль вытянул ноги и зло глянул на мужчину. С таким трудом он добился короткого свидания с сидевшим против него заключенным, и вот драгоценное время истекало, уходило как вода в решете.

— Все очень тонко и умно подстроено. Кому-то, наверное, надо было меня убить.

— И убить милиционера? Или наоборот, убить милиционера и свалить убийство на вас?—спросил Камиль.

— Зачем надо было убивать Батырова?

— Почему в это грязное дело ввязали вас? У вас были недоброжелатели, враги?

— Нет.

— Но кого-нибудь вы можете подозревать в убийстве?

— Нет, не могу.

— Подумайте серьезно. Мать и сестра ваши ночами глаз не смыкают, а вы тут героя из себя строите.

— Но кого мне подозревать? Османа? Он никак не ладил с Батыровым, даже за столом они грозились устроить друг другу злую шутку.

— Кто такой Осман?

— Егерь заповедника. Он иногда позволял мне бить маралов, а то и сам приносил тушу. Батыров знал, что Осман совершает противозаконные действия, но задержать на месте преступления не удавалось. Да и преступление ли...

— Это другая тема, еще кого можно подозревать?

— Нуцалхан не ладил с Батыровым. С легкой руки Батырова сельчане за глаза называли Нуцалхана спекулянтom, а при встречах с Батыровым Нуцалхан просил аллаха убрать «злопыхателя и клеветника с его пути».

— А Наби?

— Наби... нет.

— Я слышал, что он любил вашу невесту и сватался к ней.

— Так можно подозревать все селение, и даже старого Ханипашу.

— А это что за личность?

— Человек.

— Все-таки? Имя какое-то героическое.

— Появился года два назад в селении и пригрелся у моей шашлычной.

— Подаяние, что ли, просит?

— Питается у меня, и денег, видно, ему не занимать.

Накопил на старость. Все свободное время проводит у шашлычной. Безобидный старик.

— И откуда приехал этот Ханипаша?

— Так можно и мою кошку подозревать, которую я приютил год назад. Чья она и откуда пришла — не выяснял.

— Тут дело проще: ее привлек запах шашлыка. Друзей хоть много у вас в селении? Без сомнительных репутаций.

Мужчина улыбнулся, легкий румянец лег на его щеки.

— Долго будет перечислять.

Камиль взглянул в удивительно белое и нежное лицо мужчины, больше походившее на девичье, улыбнулся, подался вперед.

— Легче отыскать иголку в стоге сена, чем малую жемчужину в потоке твоих слов.

2

— И все-таки я убежден в невинности Арацхана,— сказал Камиль, перевернувшись на спину.

— Более того, в непричастности его к убийству,— в том же тоне продолжил редактор и осторожно прикрыл лицо соломенной шляпой.

... Воскресный полдень дышал зноем. Камиль и редактор газеты загорали на пляже.

— Мне не понятны мотивы, заставившие тебя с таким рвением взяться защищать этого, как его, Арацхана. Верховный суд республики разберется, он и не такие ларчики открывал. Может статься, что ты расклеился от горячих просьб и слез сестры его?

— Причем тут его сестра? В беде люди всегда обращаются за помощью к друзьям. Ну просила, что из того? Я же не следователем еду, а изучить микроклимат, в котором жил Арацхан, людей, окружавших его. Расклеился... Отчего я мог расклеиться?

— Невыносимый ты человек, братец,— раздалось из-под шляпы.

— Мой дед часто наставлял меня: «Не наседай в споре на собеседника, дай ему время взвесить свои суждения, и он найдет их ошибочность». Пойду утолю свою жажду.

Камиль встал, стряхнул с себя песок и побежал по раскаленному песку к кафе. Взмыв по высокой бетонной лестнице на открытую веранду, он пристроился к длинной очереди, стоявшей за пивом, и облокотился на перила.

Песчаный берег, изогнувшийся на несколько километров золотым серпом, был забит тысячами отдыхающих. Окрашенные в яркие цвета навесы и зонты, детские игровые площадки и шезлонги, разноцветные купальные костюмы, тела — от снежной белизны до шоколадно-бархатного — вся эта гамма красок под полуденным солнцем слепила глаза. Когда Камиль вернулся, редактор лежал в прежней позе, с большого тучного тела стекали капли воды.

Камиль присел рядом на корточки и шепотом спросил: — Как решили, Петрович?

— Надоел ты мне с этим своим Арацханом. Без тебя будто не управятся. Бери неделю и уезжай ко всем лучшим, ради бога, и оставь меня в покое.

— Семь дней! — изумленно протянул Камиль. — За семь дней я не успею обойти и семь дворов.

— Ты что, на хинкал едешь, или форелей ловить в озере? Выпиши командировку на неделю. Потом продлим.

— Это уже деловой разговор.

Камиль поднялся, окинул взглядом пляж и побежал к воде.

3

Его оглушил рев моторов, прижало к креслу, за бортом закачалась земля.

Справа лежало море, отороченное у желтого песчаного берега кружевом волн, слева — громоздились горы.

— Первый раз в горы? — раздалось за спиной. Камиль обернулся.

За ним сидел красивый чернобровый молодой мужчина и снисходительно улыбался.

— Сто первый, — крикнул Камиль.

— Чего уши зажал?

— Сквозняка боюсь.

Тот громко расхохотался.

— Куда едешь, друг?

— В Муно.

— Вап-па-пай, значит, ко мне. Было время, муницы гостей искали за аулом. Гость — это подарок аллаха, говорили они, без подарка жизнь серая и скучная. Теперь гостей находим в небе.

— Век технического прогресса. Как звать тебя?

— Наби. Наби Хижалов.

Камиль задумался, затем проговорил:

— Слышал, у вас милиционера убили.

— Не убили, а убил один человек. Арацхан, говорят.

— Как это, говорят? Раз арестовали, значит убийца уличен.

— Вап-па-пай, разве в таких делах ошибки быть не может?

— Ты хочешь сказать, что Арацхан не...

— Ничего я не хочу сказать, — прервал Наби. — Ты кто, следовательно?

— Нет. Просто любопытно.

— Любопытно, — неожиданно зло передразнил Наби. — Не маленький, сам знаешь, к чему приводит любопытство. И дикий зверь попадает в земляную яму.

— Я слышал, что к его невесте сватался другой, как звали забыл... — проговорил Камиль.

— Ну и что с того? — после минутного молчания

спросил Наби.— Ты не знаешь наших обычаев? К одной девушке сватаются десятки парней. Слушай, от кого ты все это узнал, интересно мне, очень интересно. Нет, по моему, ты следователь.

— Разве я похож на него?

— Кто тебя знает. Легче раздеть черепаху, чем разгадать человека.

— Слушай, Наби...—Камиль задумался: стоит ли бить последней картой?—Слушай, а мог ли жених убить милиционера и свалить убийство на Арацхана?

— Для чего?—крикнул Наби.

— Как для чего? Чтобы жениться...

— Дурак,—взорвался Наби.—Прости меня, но ты рассуждаешь как сумасшедший... Как можно из-за женщины убивать мужчину, вап-па-пай. И потом, зачем убивать милиционера, если мешает Арацхан? Ты, друг, наверное, начитался всяких книг, где убивают, расследуют, путаются в догадках... Или на самом деле следователь.

— Не следователь я,—сказал Камиль и устало откинулся в кресле.

Под крылом самолета тянулись горные цепи, на плоскогорье и в ложбинах виднелись коробки домов, в долине узкой реки теснились аулы. Вдали в лучах холодного солнца на фоне синего хрустального неба сверкала длинная белоснежная гряда. Главный Кавказский хребет.

— Какая красота,—прервал молчание Наби.—Сколько ни летаю, не перестаю удивляться: кто мог создать такое?

— Аллах.

— Несерьезный ты человек, друг. Я тебе такую красоту покажу — рот разинешь. К Осману поведу, в заповедник. Посмотрю, там какого создателя вспомнишь.

Самолет накренился, делая круг над поляной. Накренились земля, горы, небо, потом опустился, еще раз вздрогнул корпусом и, пробежав с десятков метров, он

замер, умолк, и наступила тишина и покой. Свинцовая тяжесть и гул, начинившие голову и тело, медленно отходили.

Камиль прыгнул на землю, сощурился от солнца; свежий воздух ударил в ноздри, заставив запрокинуть голову и глубоко, до боли в груди, вдохнуть.

— Акклиматизируешься? — улыбнулся Наби. — Пойдем, ты мой гость. Никаких возражений быть не может.

— Мой дед учил: не отказывай никогда в гостеприимстве, иначе наживешь неприятеля.

— Твой дед был мудрым человеком. Правильно учил.

Они шли по траве. Солнце садилось. Внизу виднелся аул Муно, вытянувшийся вдоль мелководной речки. Добрая половина его домов расположилась на плоскости и утопала в зелени фруктовых деревьев, другая половина взбегала на гору, так и не дотянув до гребня. На гребне в гордом одиночестве возвышался телеретранслятор.

4

Мустафа спешил, стараясь успеть в аул к полудню. Природа не трогала его. В ауле, как ему сообщили чабаны, с утра идет какое-то совещание, и ему хотелось застать председателей колхоза и сельсовета, чтобы выпросить у них лес для строительства дома. Ветхий дом, в котором жили отец и дед его, еле противостоял ураганным ветрам, а в дождливые дни крыша напоминала хорошее сито. Он долго не слушался настояний жены строить новый дом, но однажды ночью, когда на плоской крыше хрустнули бревна и посыпалась глинистая земля, понял, что быть беде, если не уйти из этого дома.

Издалека послышался рокот и появился самолет.

— Двенадцать часов, — сказал себе Мустафа, —

к двум я буду в ауле. Самое время. Только бы они не ушли...

Спустившись в аул, он направился прямо в правление колхоза. В кабинете председателя было накурено. У дверей сидел зав. магазином Нуцалхан. Председатель, устало откинувшись на спинку стула, размеренно качал головой, приговаривая:

— Зачем тебе еще дом, ну, зачем тебе еще дом... А, Мустафа, заходи. Присаживайся. Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось. По делу пришел.

— Присаживайся. Что за человек твой сосед, рассудительного слова не понимает, дисциплины не знает, закону не подчиняется...

— Как тебе не совестно, председатель, пожилого человека так честить, и за что? Два-три бревна прошу, а ты меня на суд выставил...

— Ты уже седым стал, а жадность свою так и не переборол.

— Астапируллах, какие издевательства я переношу из-за пяти-шести бревен, астапируллах,— Нуцалхан воздел глаза к потолку и провел ладонью по лицу.— Не дашь?

— Нет, беззаконие я не могу допустить,— твердо сказал Муртуз.

— Хо-ро-шо... Тогда я буду жаловаться.

Нуцалхан вышел, сильно хлопнув дверью.

— Видал, какой фрукт?— председатель указал головой в сторону двери и вдруг грохнул кулаком по столу.— Ууу, стяжатель, управы нет на него. Ну, а ты зачем пришел, тоже за бревнами, говори...

Мустафа безнадежно махнул рукой:

— Не стоит, ничего мне не надо.

— Ты не сердись на меня, устал сегодня от таких, как Нуцалхан. Выкладывай, в чем нужда...

— Боюсь даже произнести.

— Духу не хватает? У тебя-то? Ха-ха-ха, ну выкладывай, времени нет.

— Бревна нужны. Дом надо бы построить.

— Бревна... Опять бревна... Дом тебе нужен, знаю. Нужен... День-два придется подождать.

— Мое дело не горит, подожду сколько надо.

— Именно горит твое дело. За лето надо дом построить, а рук не хватает... Поможем, Мустафа, не беспокойся, надо будет — весь аул подниму. У тебя все? А то меня Биби-ханум ждет уже больше часа, с глазу на глаз хочет говорить.— Председатель засмеялся, потом ласково обратился к незаметно сидевшей в углу старушке:

— Присаживайся поближе, Биби-ханум. Что же ты мне хотела сообщить? Выкладывай.

Мустафа притворил за собой дверь и облегченно подумал: «У меня будет новый дом». Он постоял еще минуту, и сам того не желая, невольно прислушался к разговору, происходившему в кабинете.

— Биби-ханум, из каких источников ты получаешь эти сведения? Сколько раз я тебя просил: брось гадание, настроишь весь аул против себя. Ну, к чему тебе людям голову морочить, а, скажи?..

— Сынок, кошки покидают дом, коровы тревожатся, предчувствуют; людям беда грозит, поверь, сынок, старухе...

— Биби-ханум, не говори никому, ради бога, осмеют тебя, старую женщину.

«Вот чудачка, опять принялась за свое»,— подумал Мустафа, и в этот миг будто кто-то сильно потрянул дом. Мустафа выглянул в окно, на улице было пустынно и тихо; он открыл дверь кабинета и встретился со спокойным взглядом председателя колхоза.

— Наверное, трактором задело нас.

Председатель распахнул окно.

Улица была пустынна.

Он обменялся с Мустафой взглядом, медленно повернул голову в сторону Биби-ханум, раскрыл было рот, но в это время пошатнулся пол: словно под досками была вода, а не твердая земля.

— Интересно, очень интересно,— протянул задумчиво он и сел за стол.

Все трое молча выжидали. Шло время: на стене уверенно и мерно тикали часы.

Выйдя на улицу, Мустафа остановился в задумчивости, пытаясь разобраться в происшедшем непонятном явлении, но тут увидел Камиля и Наби, выходивших из проулка.

— Камиль? С приездом, какими судьбами?

— Мустафа! Сколько лет — сколько зим!

— Что для нас время. Щелкаем дни, как орешки. Откуда ты явился, не с неба ли?

— Угадал,— засмеялся Наби.

— Чудеса,— сокрушенно покачал головой Мустафа.— Этот является с неба, под ногами дрожит земля. А ты тут глупо хихикаешь.

— Что с землей-то случилось?— улыбнулся Камиль.

— Вы ничего не заметили?— удивился Мустафа.— Земля под ногам ходила, дом трясло, а они ничего не заметили!

— Мы ничего не ощутили,— сказал Камиль.

— А, шайтан с вами,— махнул рукой Мустафа.— Пойдем домой, Камиль.

— Как домой?— удивился Наби.— Он мой гость.

— Вах, подумаешь, был твой — теперь мой.

— Слушай, Мустафа, я его, можно сказать, в небе нашел, намного раньше тебя...

— А хоть у аллаха нашел бы, подумаешь. В самолете сидели сорок минут. А я с ним знаю сколько лет знаком, не знаю. Пойдемте ко мне, я еще и дома-то не был.

— Послушай, Наби, ты обещал познакомить меня с Османом,—вдруг вспомнил Камиль, замедлив шаг. Они поднимались по улочке, ведущей к дому Мустафы.

— Не много ли на сегодня знакомств?—спросил Мустафа.— А, шайтан с вами, поступайте, как хотите. Зачем тебе понадобился Осман, не пойму.

Дом Османа, большой, крепкий, бревенчатый, стоял почти под ретранслятором.

Наби громко постучал в дверь:

— Осман, ты дома?

Молчание длилось недолго, вышла женщина в накинутом на голову цветастом платке.

— Заходите, я его позову.

В доме пахло мясом, дымом.

— Печь не может наладить, мужчина,—произнес Мустафа. Он не успел договорить, как в комнату вошел невысокий, крепко сбитый, крутоплечий человек. На полном лице его выделялись острые глаза и черные усы.

— Наконец-то мой дом посетила радость, сразу столько гостей. Жена, готовь на стол.

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Как поживает твое стадо, Осман?—спросил Мустафа, протянув руку за курагой, сушившейся на подоконнике.

— Разве это работа, брат?—Осман сокрушенно вздохнул, затем принялся пощипывать усы.—Буйволиные нервы надо иметь. Сам рассуди—пешком за турами бегать не будешь. Вертолет выпросить надо? Раз. Гнаться за ними и считать поголовье по всему заповеднику надо? Два. А ты знаешь, как они бегают—со скалы на скалу—и нет их. Браконьеров ловить надо, да чтобы шальная пуля в тебе не застряла? Три. Отстрел туров запрещен, а некоторым товарищам приходится угождать. Четыре.

— Осман,— позвал женский голос из кухни.

— Эти женщины всегда не вовремя появляются,— сказал он, но встал и вышел. Вернулся он скоро.

— О чем вы тут без меня шептались.

Глаза его хитро пробежали по лицам сидящих.

— Камиль интересуется делом Арацхана,— сказал Наби.

— А, следовательно?

— Журналист.

— Понятно, писать будет, защищать,— сказал задумчиво Осман.— Хороший парень Арацхан, попал в грязную историю, непонятную. Чтобы он человека убил? Не поверю. Он не мог даже скотину зарезать.

— Я слышал, что ты разрешал Арацхану бить туров?— спросил Камиль.

— Кто сказал?— резко спросил Осман.

— Арацхан.

Осман бросил взгляд на Мустафу и Наби и опустил голову.

— И сам иногда приносил тушу в шашлычную,— продолжал Камиль.

— Друзьями мы были,— проговорил Осман.— Он готовился к женитьбе, хотел накопить немного денег... Ты наши свадьбы знаешь.

— А Батыров о твоих проделках знал?

— Ну, знал, а что из того?— насторожился Осман.

— Могу подсказать. Чтобы он не смог поймать егеря как браконьера на месте преступления, надо было от него избавиться...

— Молчи, как у тебя язык поворачивается,— взорвало Османа,— из-за паршивого тура убить человека. Над тобой есть всевышний, намус, что ты треплешь языком! Молчи, иначе я подожгу дом, убью себя...

— Успокойся, Осман,— вскочил с места Мустафа,— это ведь только предположение. Он хочет помочь Арацхану.

Осман забежал по комнате, потом остановился и повернул к Камиллю багровое, налитое кровью лицо.

— Кунак, теперь послушай меня. Ради чего я должен был желать ареста Арацхана, моего друга? Ты же не младенец, понимаешь, если Батыров убит ножом Арацхана, значит, кому-то угодно убрать Арацхана.

— И Батырова.

— Да, и Батырова. Но такой противник Батырова, как я, никогда не пойдет на убийство, он на виду у всего джамаата. Враг Батырова — враг скрытный, умный, хитрый, коварный...

«Доводы его убедительны», — подумал Камиль и задумчиво спросил:

— Но кому было угодно убрать Арацхана? На чьем пути он стоял?

— Вот на чьем пути, — протянул Осман руку в сторону Наби и зло улыбнулся. — Может, ему было угодно, чтобы жениться на Гюли?

— Зажми свой скверный рот, — крикнул Наби, — и пошевели своими турьими мозгами. Вап-па-пай, чтобы самому спастись, он любого толкнет в водоворот.

— Вы что столкнулись, как бараны, мы сюда не ругаться пришли, — стукнул Мустафа кулаком по столу. — Взрослое дурачье...

В комнату вошла хозяйка и, окинув всех удивленным взглядом, спросила:

— Подавать на стол, Осман?

— Подавай, — ответил он устало, — мои кунаки от голода бесятся уже.

6

Наби, изрядно захмелевший, ушел домой, напевая песню. Камиль и Мустафа спускались по темной каменистой улочке. Ночь была безлунная. За глухой саманной стеной вдруг кто-то завопил:

— Нет, нет, я поступлю по-своему, чего бы мне ни стоило.

— Что такое?—удивился Камиль, взяв за локоть Мустафу.

— Нуцалхан, завмаг.

— Он мне нужен.

— И этот тебе нужен,—устало вздохнул Мустафа.— Что ж, послушай его. Лучше — погляди.

Камиль нащупал ногой выступ, подтянулся на стену и, перевесившись, лег грудью. По ярко освещенной веранде, как затравленный зверь, бегал мужчина.

— Что ты понимаешь в жизни, пятьдесят лет прожила, что поняла, как сахар ломать, или хлеб печь. И все? А как деньги добывать, добро копить? Кто за тебя должен?

— Совсем сдурел, старик,—сокрушенно затараторила женщина в углу веранды.—Другие на старости лет покоя ищут, детей собирают вокруг себя, а этот взбесился от богатства, сыновей разогнал, прах мне на голову, до каких дней дожила...

— Не причитай, старуха, дети на нашей могиле надгробный памятник не поставят, я сам должен об этом позаботиться. О том все мои думы. И на час смерти сейчас деньги нужны, чтобы голодранцы не зубоскалили.

— Нуцалхан, уймись, пойдем в дом, соседи услышат,—взмолилась женщина.—Какой срам на мою голову!

— Нет, ты посмотри, один, два, три, четыре, пять, шесть метров.—Нуцалхан обмерил веранду из конца в конец.—Шесть метров. Шесть метров всего-навсего длина моего дома, а я хочу довести его до десяти.

— К чему нам двоим такой дом?

— Эх, дура, да простит меня аллах. А зачем Муртузу такой дом, или Магоме, я не хочу ни в чем им уступать.

— Побойся аллаха, старик, у них дома полны детей.

Возьми нашего соседа Мустафу, в каком доме он живет...

— Возьми Мустафу!— передразнил Нуцалхан, — нашла мужчину, в такой дом гяура я не поселил бы. Нет, старуха, мой дом должен быть самым большим в ауле, самым красивым. Как я решил — так и будет.

Мустафа стащил Камиля за ногу со стены и увлек за собой.

— Хватит слушать бредни спекулянта. Спать пора, поздно.

— А ты уже и обиделся на него?— засмеялся Камиль, — не знал я тебя таким.

— Что на него обижаться, спекулянта... Магазин месяцами держит на замке, а сам где-то торгует фруктами из собственного сада. У-ух, кулацкий сын...

— Неужели кулацкий?

— А то нет. Одно правда: отец его не имел того, что имеет сын. Ну, вот мы и пришли.

Отворив калитку, Мустафа пропустил Камиля вперед. На звук шагов из темноты выскочил щенок, затаивался и, узнав хозяина, затих. Скрипнула дверь, выпустив во двор сноп света, на пороге застыли два мальчика, потом бросились навстречу Мустафе. Он обнял обоих, поднял, крепко прижав к себе, и закружился с ними.

— Ты что, так и не зайдешь сегодня в дом?— донесся до них женский голос.— Все знают, что Мустафа в ауле, только дети его не видят.

— Не мешай, жена, дай подышать ночным воздухом.

— Мало ты дышишь на своих пастбищах. Чем ты там занимаешься, хотела бы я знать, если и дышать времени нет.— Она подошла, поздоровалась с Камилем и тяжело вздохнула:

— Беспечный человек, совершенно не думает о семье. Есть будете дома или во дворе?

— Есть мы не хотим, чаю бы выпили,— опередил Мустафу Камиль.

Через пару часов, лежа в постели, Камиль слышал приглушенные голоса.

— Мустафа, сегодня наш дом так закачало, так качало, я уж думала, что стены разойдутся.

— А, ну его к шайтану,— проговорил Мустафа.

— Кого?

— Дом, кого...

— Я не о доме, я о том, что его закачало...

— Шайтан с ним, спи.

Голоса смолкли. Камиллю не спалось. Он достал из кармана куртки записную книжку, ручку и стал подводить итоги дня.

7

Простые, добросердечные, щедрые люди живут в Муно. Неужели в перламутровой искрящейся раковине может сидеть гнилая личинка?

Кто убийца? Вопрос остается открытым. Кого назвал Арацхан? Османа, Нуцалхана, Наби, Ханипашу. И только. А впрочем, я ищу не убийцу. Я хочу узнать характеры, качества людей, которые окружали Арацхана, жили с ним рядом.

Может ли Осман убить человека, если хладнокровно убивает туров, кабанов, медведя? Смелости и бесстрашия ему не занимать, меткости тоже. Другой вопрос — способен ли? Судя по его человеческим качествам — нет. Такие люди, по-моему, пойдут на самопожертвование ради спасения другого... Осман не убивал Батырова, хотя и грозился...

Мог ли этой угрозой воспользоваться другой, чтобы отвести от себя подозрения? Например, Наби! Но почему Наби должен убить Батырова, а не самого Арацхана?! Совершенно верно он мне отпарировал. Но убить Арацхана — значит навлечь подозрение непосредственно на себя. А если Батырова?.. Тем более, что Арацхан с Ба-

тыровым жили как кошка с собакой. Кто-то именно этим и воспользовался. Именно этим...

Если я временно вычеркну из списка Османа, Наби, остаются Нуцалхан, Ханипаша, мулла и весь аул. Поистине мудр был дед, когда говорил: не берись за сложное дело один, начнешь его ты, завершит другой.

Удивителен быт мунонцев. Патриархальное сосущество с современностью, минувшие века с двадцатым. Квартиры обставлены полированной мебелью, проведены электроэнергия и газ, а воду женщины носят из родника в больших медных кувшинах, закинув за плечо; зерно мелют в каменных жерновах, часами просиживая, подогнув под себя ноги и вращая рукой верхний каменный круг-жернов. В ауле работает небольшая пекарня, которая обеспечивает хлебом и соседние хутора, а многие мунонцы предпочитают печь свой хлеб; на чугунных жаровнях они пекут тонкие, плоские лавашы, которые некогда их предки пекли на раскаленных камнях... В домах рядом с эмалированной и оцинкованной современной посудой полно старинной, на стенах веранды и кухни, на полках висят и лежат почерневшие от времени изготовленные из серебра и меди казанки и котелки, миски и тазы, блюда и кувшины, которые переходят из поколения в поколение. В торжественных случаях мунонцы готовят национальные кушанья в старинной посуде. Уверяют, что в них вкуснее и ароматнее.

Рассказывают, что много веков назад в эти места забрел молодой горец. У него не было ни скарба, ни богатства, лишь белый конь под ним, да два кинжала за поясом. Уж очень понравилась ему долина, в восхищении стоял он несколько минут над речкой, потом ускорился... Появился он здесь спустя неделю, с братом, а когда однажды старший брат, умываясь в речке, глянул снизу на хмурые и молчаливые лесистые горы, сакли, улыбнулся и промолвил: пусть здравствуют и существуют. Говорят, отсюда и пошло название аула — Муно.

Утром Камиль и Мустафа вышли из дома вместе.

— Ты не пойдешь со мной?— спросил Мустафа, придерживая шаг.

— Нет, с Нуцалханом надо поговорить.

— Ты же о нем знаешь больше, чем он о себе?— удивился Мустафа.— Неужели думаешь спасти Арацхана? Если убийца и был другой, он давно исчез из аула.

— Мне нужно выяснить, Мустафа, как люди относятся к Арацхану.

— Ты хочешь доказать себе, что не Арацхан убийца. Не твое это дело.

Камиль ничего не ответил, направился к дому Нуцалхана.

Постучав в калитку и не дожидаясь ответа, Камиль вошел во двор и, окинув взглядом ломившиеся от фруктов деревья, поднялся на веранду. На цветастом ярком паласе, поджав под себя ноги, Нуцалхан пил чай; полные щеки его разругались, на лбу выступил бисером пот.

— С добрым утром, хозяин.

— С добрым, с добрым, заходи, гостем будешь.— Он осторожно поставил стакан на блюде и указал место рядом с собой.— Садись, чую сердцем — из города, меня проверять приехал. Дело нас подождет, пока выпей стакан крепкого чаю.

— Спасибо, хозяин...

— За что спасибо,— перебил его Нуцалхан,— боишься быть обязан? Хитер, молод, а хитер... Тогда дыши нашим свежим воздухом, за него надо благодарить только аллаха.

«Ну и тип,— подумал Камиль,— прав был Мустафа, говоря о нем...»

И опять Нуцалхан перебил его мысли:

— Значит, проверять приехал? Пишут на меня, все грамотными стали, от мала до старца, писать все могут,

а завмаг я один. Стар уже, хворь подстерегает на каждом шагу...—Нуцалхан перелил чай из стакана в блюдце, поднял его на пальцах и степенно несколько раз подул.—Неделями болею, лежу дома, а они пишут, что я уехал своими фруктами торговать. Избаловался народ, отбился от рук, потерял намус, не слышно имя аллаха на устах... Зря не пьешь чай, крепкий, ароматный, сам завариваю...

Камилю изрядно надоел монолог Нуцалхана, и он хотел было прервать хозяина дома, но взял себя в руки и дождался, когда тот умолкнет.

— Я по другому делу,—сказал Камиль.

— Астапируллах, еще второе дело есть?—Нуцалхан поперхнулся горячим чаем, на глазах выступили слезы.—Душманы, когда они меня оставят в покое.

— Это дело Арацхана.

— Что-о-о?—Глаза Нуцалхана округлились от удивления.

— Хочу узнать у вас, что он за человек?

— Какое мне дело до Арацхана? Сам тонет, сам и пусть карабкается.—И он с шумом отхлебнул из блюдца.

— Он о вас хорошо отзывался,—решил соврать Камиль.—Говорил, что добрыми друзьями были, в гости друг к другу ходили.

— Да? Так и сказал?—Нуцалхан насторожился, задумался.—В тюрьме поумнел, наверное. Бывало, часто скандалил, а теперь хорошо отзывался, говоришь? А ты кто, следовательно?

— В каком-то роде.

— Значит, видел его? Нет, неплохой парень Арацхан, правда, бывает излишне горяч, скандалит,—он отхлебнул из блюдца, задумался и медленно произнес:—Неплохой, скажу тебе.

— Неплохой, а убийство совершил,—осторожно заметил Камиль.

Нуцалхан сострил на лице невообразимую гримасу:
— Убил! Арацхан! Хе-хе-хе. Арацхан скотину режет с дрожью в теле... хе-хе-хе. Ну и следовательно, не той ногой шагнул.

«Не той ногой, значит,— сказал себе Камиль,— ну, тогда я шагну другой».

— Кто же мог быть убийцей?— задумчиво произнес он, искоса глянув на Нуцалхана.

— Кто знает, одному аллаху ведомо,— сказал Нуцалхан, наливая чай из фарфорового чайника в стакан.

«Удивительно спокоен он для убийцы»,— подумал Камиль и как бы между прочим сказал:

— Мне Арацхан еще и другое сообщил.

— Что же? — На лице Нуцалхана появилась довольная улыбка.

— Что вы угрожали Батырову убийством.

— Я? Угрожал убийством?— Нуцалхан поперхнулся и вдруг заорал.— Собачий сын, и сын собачьего сына, змееныш, нечестивец и грязный клеветник... Угрожал, я? Аллах, покарай его за оскорбление моего имени и рода. Пусть отсохнет язык у лжеца, оглохнут уши лгуна...— Он внезапно замолчал и вытер лицо ладонью.

— Что же вы себя ругаете? — спросил с деланной простотой Камиль, отведя взгляд от Нуцалхана.

— Почему ты так думаешь?— Нуцалхан вздохнул и отодвинул от себя блюдо.

— Не вы ли взывали к аллаху при встрече с Батыровым убрать «злопыхателя и клеветника с вашего пути», то есть Батырова?

— Взывал. Может, аллах и убил его?

— Вы на самом деле верите в аллаха?— с иронией спросил Камиль.

Нуцалхан не ответил. Он долго молчал, глядя поверх забора на улицу, потом внезапно быстро вскочил, схватил Камилу за руку и увлек за собой в конец веранды, откуда хорошо была видна вся улица.

— Видишь девушку, из-за нее все и произошло,— прошипел он.— Бесстыжая, до сих пор ходит в платке невесты, ждет, когда выпустят жениха из тюрьмы. Дура, зачем ждать, когда готов другой. Наби убил Батырова ножом Арацхана, чтобы овладеть ею. Понял? Я тебе ничего не говорил, ты ничего не слышал.

— А зачем Наби надо было убивать Батырова?

— А я откуда знаю!— заорал вдруг в бешенстве Нуцалхан.— Я откуда знаю. Да, я торговец, но не убийца, нет, нет, и оставь меня в покое наконец, оставь...

Он бессильно опустился на палас, откинулся спиной к стене и проговорил, закрыв глаза и качая головой:

— Как я устал, аллах, как я устал...

9

Выходя на площадь, Камиль заметил, что за ним следует, прихрамывая, коренастый мужчина. Он показался Камиллю подозрительным: шел настороженно, часто озираясь, но впереди с распахнутыми настежь дверями показалась шашлычная, и Камиль забыл о мужчине. Над ней не вился дымок, не парил ароматный запах, лишь недалеко, на деревянной скамейке, опершись руками и подбородком на толстый посох, сидел седобородый старец, одетый в белый длинный тулуп, на голове его была высокая каракулевая папаха.

В шашлычной, как и предполагал Камиль, никого не было. Он осмотрелся и хотел было присесть, но тут из кухни вышла пожилая женщина, держа в одной руке ведро, наполовину наполненное водой, а в другой тряпку; она мягко волочилась по полу, оставляя за собой струйку воды. Лицо женщины показалось ему знакомым, он напряг память, однако никак не мог вспомнить, где и когда видел ее; и только когда женщина подняла голову и взглянула на него, он понял, что она как две капли воды похожа на Арацхана. «Мать»,— решил Камиль, и тихо произнес:

— Добрый день, хозяйка.

— День добрый, какая я хозяйка...

— Кто же здесь хозяин?

— Перерыв сейчас, сынок, дома он у себя. Наверное, есть хочешь? Придется подождать.

Она поставила стулья сиденьями на столы, намочила тряпку и, нагнувшись, принялась мыть пол.

— Вы и при Арацхане здесь работали? — осторожно спросил Камиль.

— Да, сынок, а ты знал его? — Она выпрямилась и с надеждой посмотрела ему в лицо.

— Знал, — после минутного молчания вымолвил Камиль.

— Разве для таких, как Арацхан, построены тюрьмы, — запричитала женщина, и по морщинистой щеке ее заструились слезы. — Мой Арацхан не обидит ни злую собаку, ни глупую курицу. Спроси любого из аульчан об Арацхане — никто плохого не скажет о моем сыне. Добрый, уважительный, почитал старших, любил детей...

— Хороший у вас сын, — Камиль вздохнул. — Но вот не пойму я одного: как платок и нож Арацхана оказались на месте преступления.

— У убийцы, хочешь сказать? Не знаю, сынок. Мой Арацхан всегда держал их на прилавке. Как придет на работу, тут же положит на прилавок, они должны были быть под рукой.

— А вы не помните, кто-нибудь брал их у него? — оживился Камиль.

— У кого из мужчин нет платка и ножа? Нет, никто не брал.

— Может быть, когда Арацхана в шашлычной не было, платок и нож все-таки кто-то брал? Вспомните...

— Нет, не помню. Не было такого...

Она опять стала мыть полы. «От нее мне помощи не ждать никакой», — подумал Камиль. В этот момент женщина выпрямилась и прошептала:

— Да, вспомнила, сынок, никто их не брал, но они исчезли.

— Когда это было, в какое время?

— Дай бог памяти, около полудня, ну конечно, около полудня, когда Арацхан закрывал шашлычную на перерыв и уходил к невесте. Я ему еще сказала: «Сынок, ты оставил свои вещи, а он говорит: — Ты же здесь, мама...»

«Именно в это время и было совершено убийство»,— сказал про себя Камиль.

— А потом, о аллах, не дай мне сойти с ума,— женщина всхлипнула, затем взяла себя в руки и прошептала: — Потом исчезли и нож и платок. Вышла из кухни, глянула случайно на прилавок—нету. Слепла старая, думаю, провела руками—нету. Неужто шайтан взял? Испугалась, решила не говорить Арацхану ничего. Пропажу он сразу заметил, стал кричать, шуметь, потом успокоился, он у меня горячий, но отходчивый. Если бы я знала, что так обернется дело...

— Нож и платок исчезли, когда вы находились на кухне?

— Когда я вышла из кухни, их не было.

— Значит, кто-то вошел, взял и исчез?

— Значит, кто-то входил... Судьба, почему ты так жестоко наказала меня...

— А вы не заметили, чтоб кто-нибудь... как вам объяснить... чтоб кто-нибудь исчез вместе с исчезновением вещей Арацхана? Вспомните, пожалуйста!—Камиль с надеждой посмотрел на женщину.

— Я же сказала, сынок, был перерыв и Арацхан тоже ушел.

— Кто-нибудь, может, на улице стоял или сидел, вон, как старик этот...

— Подожди-ка, сынок, дай бог памяти... Ханипаши не было, он пришел чуть-чуть раньше Арацхана... да, да, кажется, так было.

— Ханипаша?—Камиль насторожился.

— Ну да, ты же сам сказал — как этот старик. Его зовут Ханипаша.

— Что он за человек?—вымолвил Камиль, сердце его учащенно забилось.

— Тихий, спокойный и уважительный старик. Много лет он сидит у нашей шашлычной, приходит с восходом солнца, уходит ночью. Одинокый человек, к людям тянется. В одиночестве и смерть страшна и жизнь горька.

— Значит, в тот момент, когда исчезли вещи Арацхана, Ханипаша не было на скамейке?—задумчиво произнес Камиль.

— Не было,—подтвердила женщина.—Точно помню. Еще воду из ведра выплеснула на улицу. При нем я себе не позволила бы этого сделать.

10

«С ним надо быть предельно осторожным,—подумал Камиль, присаживаясь на скамейку рядом с Ханипашой,—чем черт не шутит, может, он и имеет какое-то отношение к делу Арацхана».

— Салам алейкум,—произнес Камиль вслух и с деланным возмущением добавил:—Не шашлычные созданы для нас, а мы для них...

— Ва алейкум салам,—проговорил старик, не меняя позы, лишь заметно задвигался подбородок, покоившийся на руках.—Ты еще молод возмущаться. И поучать.

— Для чего нам даны разум и язык?

— Разум дан нам природой, чтобы не делать глупостей, а язык для напоминания, что все мы балагуры и глупцы.

— Непонятная философия.

— Не все в жизни ясно, как день и ночь. На то тебе и разум дан, чтоб разобраться. Вода и хлеб тоже простые вещи, но надо знать, как и сколько есть и пить.

«Совершенно к аллаху не прибегает,— подумал Камиль,— хитер или умен? О чем он сейчас думает? Не шевельнется, глазом не скосит, сидит как изваяние. Чем-то схож с матерым волком, нет, больше с мудрым шакалом».

— Красивый посох,— сказал Камиль, стараясь снова завязать разговор.— Видна рука мастера. Тяжелый, наверное?

Наступило долгое неловкое молчание, затем старик медленно повернул к нему голову, и спокойное лицо его усмехнулось.

— Ты, кажется, спросил, для чего нам даны разум и язык. Я ответил... К Арацхану приходил?—спросил после минутного молчания старик, глядя прямо перед собой.

— Почему так решили?

— Одного поля зеленые ягоды. Лучше будет, если ты уйдешь, да поскорей. Следить станут за тобой.

«Уууух, хитрюга,— подумал Камиль,— ты что-то знаешь, да крепок, не по моим зубам. Подождем, время покажет».— Мой дед любил поучать меня: не смей верить голосу разума и сердца своего, ибо они вечно в ссоре, а поверь совету старца.— Камиль поднялся со скамьи и медленно пошел через площадь. Поравнявшись с сельсоветом, он остановился и прислушался. За каменным забором спорили, женский голос перекрывал мужские. Внезапно калитка отворилась и на улицу вырвалась растрепанная женщина с криком:

— Не верят, никто не верит, аждаха грызет землю, никто не верит...

Камиль подошел к ней, спросил:

— Что случилось?

Женщина расплакалась, потом успокоилась и, вытерев лицо концом черного платка, проговорила слабым, дрожащим голосом.

— Звери и скот мечутся, убегают из дому, чуют бе-

ду, а Биби-ханум никто не верит. Как же так можно, сынок, когда не надо — мне верят, но ведь сейчас беда идет... как сказать людям...

— Но что случилось?

— Не верит никто, сынок... Случится, сынок... Кошки из дому ушли, коровы мычат, мечутся, змеи и те покидают гнезда, сама видела, как они переползали дорогу, а ты что, ничего не слышишь? Оглох? Прислушайся.

— Что должно произойти?— удивленно произнес Камиль.

— Откуда мне знать. Народные поверья мне знакомы, и только...

Внезапно закачалась, поплыла земля под ногами.

«Землетрясение!»,— мелькнула мысль. Камиль схватил потрясенную женщину за руку и перебежал на дорогу.

— Вай аллах, что делается,— в ужасе прошептала женщина,— посмотри на мечеть.

Камиль успел бросить взгляд: верхняя половина изящного минарета накренилась и рухнула, купол мечети со скрежетом и хрустом сполз набок и застыл.

Исступленные крики, визг женщин, плач детей, вой животных стояли над аулом.

Из ворот сельсовета вырвался открытый газик и помчался через площадь по главной улице аула.

— Люди, не бойтесь, без паники, выводите из домов детей, выходите на улицу. Без паники — гремел из машины голос, но его еле было слышно в хаосе.

Камиль некоторое время стоял в оцепенении, оглушенный происходящим, потом кольнула мысль: «Дети, Мустафы нет дома, дети одни». И он пустился бежать. Он тяжело дышал. За чьей-то глухой стеной кто-то захихикал, и это злое хихиканье полоснуло Камилу по сердцу. Он остановился, оглянулся и только тут понял, что добежал уже до Нуцалхана. Хихиканье повторилось, затем мужской голос зло, с ехидством произнес:

— Вот что значит строить добротню, никакой аждаха не стряхнет. У других дома раскололись как орехи, а у меня трещинки появились, трещинки...

— Ууух, сволочь,— в сердцах произнес Камиль и побежал дальше. Обогнув угол, он остановился...

На трех потрескавшихся стенах, скосившись, лежала полуразвалившаяся крыша. Четвертая стена, превращенная в груды самана и глины, дыбилась, завалив часть огорода. Камиль перевел тревожный взгляд на двор, огляделся; свинцовая тяжесть свалилась с плеч. В саду, под деревьями, на куче паласов и одеял, сидел Мустафа с семьей.

— Где тебя шайтан носит!— заорал Мустафа при виде Камилля,— сколько можно о тебе беспокоиться, будто у меня других забот нет.

— На улице безопасней, чем в твоём доме.

— На улице безопасней,— передразнил Мустафа.— Иди, отдохни, переждем.

— Все прошло,— сказал Камиль, усаживаясь на палас и чувствуя слабость в ногах.

— Ты-то откуда знаешь?— усмехнулся Мустафа.— Сообщил, может, кто из-под земли? Или рассказней Биби-ханум наслушался.

— Ну тебя. Устал я очень, дай отдохнуть.

Камиль закрыл глаза и почувствовал сладостную истомину в теле. Медленно спадало нервное напряжение.

11

Как всегда, Камиль записал главные события дня.

«Встретил случайно на улочке начальника районного отдела внутренних дел, вернее, столкнулся с ним. «На ловца и зверь бежит»,— сказал он, широко улыбнувшись, пригласил к себе в кабинет. Мне он понравился с первого взгляда: среднего роста, атлетически сложен,

голубые глаза смотрят прямо и ясно, ходит уверенно. Беседа наша вначале проходила дружески, но начальник районного ОВД, чувствовалось, оскорблен, во-первых, тем, что я не зашел к нему в первый день приезда, во-вторых, тем, что я усомнился в действиях и методах работы раймилиции, в-третьих, тем, что я хожу по дворам один... Я объяснил, что меня интересуют некоторые мунонцы с нравственной, психологической точки зрения и я не доставлю ему буквально никаких хлопот.

В этот день меня удивил Нуцалхан. Экземпляр. Человек, способный на всякую гадость. На убийство? Нет, слишком большой трус. А вот направить чужую руку на убийство способен. Хитер и коварен. Есть ли резон Нуцалхану убрать с пути Батырова? И нет и да. Нет — потому что между ним и милиционером не было острых конфликтов. Все по пустякам и мелочам. Да — потому что мелочь могла его напугать, показавшись великой опасностью. К тому же он часто бранился с Арацханом и мог рассчитывать на то, что сумеет свалить ответственность на Арацхана. Чью руку он поднял на убийство? Ханипаши? Можно предположить. Старик не имеет средств к существованию. Раз. Не имеет? А пенсия! Отпадает. Может быть, Ханипаша поддерживал его бюджет? Предположим. Далее, завсегдатаем шашлычной был только Ханипаша, вернее, ее стражем. Он знал точный распорядок дня Арацхана, отсутствовал в момент исчезновения платка и ножа... Верно, но, может, Ханипаша отлучился в час убийства по надобностям. Как и заявил. Вопрос, требующий дальнейшего ясного решения. И тут же у меня появляются сомнения: мог ли немощный старец одним ударом ножа убить громадного, здорового мужчину? Может быть, убийцу следует искать среди других аульчан? И что за личность этот прихрамывающий, никто из ребят его не знает. Не в нем ли кроется вся загадка, точнее, разгадка? Голова раскалывается!»

Вторая половина дня прошла без происшествий.

Если бы не мелкие разрушения, можно было подумать, что аул Муно живет своей обычной жизнью. Но в каждом доме, в каждой семье жили в тревоге и беспокойстве: что-то еще будет?!

Однако сидеть сложа руки и ждать, когда еще что-нибудь случится, было не в характере мунонцев. Необходимо было подсчитать ущерб, нанесенный землетрясением, и оказать помощь пострадавшим. С этой целью была создана комиссия, члены которой разошлись по аулу и принялись за работу.

К концу дня мужское население было приглашено в сельсовет. Разместились во дворе.

Мустафа, отыскав глазами Наби, подсел к нему и тихо спросил:

— Как у тебя?

— Все окна вдребезги. Теперь и стекла не найдешь,— сокрушенно произнес Наби.— У тебя как, Мустафа?

— В трехстенном доме живу, да с крышей набекрень.

— А где Камиль? — перебил его Наби.

— На улице, зайти отказался.

— Ты бы лучше Камиля позвал,— заметил Наби.

— Сам чего не идешь?

— Ты ближе к выходу. Да вот и он, в воротах стоит.

В это время поднялся председатель сельсовета, собрал в стопку ворох бумаг и принялся рассказывать о результатах работы комиссии. Слушая его, мужчины издавали возгласы удивления и сокрушенно покачивали головами.

— Теперь надо решить, кому в первую очередь следует оказать помощь. Мы тут, правда, уже наметили, но не мешает обсудить вместе, чтобы не осталось между

нами недовольства и не родились завтра кривотолки. Верно я говорю?

— Верно,—поддержали его с мест.

— Значит так, у Биби-ханум развалился дом, пропало все добро, жить с дочкой негде...

С именем Биби-ханум по рядам прошел смешок, потом кто-то выкрикнул:

— Пусть дочь свою поселит у матери Арацхана.

— А еще лучше — отдаст Наби,—связвил другой.

Наби метнул взгляд по рядам, глаза его налились кровью.

— Сейчас не время для шуток,—прикрикнул председатель сельсовета.—Дальше. У Османа дом раскололся на две половины... Дальше идет Мустафа, одна стена его дома совсем развалилась, и крыша вот-вот сорвется...

— Мустафу вторым,—раздалось из передних рядов.—У него сквозняк в доме, а Осман еще продержится.

— И верно говорит, без одной стены дом — не дом,—поддержали другие.

— Переносим?—спросил председатель сельсовета.

— Да, да.

— Возражения есть?

— Нету.

— Слушай, я плохо понимаю тебя,—раздалось с заднего ряда.—Какую помощь оказывает власть?

— Я же вам все сказал!—возмутился председатель сельсовета.

— Ничего не говорил, неправда.

По рядам прошел ропот: — Не говорил.

— Меньше надо балагурить,—повысил голос председатель сельсовета.—Говорил. И еще раз повторяю. Завтра раздадим палатки, обеспечим мукой, маслом, сахаром, а в самом скором времени построим новые дома.

Гул одобрения вызвал довольную улыбку на лице председателя сельсовета.

— Продолжим нашу работу, а то уже начинает темнеть...

Мужчины расходились медленно. Мустафа, поискав взглядом Камиля и не найдя его, отправился домой один.

А Камиль все это время не спускал глаз с Ханипаши. Он и у ворот встал для того, чтобы не упустить старика из виду. Его интересовали друзья или знакомые Ханипаши.— Должны же быть у живого человека приятели,— думал он.— Старик неразговорчив, скрытен, хитер, а приятели что-нибудь да расскажут о нем. Но в течение всего собрания Ханипаша просидел молча, не заговорив даже с соседями, да и к нему никто не обратился. Камиль пошел было следом за ним, да раздумал и повернул обратно.

Выходя на улицу, ведущую к дому Мустафы, Камиль случайно оглянулся и увидел человека, кравшегося за ним. Что-то в его походке показалось знакомым. Камиль пошел быстрее, потом внезапно остановился и обернулся. Человек успел отпрянуть к стене дома и от резкого движения выронил палку. «Кто бы это мог быть? У меня и врагов-то здесь нет,—подумал Камиль.— А может, не за мной следит, кто их знает, мунонцев».

В это время из проулка на улицу вышел прихрамывая коренастый мужчина, остановился, зажег спичку, прикурил сигарету, оглядел улицу и свернул в узкую улочку, поднимавшуюся круто вверх! «Ничего не пойму, что происходит»,—сказал про себя Камиль и ускорил шаг.

У дома Нуцалхана его остановил глухой стук.

— Нуцалхан, что ты делаешь?— послышался женский голос, полный ужаса.— Побойся бога, что ты делаешь?

— Не мешай, старуха, уйди прочь...

— Побойся бога, как можно, ломать свой дом, ума лишился.

— Эх, женщина, чему ты научилась за свою жизнь... Копну три-четыре раза ломом, сделаю трещину, а завтра потребую включить в список, пусть новый дом построят. Власть богатая. Я не хуже других...

— Ах ты сволочь,—прошептал Камиль,—ах ты...

Он не успел договорить, как почувствовал сильный удар по голове.

13

Красивая девушка Гюли! Выразительные губы, вопрошающий взгляд больших глаз, матовый цвет лица, гладкие, иссиня-черные волосы... Изящна, стройна, как газель... Такая может лишить сна не только мужчин одного аула... Любит Арацхана. Оказывается, росли вместе, жили по соседству, учились в одном классе. И отцы дружили. Как-то отец Арацхана заикнулся отцу Гюли: «Брат, не засватать ли наших детей, спокойны будем за них». «Нет,—отверг тот,—пусть вырастут, сами ищут свое счастье». «Прости, брат,—сказал виновато отец Арацхана,—шайтан попутал, глупость сказал. Прав ты, сто крат прав, пусть сами ищут свое счастье. Эти дурные, старые обычаи иногда и нам голову забивают».

А обычаи не только дурные, но и довольно смешные. Чтобы засватать девушку, жених должен преподнести невесте цветастый платок, что носят в Закарпатье. Когда и от кого пошел этот обычай—никто не помнит, но и нарушить не осмелится. Пытался было Арацхан отказаться от обычая, но воспротивилась Биби-ханум: «Не позорь, сынок, мою седую голову, не дай джамаату косо глядеть на меня и Гюли, не хочешь ехать в Закарпатье—купи старый платок у кого-нибудь...»

Дело в том, что невеста, выйдя замуж, платок продает за ненужность. Точнее, перепродает.

— Но кому-то надо ломать этот обычай,—сказал Арацхан.—Пусть первыми и будем мы. Поначалу посплетничают, а пройдет время—благодарить будут.

— Пусть ломает кто хочет, мы не будем,— твердо заявила Биби-ханум. И пришлось Арацхану ехать в Закарпатье, поскольку продавались очень уж поношенные, а деньги просили немалые — триста, четыреста рублей. Сошел Арацхан на одной из станций, глядит, идет женщина в таком платке. Он к ней: — Продайте, пожалуйста. Она удивилась: — Зачем, я не торгую. Он опять: — Я вас очень прошу, продайте, нужен он мне, понимаете... Она не соглашается. Он дошел с ней до ее дома. Одним словом, познакомился Арацхан с мужем женщины, гостеприимные хозяева накрыли стол, и рассказал гость, что его привело в Закарпатье. — Сколько нужно берите, сто, двести рублей, но продайте платок, — стал просить опять Арацхан. — Зачем же так много, — удивилась хозяйка, — стоит-то он пятьдесят пять рублей. — Вах, — поперхнулся Арацхан, — у нас их перепродают в шесть раз дороже.

Зато в ауле совершенно не знают, что такое калым, на свадьбу ходят как на праздник. Не бытует у мунонцев и денежных приношений, молодоженам преподносят недорогие скромные подарки. Говорят, что это повелось от двух братьев-первопоселенцев. Когда женился старший брат, младший застрелил тура и преподнес брату рога, а когда женился младший, старший заколол огромного медведя и бросил под ноги молодым шуру.

Слышал из уст самого председателя сельсовета, что решено избавиться от «дурацкого обычая».

— Молодой учитель Мирзахан женится без платков... Пора кончать, — заявил он решительно. — Побываешь обязательно на свадьбе и расскажешь о ней через газету. Чтобы народ знал, что мунонцы не какие-то там... как говорится... консерваторы, рутинеры, темные, отсталые люди. Что такое калым — мы не знаем. Раз, — он загнул один палец. — Мечети у нас нет. Два. Хозяйство — передовое в районе. Три. Аул дал республике шесть докторов и девятнадцать кандидатов наук. Четыре. На-

ши танцоры завоевали первую премию на международном фестивале фольклора горских земель. Пять...

Когда уже были загнуты все пальцы, он подошел вплотную и серьезно сказал:

— А ты, дорогой кунак, один по аулу ночью не ходи. Нет, не бойся, у нас до сих пор ничего плохого не случилось. Начальник милиции просил передать тебе это.

Неясная ситуация.

14

Биби-ханум выпростала руку из под одеяла, осторожно высунула голову.

Небо было синее. Высокие горы, окружавшие аул, стояли хмурые и холодные, преграждая острыми хребтами путь солнцу.

— Доченька, спишь?—спросила Биби-ханум, пряча обратно руку в тепло.

Рядом задвигался ворох одеял, затем послышался недовольный, сонный, глухой голос:

— Ну что ты, мама... спать не даешь...

— Тебе бы только спать!

— Встаешь чуть свет и других неволишь.

— Невезучие мы с тобой, девочка,—запричитала Биби-ханум,—о-о-ой, невезучие. Разве может долго существовать очаг без мужчины... Ни крика его не знаем, ни шагов не слышим... Наказание одно. Уснула, гляди, опять...

— Нет, не уснула.

— Так что же ты молчишь, не отвечаешь,—рассердилась Биби-ханум.

— Что ты хочешь услышать от меня?

— Что ты хочешь...—передразнила Биби-ханум.—Не маленькая, понимаешь.

— Есть у нас мужчина, мама...

— Жди, когда он переступит порог твоего дома. Камни зацветут раньше, чем он вернется.

— Не смей так говорить!— Девушка стянула с головы одеяло.— Не смей так говорить!— Большие карие глаза ее горели гневом.

— Гюли, цветочек мой, я не со зла. Я мать, и сердце мое исстрадалось. Сколько будешь сидеть в невестах... Перед джамаатом стыдно, что скажут, что подумают...

— А ты не подумала о том, что они скажут, если изменю Арацхану?— Она всхлипнула и, уткнувшись в подушку, заплакала.

— Нельзя долго без мужчины жить, цветочек мой, завянешь без времени, кому тогда нужна будешь? А сейчас от женихов отбоя нет. Чем не мужчина Наби, и красив, и силен, и хозяйство крепкое...

— Замолчи сейчас же!— закричала Гюли,— замолчи!..

— Молчу, молчу, доченька,— испуганно прошептала Биби-ханум.— Молчу, чтоб навечно закрылся мой рот.

Биби-ханум тяжело, со стоном вздохнула и печально проговорила:

— Почему нас в ауле не уважают? Живем тише всех и скромнее всех, баловства себе не позволяем, ты на ферме одна из лучших работниц, на всех торжествах с гордостью произносят твое имя — «Наша Гюли», «Наша Гюли». Если бы твой отец дожил до этого дня, какой гордостью сияли бы его глаза, у него они были большие, карие, ими меня и очаровал... Хороший человек был твой отец, добрый, сердечный, если бы не пули войны в его теле, жил бы сейчас... Отдаем себя людям, почему же такое отношение?..

— Из-за твоей ворожбы и гаданий,— глухо проговорила Гюли.

— Вай, доченька, я разве дурное желаю людям, что-нибудь плохое им говорила? Никогда. Только доброе предсказывала. Для меня нет большего счастья, если увижу улыбающееся, радостное лицо. Не обижай меня, доченька... разве я в колхозе не работала! Редко

кто за мной угнаться мог — ты в меня пошла трудолюбием. Стара стала, колесо крутится, не спрашивая нас.

Над хребтом прорезались лучи солнца. Биби-ханум встала, надела платье, лежавшее рядом, накинула на голову платок, обула чувяки и зашаркала по двору.

Набрав охапку дров, она аккуратно разложила их между двух больших, закопченных камней и осторожно, бережно подожгла одной спичкой. Потом из лежащего чуть поодаль нехитрого скарба вытащила небольшой мешочек муки, отсыпала немного в плоский медный таз, налила из глиняного кувшина воду и принялась месить тесто.

Огонь разгорелся. Биби-ханум поставила на камни большую черную сковороду и снова зашаркала по двору.

Со вчерашнего дня у Биби-ханум и Гюли своего дома не было. Среди десятка фруктовых деревьев уродливо стояли две стены и печка. Крыша лежала на земле, аккуратно прикрыв обвалившиеся в одну сторону стены. Бедный нехитрый скарб — это было все, что Биби-ханум успела вынести до землетрясения и откопать после.

— Вай, вай, словно изжевали и выплюнули, — сказала она сокрушенно, устанавливая измятый, побитый самовар на землю. — Стоять не хочешь? Столько лет послужил, еще немного потерпи, выручи. Ты ведь один мужчина в нашем доме, кто может напоить нас и согреть. Без тебя мы холодны и немощны, жалки и ненужны, выручи, дорогой...

Самовар приятно загудел, выпуская из зева огонь. А вскоре на весь двор запахло свежим теплым лавашем.

— Вставай, доченька, на работу пора, вставай, завтракать будем, — ласково позвала Биби-ханум, расстилая на небольшом паласе скатерть.

Гюли высунулась из-под одеяла, приятно вдохнула запах теплого лаваша.

— Какая ты у меня молодчина, мама.

— Мука кончается, на три-четыре лаваша осталось,— сказала Биби-ханум за завтраком, отхлебывая из блюдечка горячий чай.

— Помогут нам, в беде не оставят. Молодчина, мама, очень вкусный лаваш, с сыром еще вкуснее.

— Ешь, ешь, доченька. Надо будет к Нуцалхану пойти, попросить немного муки.

— Не смей ходить к нему. Я же сказала, в беде никого не оставят.

— Это верно, не оставят. Слышала, и дом нам будут строить. Но от своего никто еще не отказывался.

— А что свое ты нашла у Нуцалхана?— удивилась Гюли.

— Он в руке у меня. Захочу — придавлю, захочу — выпущу.

— Опять ворожба...— устало произнесла Гюли.

— Тут уже не ворожба, тут пахнет огнем...— Она наклонилась к Гюли и тихо прошептала:— Видела вечером, как он дом ломал. Зверь кровожадный.

— Как это ломал?— изумилась Гюли.— Свой дом?

— Наверное, новый хочет строить. У других урвать. Зверь — он и останется зверем.

— Мама, не ходи к нему, умоляю, он прибьет тебя.

— Прибьет, этот трус?— Биби-ханум засмеялась.— Он нас одарит мукой, сыром, всем, что я захочу, только бы джамаат не узнал.

— Но ты поступаешь нечестно, мама...

— Замолчи, доченька, нечестивцы заслуживают того, чтобы с ними поступали нечестно. А потом, я не думаю, что только одна слышала стук лома.

И Биби-ханум хитро глянула на дочь.

15

Камиль открыл глаза.

Он долго, не шелохнувшись, смотрел на сплетение ветвей над головой, потом попытался приподняться, но

острая боль пронзила темя, и он с глухим стоном упал на подушку. Ему слышался шум моря, неумолчный, беспрерывный.

«Неужели я у моря,—подумал Камиль,—но на пляже нет деревьев, а надо мной покачиваются ветви... И эта боль, адская боль, откуда она взялась? Что со мной происходит?»

Он открыл глаза, но шум моря стал так силен, отвратительно оглушающ, что заставил его раскрыть глаза и напрячь память. «Где я был? На собрании, потом пошел домой, заметил кравшегося за мной человека, а потом? Потом стук, что это было... Вспоминаю, дом, да, Нуцалхан ломал стену. Потом...» ничего не было. Удар. И вот я лежу. Что произошло?»

Он выпростал из-под одеяла руки и сказал про себя: «Что же произошло?»

— Проснулся, герой.

Сквозь шум моря до слуха Камиля дошел далекий голос Мустафы.

— Тише, не ори,—сказал другой голос, и Камиль узнал голос жены Мустафы.—Человек только в себя пришел.

— Да будет тебе, разве я со зла! Сколько раз твержу ему: брось, не твое это дело, клубок запутан.

— Всякий клубок имеет свой конец, а ты, Мустафа, сколько я тебя знаю, всегда был грубияном.

Камиль тяжело поднялся и сел, спустив ноги с раскладушки.

— Как себя чувствуешь?—спросил Мустафа.

— По-моему, намного лучше, чем вчера. Только голова кружится и боль в темени.

— Ничего, пройдет. С мужчинами и не то бывает.

— Долго я спал?—удивился Камиль.

— Ночь и полдня. Немного. Мы боялись, что ты дольше проспишь. Пойду помогу жене приготовить поесть.

— Наш пехлеван проснулся,— раздался от калитки голос Наби.

— Перестаньте.

— Кто стукнул? Не заметил? — серьезно спросил Наби.

— У меня на спине глаз нет.

— Сзади бьют, сволочи,— Наби заскрипел зубами.— Ну кого-то хоть подозреваешь?

— Хватит вам,— недовольно проворчал Осман.— Послушайте лучше, что я вам расскажу, да и Камиль о боли забудет. И обед готов, присаживайтесь...

На улице послышался топот десятков пар ног, гвалт, крики:

— Держи, держи Биби-ханум, держи.

Камиль вскочил на ноги, постоял несколько секунд и устремился на улицу. За ним последовали другие.

16

Ему стоило большого труда догнать, а затем и перегнать орущую толпу.

Когда уже оставалось несколько десятков метров до сельсовета, он вырвался вперед, схватил задыхавшуюся Биби-ханум за руку, устремился к калитке и, толкнув ее во двор, а сам оставшись на улице, заорал во все горло:

— Стойте-е-е, стой-те-е-е!..

На крыльцо сельсовета выскочил председатель, лицо его было бледно.

Толпа ткнулась в передний ряд и остановилась в трех шагах от Камиля.

— Вы что, под суд хотите,— заорал он снова, перекрывая ропот толпы.— Вы же истопчите старую женщину!

— Кто ты такой нас поучать?..

— Ты гость и не командуй тут...

— Откуда тебе знать, кто такая Биби-ханум...

— А ну, убирайся с дороги...

Крики и угрозы вырывались из толпы как выстрелы.

— Уйди с дороги, сомнем...

— Она накликала на нас беду...

— Глупые,— закричал Камиль и краем глаз увидел, как к нему пробиваются сквозь плотную толпу Мустафа, Осман, Наби.— Глупые, в какое время живете? Как может женщина, человек вызвать землетрясение, вы в своем уме ли? Мне стыдно за вас.

— Она ворожкой занимается и гаданием,— послышался неуверенный голос.

— Да, она колдунья...

— Подавай сюда Биби-ханум...

— Тихо, вы что, совершенно потеряли намус, и председателя сельсовета перестали уважать, как ведете себя?.. Ворожкой занимается... А вы не ходите к ней, насильно за подол тянет она вас, что ли. Срам, сколько в вас еще суеверия.

— Ты на нас не замахивайся, мы — честные труженики!— крикнули из толпы.

— Нуцалхан, ты не смеешь так говорить!— крикнул Камиль.— Ты, бесчестный человек!

— Оскорбляют,— завопил Нуцалхан.— Ответишь перед судом, все они будут свидетелями.

— Я могу повторить, бесчестный. Не ты ли вечером сокрушал ломом свой дом? Если ты мужчина, выйди сюда, ответь джамаату.

Толпа замерла, затем над головами волной прокатилось удивление и ропот.

— Ты врешь, нечестивец. Не верьте ему, люди, его заворожила Биби-ханум.

— Тогда пойдем к тебе домой.

— Не-е-ет!

— Пойдем, Нуцалхан, пойдем...

Камиль вошел в толпу, она расступилась перед ним, давая дорогу, вслед заторопился председатель сельсовета.

— А ты уверен?— успел шепнуть он на ухо Камиллю.— Иначе будет худо.

— Иначе и я не пошел бы,— ответил Камиль.

Ввалившись во двор Нуцалхана, толпа застыла в изумлении, затем в едином дыхании выдохнула: Вах! Стены дома были исковерканы.

— Для чего ты это сделал?— спросил голос из толпы.

Нуцалхан забегал перед домом, хватаясь руками за воздух.

— Землетрясение это, землетрясение, оно ведь и вас покарало...

— Нас землетрясение, а ты для чего такой добротный дом ломом — непонятно.

Толпа молчала.

— Не ломал, люди добрые, не верьте ему, он все надумал, землетрясение это...

— Опозорил весь аул, перед гостем опозорил, намус уронил,— сказал тот же голос.— Не жить нам с ним вместе. Выселить его...

Нуцалхан разинул рот, глотнул воздух, поперхнулся:

— Как так, братья, как же так можно...

— Выселить,— поддержало несколько голосов, и вся толпа загудела — выселить.

— Брат, хоть ты заступись, аллахом прошу.— Нуцалхан бросился к председателю сельсовета.— Аллахом заклинаю, помоги, не дай испить чашу позора на склоне лет, мы же с тобой родственники, в нас течет одна кровь, смилуйся, помоги!

17

К концу дня небо заволокло тяжелыми низкими тучами, они висели над аулом, поглотив окружающие горы, и, казалось, до них можно было дотронуться рукой. Пошел дождь.

Мустафа натянул между деревьями брезент, собрал под него свою семью, тепло одел мальчишек и укутал

одеялами. Сумерки, барабанная дробь дождя по брезенту, мрачная тишина рождали в душе смутную тревогу и беспокойство.

Заблеяли овцы. В углу двора замычала корова, жалобно и протяжно.

— Хороший концерт,— сказал Мустафа,— совершенно не боятся ни окрика, ни палки...

— Пойду в дом,— сказал Камиль.

— Ты что, смерти ищешь?— прикрикнул на него беззлобно Мустафа.

— У каждого на лбу написан жизненный путь, но счастье в том, что прочесть никто не может.

— Суеверен!— изумился Мустафа.

— Объективный взгляд на мир вещей, на жизнь.— Камиль встал и направился к дому. Войдя в комнату, он наощупь нашел выключатель и включил свет. Ярко вспыхнула лампочка. В комнате было чисто. «Наверное, хозяйка днем вынесла не одно ведро песка и мусора»,— подумал Камиль, усаживаясь на диван и извлекая из кармана записную книжку и ручку. Надо было записать происходящие в ауле события.

Дверь с треском распахнулась и в комнату вошел Мустафа с детьми на руках. Оставив дверь открытой, он присел на диван, посадив сыновей на колени и недовольно проворчал:

— Что ты за человек, не дал мне спокойно досидеть в своем шалаше.

— Я тебя не тянул,— сказал Камиль.

— Тогда, может быть, телевизор включим?— Мустафа вопросительно глянул на него.

— А почему нет! С ним куда веселей, чем с тобой.— Камиль поднялся, включил телевизор и, спрятав записную книжку в карман куртки, зашагал по комнате.

— Послушай, Мустафа, чего ради ты пошел в чабаны? Получил высшее образование, работал зоотехником... Ну, чего ради? Дурь, что ли, проснулась?

— Ва-а, понимаю, жена нажаловалась,— снисходительно улыбнулся Мустафа.

— Да нет, причем тут жена...

— Понимаешь, Камиль, спор у меня вышел с руководством колхоза. Решил я доказать, что можно получить и сохранить от ста овцематок не сто, не сто десять ягнят, как у нас привыкли, а значительно больше.

— Получается?

— Еще как. И потом, мне нужны кое-какие выводы, опыты...

— Диссертацию пишешь?!

— Неужели и у тебя создалось мнение, что мы хуже других, или другие чем-то лучше нас?

— Мо-ло-дец!— протянул Камиль удивленно.— И до сих пор молчал!

— Чего зря трепаться...

Внезапно под ногами задрожала земля, Камиль зашатался, протянул руку, пытаясь схватиться за дверной косяк, но в это время Мустафа вскочил с дивана, с детьми на руках рванулся вперед, вытолкнул Камиля во двор и выскочил сам.

От крыши в разные стороны разлеталась черепица. Где-то глухо заурчало, словно в утробе громадного чудовища, погас свет, земля закачалась, содрогнулась, дом глухо осел и жалкая крыша распласталась в грязи и пыли. Остервенело хлестал дождь. Тучи все ниже и ниже спускались над аулом, будто пытаясь придавить его свинцовой крышей. Яркие вспышки молний, ослепляя людей, прошивали небо и стремительно падали на землю.

— Аллах...

Страшный вопль перекрыл все шумы и грохот.

«Это Нуцалхан!» — подумал Камиль и выбежал на улицу.

— Вернись!— заорал Мустафа,— вернись!..

Камиль с разбега вскочил на забор, взгляделся во двор Нуцалхана и замер. Огромная трещина расколола

двор на две половины, на краю трещины стояла деревянная веранда. Дома не было.

— Нуцалхан!— закричал Камиль.— Нуцалхан, где ты, отзовись!..

На веранде что-то зашевелилось, поднимаясь. Это была женщина. Она, как слепая, спустилась во двор и вдруг зарыдала:

— Нуцалхан, Нуцалхан, где ты, что с тобой, Нуцалхан!..

18

Крыша дома вспыхнула от очередной молнии. Огонь быстро распространялся, пожирая бревна; даже ливень не мог прибить его.

— Жена, выноси добро!— Осман захватил топор и лом и взобрался на крышу.

Дождь остервенело хлестал по лицу, стучал по кожаной куртке, заливал глаза, а он рубил, рубил и рубил, чтобы остановить огонь, не дать ему пойти дальше...

— Осман!..

Голос, полный смятения и тревоги, заставил его вздрогнуть и глянуть вниз.

Жена стояла мокрая, жалкая и глядела в его сторону.

— Слезай, пусть сгорит этот дом, слезай, другой построим... Не шути с жизнью, подумай о детях...

— Уйди!— заорал Осман, сбрасывая вниз горящие стропила.— Прочь, за детьми присматривай. Ружья вынесла?

— Вынесла, Осман.

— А патроны, порох?— Осман, что было силы, налег на лом и сбросил бревно на землю.

— Они в подвале, Осман, я боюсь...

— Э, женщина... Быстрее, иначе дом взлетит на воздух.

Огонь начал сдаваться.

— Ну, что, вынесла?

— Вынесла, Осман.

— Закрой плотно, не дай промокнуть.

В тот же миг дом закачало, какая-то сила толкнула Османа и, выронив лом, он рухнул вниз.

Когда он открыл глаза, жена вытирала ему лицо мокрым платком.

— Убери эти тряпки, я и без них мокрый,— сказал он хрипло и глянул в сторону дома. Огня не было. Не было и крыши.

— Эх, опять надо новый строить,— махнул рукой Осман— Сейчас бы я выпил кружку родниковой воды.

19

— Мама, посмотри, что делается,— с ужасом произнесла Гюли, инстинктивно прижавшись к стволу дерева.

Биби-ханум обняла ее за плечи, прижала к себе прошептала:

— Не бойся, доченька, может, обойдет нас стороной.

Земля загудела, появилась трещина, она зазмеилась, расширяясь. Послышался звон медной посуды: нехитрый скарб Биби-ханум сполз в расширяющуюся трещину и исчез в ней.

С паласа, висевшего между крепкими ветвями деревьев над головой у женщин, ручьями стекала вода.

Женщины сидели оцепенев от ужаса, не в силах подняться. Крепко обняв друг друга, в немом молчании они смотрели, как расходится земля, поглощая в расщелину все, что лежит на пути: деревья, дома, вещи...

— Деяния всевышнего не предугадаешь,— прошептала Биби-ханум.— Гюли, доченька, беги отсюда, беги...

— Не могу встать, мама,— прошептала Гюли, и по лицу ее заструились слезы.— Ноги онемели.

— Не губи себя, доченька, беги,— повторила Биби-ханум, словно не слыша Гюли.

— Куда бежать, куда?— вдруг зарыдала Гюли.— Где безопасное место, где?

— И то правда,— сказала Биби-ханум.— Вместе будем ждать свою судьбу.

Ослепительная стрела метнулась по небу и ринулась на аул. Грянул гром, казалось, небосвод раскололся надвое.

— Мама, смотри,— прошептала Гюли.— Трещина не расширяется. Ты видишь, мама!

— Тихо, не шуми,— сказала Биби-ханум.— Не глазами так на рану земли, не бреди ее.

Они сидели под развесистым крепким деревом, на самом краю трещины.

20

Что-то рухнуло. Гул медленно поплыл над аулом.

Камиль прыгнул с забора Нуцалхана и пустился бежать вниз по улице. Выскочив на площадь, Камиль увидел спешившего в сторону мечети человека с посохом.

— Не ходи туда, там опасно,— крикнул он вдогонку, но тот, не обращая внимания, продолжал идти.

«Не слышит»,— подумал Камиль. Он устремился за человеком, догнал его, дотронулся до плеча:

— Туда идти опасно. Ханипаша! Вы!?

Ханипаша повернул к нему злое, ненавидящее лицо и прохрипел:

— Отстань от меня, собачий сын, отстань...

Внезапно откинувшись назад, он поднял посох и занес над головой Камиля. Тот отпрянул в сторону. Посох с силой опустился на плечо и сломался. Несколько мгновений оба смотрели друг на друга. Неожиданно Ханипаша со словами — «Тебе, змееныш, тут делать нечего!» — крепко взял Камиля за плечи и сильно отбросил от себя.

Камиль стукнулся спиной об стену, сполз на землю, потерял сознание.

Когда спустя минуту он пришел в себя, к Ханипаше подбегали двое мужчин. Один из них прихрамывал. Взяв Ханипашу за руки, они свернули в узенькую темную улочку.

Камиль тяжело поднялся, побрел по улице.

21

Прошло три дня после того страшного вечера. Земля еще продолжала изредка вздрагивать, но толчки шли на убыль. Люди перестали обращать внимание на гул, на дрожь земли...

Камиль стоял на летном поле в ожидании самолета.

— Спасибо, Камиль, доброе дело ты сделал,— сказал Мустафа.— Еще джамаат тебе свое спасибо скажет.

— Почему мне? — удивился Камиль.— Он давно находился под наблюдением.

— Ты разбудил зверя, вселил в него страх, вывел из логова. Такого зверя, хотя и опасного, легко подстрелить.

— Но он страшен в эти минуты.

— Ошибаешься, он труслив. Гнев и сила в нем рождаются от трусости. У Османа следовало бы проконсультироваться, он специалист по этой части.

— Будь здоров, Мустафа, передай привет ребятам, Наби, Осману. Приедешь в город — загляни обязательно.

— Приезжай в новый дом,— сказал Мустафа.— Без тебя не буду устраивать новоселья.

— Э-эй, подождите! — Размахивая руками, к самолету бежал Осман.— Уф, утомился,— сказал он, тяжело дыша,— вот что значит прожить несколько дней в ауле. Человек без родной стихии, что орел без неба.

— Скажи лучше, что стареешь,— засмеялся Мустафа.— Куда путь держишь, орел?

— В город еду, в охотинспекцию.

— Это еще зачем?

— Как зачем? Вертолет просить. Туров пересчитать надо, может, полстада уже нет.— Он хитро глянул на Мустафу, потом перевел взгляд на Камиля и произнес: — Свистом их не соберешь.

Они дружно засмеялись.

... Самолет оторвался от земли, набрал высоту и сделал разворот. Под крылом, внизу, лежал в развалинах аул. В километре от него расположился палаточный городок с прямыми длинными улицами.

— Красивая была долина,— сказал Камиль.

— Настоящее кладбище,— проговорил Осман.— Переселяться будем, на плоскость, к морю.

— Простишься с турами?

— Зачем? Построю дом семье и уйду в горы. Человек без родной стихии, что орел без неба. Послушай, я тебе одну байку расскажу.

— Давай немного помолчим, Осман, наговориться успеем. Мне надо кое-что записать.

— И то верно,— добродушно сказал Осман и удобней развалился в кресле.

Был полдень, окно искрилось от солнечного света. «Через несколько дней лето,— подумал Камиль,— а там и долгожданный отпуск». Он хотел дать ход своей фантазии, когда услышал осторожный стук в дверь.

— Войдите, открыто!— крикнул Камиль, предполагая, что пришла медсестра делать укол. Послышались тихие шаги и в комнату осторожно вошла девушка. Камиль долго вглядывался в нее, потом, улыбнувшись, воскликнул:

— Гюли! Садитесь, полужайста, в кресло, напротив. Чтоб я мог вас видеть.

Он попытался встать, почувствовал боль, сморщился:

— Простите, мне не разрешают вставать.

— Лежите, лежите, что вы,— произнесла Гюли.— Не беспокойтесь из-за меня. Я принесла вашу записную книжку.

— Как вас и благодарить, не знаю,— искренне обрадовался Камиль,— она мне так нужна... Где вы ее нашли?

— Осман передал... Вы забыли ее в вертолете. Он не смог навестить вас, улетел в горы.

— Добился,— улыбнулся Камиль.

Девушка оглядела комнату.

— Мы так вам благодарны... за Арацхана. И мама моя, и его мама, и друзья ваши каждый день вспоминают о вас.— Гюли помолчала, опустила голову, затем словно спохватилась.— А за что Ханипаша убил Батырова? В ауле разные слухи ходят.

— Любопытно?

— Ходят разные небылицы.

— У Батырова были натянутые отношения со многими мунонцами,— стал рассказывать Камиль.— Но никто не знал, а тем более Батыров, что настоящий враг его — Ханипаша. Как-то на тропе Ханипаша столкнулся с Батыровым, который поднимался в гору, внимательно оглядываясь по сторонам.— «Добрый день, старик,— сказал Батыров,— не дают мне покоя эти поганцы Осман и Арацхан. А ты что здесь делаешь?— удивился вдруг он.— Зачем забрался так далеко от аула?»— «Воздухом дышу, ноги укрепляю. Разве сравнить воздух аула и этой местности?»— «Не поднимайся больше сюда, старик, нельзя».

На плато базировалась авиачасть. И вот как-то в полдень, когда в шашлычной никого не оказалось, Ханипаша взял с прилавка нож и платок Арацхана, взял умно, своим платком, чтобы не оставить следов пальцев, и пошел на тропу.

— «Эй, старик, не говорил ли я тебе, чтоб ты сюда не поднимался»,— услышал он голос Батырова. И когда

милиционер подошел вплотную, старик обернулся и вонзил нож ему в грудь. Потом бросил платок Арацхана и быстро спустился к шашлычной, чтобы вовремя занять свое место. Вот и вся история.

— Но почему он убил Батырова?—спросила девушка.

— Кровная месть. В гражданскую войну отец Батырова в перестрелке убил брата Ханипаша. У убитого не было сыновей, и Ханипаша поклялся отомстить....

— А кто вас ударил по голове?

— Он же. Подумал, что я иду по следу...

— Вы пишете статью об этом убийстве?—сказала Гюли.

— Нет, Арацхан на свободе, Ханипаша арестован. Дело закончено. Я сейчас пишу о мужестве мунонцев в дни землетрясения. Кое-что я испытал на собственной шкуре.

Камиль тяжело вздохнул и вытянулся на диване.

— Очень хочется пить. Не сварили бы вы кофе, или крепкого чая?

— Но... я не знаю вашей кухни,—сказала смущенно Гюли.

— Там все на виду. Найдете.

Девушка встала.

— А кто же был тот, прихрамывающий?—спросила она из кухни.

— Сотрудник милиции.

Камиль, утомленный, прикрыл веки, и из тьмы на него наплыли картины землетрясения.

Он понял, что память о событиях в Муно будет жить в нем долго. Очень долго.

СЕМЬ ДНЕЙ ТРЕВОГИ

I

Поздним вечером, когда село, наконец, уgomонилось и уже видело первые сны, сторож колхозного тока Касиб-хан обнаружил тайник. А случилось это так.

Семилетний внук Касиб-хана, появившись в полдень на колхозном току, прожужжал деду все уши, прося раздобыть червей. Ему, несмышленному, неведомо было, где в этой выжженной солнцем земле опытные рыболовы находят червей. Сторож колхозного тока не покинул своего поста, а только наградил внука подзатыльником, правда, легким. Но вечером, когда сын с невесткой, намаявшись на уборке зерна, ушли спать, а внук уже давно сладко посапывал, Касиб-хан вышел во двор, поглядел на небо, усеянное звездами, широко зевнул и пошел в дальний угол двора, где под раскидистым тутовым деревом лента воды, тянувшаяся от крана, образовала большое сырое пятно. Включив карманный фонарик и положив его на землю подле себя, он принялся лопатой вскапывать землю и, очищая извивавшихся червей от грязи, бросать их в баночку из-под рыбных консервов. Лопата мягко входила в землю, Касиб-хан подумал о том, что не плохо бы здесь вырыть тандыр. Потом он перешел за дерево, но здесь земля оказалась твердой, и он вернулся обратно. Ощупывая толстыми пальцами каждого червя, он удивлялся их обилию и продолжал копать, поражаясь податливости земли. Вскоре его перестали интересовать черви. Он уже копал по инерции, желая одного — дойти до твердого грунта. Внезапно лопата звякнула о что-то твердое. Волнение охватило Касиб-хана. Он бросил лопату и принялся руками раз-

гребать землю. Пальцы его наткнулись на твердый холодный предмет. Касиб-хан принялся осторожно очищать от грязи какой-то предмет. «Не мина ли? Хотя откуда ей быть здесь? Война до нашего порога не дошла».

Наконец показался чугунный казан, обвязанный сверху буйволиной шкурой. Касиб-хан осторожно снял ее и, не поверив своим глазам, сел на землю, поджав под себя ноги, словно готовясь для совершения намаза. В казане лежали золотые монеты.

Первое чувство, которое испытал в некоторые доли секунды Касиб-хан, было чувство недоумения: откуда, чье, зачем? Эти вопросы бились в мозгу сторожа и не находили выхода. Потом пришло чувство радости: мне, мое, все мое, никогда не видел такого богатства, где там видать — не мечтал даже. Потом его вытеснил страх: а вдруг злая шутка? Или кто-то подложил? Да у кого сейчас может быть такое богатство. А если найдется хозяин, что тогда? Потеряю, потеряю все.

Касиб-хан запустил руки под дно казана, поднялся, бережно прижал дорогую чашу к животу и затрусил мягко, неслышно к сараю, пристроенному к дому. Поддев ногой дверь сарая, он вошел, наощупь отыскал лавку и поставил на нее казан. Потом, озираясь, поспешил к яме, взял с земли фонарик, выключил его и, только войдя в сарай, снова зажег, чтобы обследовать содержимое казана.

Но в подсознании Касиб-хана уже успел родиться другой человек, который следил за всеми его действиями и даже руководил им. А что если проснется кто-нибудь из домочадцев и увидит его здесь, с кладом? Увидит? Ну и пусть увидят. Кому, как не им, я оставляю это золото. Сколько мне осталось жить на свете, десять, пятнадцать лет, а может и два года... Кто знает... кому, как не им... А может, его надо сдать?.. Нет, спрятать, чтоб никто о нем пока не знал. А дальше видно будет...

Касиб-хан забегал по сараю как затравленный волк,

ища место, где можно спрятать казан, тонкий лучик фонарика метался по стенам, полу, потолку и нигде не мог задержаться. Наконец, отчаявшись, Касиб-хан обхватил казан, как ребенка, высунул голову за дверь и, убедившись, что двор пуст, осторожно пошел к яме. Он опустил в нее свою находку, накрыл буйволиной кожей и засыпал землей. Утрамбовав ногами, а затем взрыхлив верхний слой земли, он опустился на землю и сказал себе: «Правильно, здесь ему будет надежнее. Я бы мог спрятать на чердаке, но туда лазают дети, от них не упрячешь, а в погреб ежечасно спускается жена за соленьями и вареньями. Здесь надежнее».

И, успокаивая себя, он еще долго сидел во дворе, глядя в звездное небо. Старая лисица-судьба улыбнулась и мне, думал Касиб-хан. Страшно поверить даже, Касиб-хан — владелец клада. А почему страшно? Должна же когда-нибудь и мне улыбнуться судьба. Отец жил в бедности, дед не вылезал из нищеты. Вот так и тянулся мой род, род бедняков, до двадцатых годов... Подожди, подожди, а брат деда? Ведь ходят и по сей день разные небылицы о том, что он нашел клад и помешался на нем. Хе-хе-хе, не знал, наверное, куда девать его. Старый дурак, дал бы по несколько монет братьям и сестрам, детям своим... Хе-хе-хе... Небылица. Какие там еще небылицы, если вот я нашел... Почему он не мог найти? Это все старая лисица — судьба... Касиб-хан глядел в небо, и каждая звезда уже казалась золотой монетой, хитро подмигивающей ему. Была уже полночь, когда Касиб-хан поднялся с земли, отряхнулся, взял баночку с червями и пошел в дом.

II

На следующий день, сдав вахту сменщику, Касиб-хан не пошел сразу домой. Миновав свой двор, правда, успев бросить цепкий взгляд на тутовое дерево и не заметив ничего настораживающего, он проследовал даль-

ше и отворил калитку Бобо-хана. Хозяин дома сидел на деревянной жесткой тахте. Перед ним на небольшом круглом столике стоял вместительный фарфоровый чайник, тонкий стаканчик на блюдце и мелко наколотый сахар.

— Вовремя зашел, Касиб-хан, еще не успел разлить чай. Садись рядом, а я принесу тебе стакан.

Он пошел в дом, тяжело переставляя ноги, каждый шаг его отдавался скрипом. Когда вернулся и сел на свое место, Касиб-хан осуждающе посмотрел на него:

— Совсем опустился. Что с тобой происходит?

— А что случилось?— удивленно глянул на него Бобо-хан.

— Смазать надо. Или поменять. Сколько им лет?

— А-а, ты вот о чем.— Бобо-хан засмеялся, смех у него был чистый, добрый.— Все времени нет.

— Ну конечно, золото роешь...

— Чего, чего?

— Золото, говорю, роешь,— с ехидцей повторил Касиб-хан.

Бобо-хан громко рассмеялся:

— Серьезно говорю, времени нет. Думаешь, рабочий день бухгалтера кончается в шесть часов? Давай-ка пить чай.

Он разлил чай, потом перелил из своего стаканчика в блюдце, поднял его на пальцах ко рту и шумно отхлебнул.

— Ты что-то хочешь спросить, Касиб-хан? Спрашивай.

— Спросить? С чего ты взял? Нет, конечно.— Касиб-хан принялся пить обжигающий ароматный чай, не отрывая глаз от блюдца.

— Хочешь, по глазам вижу. Кто тебя знает лучше, чем я? Скажи...

— Твоя правда, никто... Но сейчас ты... не прав, нет у меня никаких вопросов.

— Ну, зллах с тобой, ладно.— Бобо-хан снова шумно

отпил из блюдца.—Хороший ты мужик, Касиб-хан, и умом удался, и ростом вышел, и здоровьем крепок, и добрый, и честностью мил людям. Но одного не могу тебе простить... почему ты вынес тогда меня с поля...

— Э-э, опять начал,—сокрушенно вздохнул Касиб-хан и положил в рот острый кусочек сахара.

— И никогда не кончу. Не кончу, пока не умру. Оставил меня на муки...—Бобо-хан замолчал.

— О чем ты говоришь, старый дурак,—беззлобно взорвался Касиб-хан.—У тебя скоро внуки женятся, а ты о муках каких-то ворчишь. Не свихнулся ли, часом, от сладкой жизни?

— Хороша сладкая жизнь...—Бобо-хан замолчал.— А ты помнишь еще, или уже забыл?

— Помню,—спустя минуту, произнес Касиб-хан. И снова чуть погодя повторил:—Помню.

— Я хотел его подбить...—внезапно Бобо-хан оживился, в глазах его появился лихорадочный блеск.— Между нами было метров... метров десять, наверное. Я замахнулся гранатой, и тут, словно пчела, ужалила меня в руку. Я оторопел, не успел ничего сообразить, как пчелиное жало вонзилось в ноги. Помню, сполз на землю и тут заметил, что танк ползет на меня. Теряя сознание, я видел, как гусеницы подбираются ко мне... Потом небо обрушилось на меня.

Касиб-хан помнил больше. Земля, небо, воздух — все гудело, гремело, грохотало и скрежетало. Дышалось с трудом, пыль и огонь стлались над степью. Касиб-хан видел, как Бобо-хан выполз из окопа и, подпустив «Тигра» поближе, встал, замахнулся гранатой, и тут огненная струя сразила его. Касиб-хан видел, как «Тигр» пополз на Бобо-хана, закрыл глаза и опустился на дно окопа. Плакать он уже давно не мог. Он пропустил танк, и когда тот прополз над окопом, выпрямился и с силой бросил вслед гранату. «Тигр» запылал. Касиб-хан действовал как заведенный механизм. Он выполз из окопа, встал на

колени и бросил гранату в другой танк, надвигавшийся на него. Тот вздрогнул перед снопом пламени и застыл. Касиб-хан скатился в окоп, схватил автомат и стал с остервенением расстреливать выбегавших из горящих машин фашистов. Улучив минуту, он бросил взгляд в сторону Бобо-хана. Тот лежал на снегу без движения. По щекам Касиб-хана покатались горошинки. Но это были не слезы. Это был холодный пот.

— Все-таки есть у тебя вопрос ко мне,—сказал Бобо-хан, улыбнувшись.—Клянусь прахом моей матери, есть. По глазам вижу.

— Да ладно уж,—протянул устало Касиб-хан и вдруг задал первый пришедший на ум вопрос: — Скажи, ты не слышал, что было на том месте, где сейчас стоит мой дом?

— Это ли ты хотел узнать?

— Да, да, это.

— Хитришь, друг. Ты сам прекрасно знаешь, что там прежде стоял сельсовет.

— Сельсовет... ах, да, это я знаю,—удрученно произнес Касиб-хан, но тут же оживился.— А до того?

— До того... А кто помнит... Сельсовет располагался в бывшем доме шамхала.

— Шамхала...—Касиб-хан хлопнул себя ладонью по лбу.—Шамхала...

— Нашел что-нибудь?—засмеялся Бобо-хан.

— Скажешь тоже.—Касиб-хан принялся шумно пить чай, уставившись в блюдце.—Нашел... Что тут найдешь. Да и разве я нуждаюсь в чем-либо?

— И правильно, слава аллаху, не милостью его живем.

Бобо-хан поднялся с тахты, пошел в дом и вернулся с широкой медной чашей, наполненной орехами и яблоками.

— Ешь, Касиб-хан, твое лакомство, ешь на здоровье.

— Не откажусь.—Касиб-хан положил в ладонь два

ореха, сжал кулак. Послышался треск скорлупы.— Есть еще сила,— сказал он, горделиво подняв голову и слушая, как Бобо-хан удивленно произносил «машалла», «машалла».

III

Касиб-хан проснулся на рассвете от какого-то чувства щемящего беспокойства. Он неслышно оделся, вышел из дома и направился к тутовому дереву. Земля здесь вся была изрыта. «Неужели кто-то копал? Не может быть. Они не знают ничего о золоте. Кто же! Что это может быть» — лихорадочно заработала мысль, и вопросы, как осы, жалили его, не находя ответа. Он затрусил к сараю, схватил лопату и только принялся копать, как за спиной, от дверей послышался женский голос:

— Касиб-хан, угомонись, мальчик вчера накопал червей.

Он спрятал голову в плечи, насторожился. Ах, это же Айша, моя жена, сказал он себе, не пугайся. Но почему она вышла следом? Учужала что-то, разнюхала, как кошка?

— Оглох ты, что ли, я же говорю, мальчик накопал вчера червей,— повторила Айша, кутаясь в платок.

Когда до Касиб-хана дошел смысл ее слов, он вдруг размяк и сел на землю. Силы покинули его.

— Совсем свихнулся старик,— сказала Айша и ушла в дом.

Касиб-хан сидел усталый, опустошенный, повторяя поминутно про себя: не знают, не знают... Наконец, успокоившись и придя в себя, он поднялся и стал утрамбовывать яму, громко ворча, чтобы слышали домочадцы: — Весь двор изрыли, места живого не оставили; куда это годится, землю так уродовать.— Потом он отнес лопату в сарай и вышел на улицу.

Дорога на колхозный ток вела мимо дома Джона,

который стоял высоко на пригорке, открытый всем ветрам. Отсюда, сверху, дома расположились веером. От кромки веера до самого моря, которое заманчиво синело вдали, лежали виноградные плантации, рассекаемые автотрассой и железной дорогой, а слева и справа синели рощи. Дом Джона был двухэтажный, кирпичный, с мансардой, построен в готическом стиле. Эскиз дома Джон привез из Латвии, и на зло всем пересудам и насмешкам сельчан строители под руководством Джона поставили такой дом, что он стал украшением всего села. Такого стиля здесь еще не знали.

Двор дома не в пример другим чист и ухожен. В хозяйстве Джона не было ни кур, ни овец, ни коровы. Зато вся территория, невысокий забор, стены дома увиты виноградом. От калитки к дверям дома вел длинный коридор, теснимый буйными лозами. И такого двора в селе не было. Да и как быть, когда в хозяйстве нужна и птица, и скотина, а где они, там и грязь, и гомон, и шум.

Многие сельчане удивлялись непрактичности Джона, подсказывали и советовали, как вести хозяйство. А он поддакивал, соглашался, да жил по-своему.

Касиб-хан, облокотившись на забор, долго смотрел на этот чудный дом, которому, впрочем, завидовал, как и все в селе, пока его не заставил вздрогнуть насмешливый голос:

— Нравится?

Касиб-хан взгляделся, увидел Джона, который опрыскивал виноградник, удивленно произнёс:

— Что это ты, ни свет, ни заря?

— А потом времени не будет.

— Не забывайте, что он главный агроном,— вдруг донеслось из соседнего двора.— Когда ж ему время искать для личного хозяйства, как не сейчас.

Джон подошел к забору:

— Это Абдулла, мой дорогой сосед. Днем выпится в бухгалтерии, а ночью мучается бессоницей.

— Твое богатство сторожу,— донесся опять голос Абдуллы.

— А кто его унесет? Вот-вот созреет виноград, продам его, выручу деньги и укачу за границу.

— Тебе бы только по заграницам ездить, деньги проматывать,— сказал Абдулла.

— Проматывать, проматывать, эх ты, скопидом,— передразнил его Джон,— дальше своего носа ничего не видишь. Вот поездил я по Средиземному морю, какие только страны не повидал.

— Умнее становишься?

— Может быть... Был потом в Скандинавии, и скажу вам честно, всего там хватает: и красоты, и богатства, и нищеты, и всякого безобразия.

«Вот бы поехать куда-нибудь,— подумал вдруг Касиб-хан,— моего клада хватит, чтобы объехать весь мир, да зачем мне мир, мне бы хоть чуток прошагать по чужой земле, послушать, как она сейчас дышит...»

— А вы, кажется, тоже были за границей,— вдруг спросил Джон, словно прочитал его мысли.

— Был,— сказал Касиб-хан,— когда земля горела. Что я видел? Обугленные деревья, разрушенные города, напуганные, голодные лица... Я войну видел...

— Слушай, Джон, я недавно прочитал в газете, что в океане раскололся танкер. Раскололся на две половины...— прервал его мысли Абдулла.

— Мне, как видишь, повезло,— засмеялся Джон.

— А еще сообщали, как на Канарских островах столкнулись два самолета. Четыре часа пожарники тушили огонь на взлетной полосе...

— Я на Канары не летал. Я летал в Париж.

— И где только он не был,— вздохнул Абдулла.— Деньги некуда девать.

— И это правда,— засмеялся Джон.— Для чего они мне? Вот сдам виноград и полечу в Англию.

— Ты... серьезно..?

— А почему нет? Я и документы уже подготовил.

Чудной парень, подумал Касиб-хан, а впрочем, и отец его, покойный, был такой же. Красив, крепок и широк в плечах. Мог взвалить на себя осла и пронести по улице. В доме у него никогда не оставалось лишнего яблока, груши или грозди винограда, раздавал детям. Если кто-то нуждался в муке — делил с ним свою муку, у кого-то не было света в доме — отдавал свою лампу. А сам жил в ветхом домике, который мог развалиться от удара грома... Чудной был мужик. Однажды в газете он вычитал об американском журналисте Джоне Риде. Раздобыл и прочитал его книгу «10 дней, которые потрясли мир». Воспылал любовью к американцу и в честь его назвал своего третьего сына Джоном. Сельчане вначале недоумевали, потом привыкли к заморскому имени.

— А я иногда думаю так, — прервал воспоминания Касиб-хана голос Абдуллы, — нет ли у тебя за границей кого-нибудь из родственников...

Джон захохотал.

— Все село разбудишь. — У забора остановился председатель колхоза. — Доброго утра вам.

— Пора вылезать из постели, — сказал Джон, утирая со щек слезы.

— И то правда. А чего хохотал?

— Да Абдулла опять.

— Расселить вас надо, чтобы не мучили село, — громко сказал председатель колхоза, подмигнув предупредительно Джону.

— Привет вам, я отсюда никуда не уйду. Пусть Джон со своим домом перебирается.

— Куда же мне? — спросил Джон.

— А по мне хоть в Лондон...

— Ну, в Лондон он и так едет... а вот план по винограду мы в этом году не выполнили.

— Земля не родила, — сказал Абдулла, который по-

дошел к ним и облокотился на забор рядом с Касиб-ханом.— Тут нашей вины нет.

— А никто нас не винит. Просто мы дали промашку, не доглядели, а земля любит внимание, уход.

— Что ж, придется сдать свой виноград,— сказал Джон.

— Как, свой?

— С личных участков.

— Хватил, в кассе на выплату денег нет.

— А деньги не нужны. Безвозмездно.

— Ну да, безвозмездно,— протянул Абдулла,— как безвозмездно...

— Ты сдашь?— Абдулла уставился на Джона.— Он сдаст? Он в Лондон едет на винограде, а нам голову морочит.

— Не сдаст, а сдаю. Понимаешь разницу.— С-д-а-ю.

— Как же получается? У кого есть виноградник, те сдадут урожай колхозу. Ясно. А у кого его нет? Останется в стороне? — спросил Абдулла.

— Ну и что?— удивился Джон.

— И не понесут никакого ущерба?

— Какой же это ущерб — сдать виноград государству.

— Не делай из меня дурака...— вскипел Абдулла.— Вот у Касиб-хана, к примеру, виноградника нет, он выиграл.

— А что он может сдать, кур и индеек?

— Если нужно, пожалуйста, берите. Сдам всю птицу,— подхватил Касиб-хан,— я разве возражаю. Сдал бы и виноград, нет его у меня ведь.

— Потому и сдал бы, что нет,— отрезал Абдулла.

— А ты-то что кипятишься? — удивился Джон.— У тебя виноградник с утиный хвост. Тебе чего терять? Можешь не сдавать, никто не заставляет.

Абдулла замолчал, что-то пробубнил под нос, и, вдруг спохватившись, протянул:

— А как же Лондон?

— А что Лондон? Лондон остается на своем месте.

— Ты, ты как?

— Ах, я...— Джон засмеялся.— Полечу.

— На какие...— Абдулла подбирал слово,— на какие деньги... Или клад нашел?

— Эх, и дурень ты, Абдулла, хоть и сосед мне. Живем — не бедствуем, и на путевку хватит.

Над узкой полоской неба, которая приткнулась к морю, занималась заря. Начинался день.

У

На четвертый день неясная хандра охватила Касиб-хана. Почему-то ему и свет стал не мил, и люди безразличны. И эти курганы зерна, которые золотились под солнцем на колхозном току. И даже синее густое небо, которое обычно вызывало у него не по годам нежное умиление. Ему стали безразличны и шум моторов, и движение машин, и если бы на току появились незнакомые люди, он бы вряд ли поднялся сейчас со своей скамейки в тени забора.

Хандра почти не посещала Касиб-хана, и потому он вдруг решил, что его оставляют силы. И даже в эти часы и минуты, когда перед расставанием с жизнью и уходом в неведомое человека охватывает страх, Касиб-хан остался равнодушным к себе. Только на какой-то миг представил жену, убивающуюся над его телом, сына и невестку, внука с червями в кулаке, и с щемящей болью подумал: они же не знают о золоте, пропадет золото, и никому от него радости не будет.

И даже в эту минуту у него не появилось никакого желания перебороть себя.— Смерть сильна,— сказал он себе отрешенно,— ее не обмануть, не обойти...— Касиб-хан закрыл глаза и незаметно уснул.

... Проснулся он от промозглой сырости. Земля была холодна. Вокруг копошились черви. А, чтоб вам пусто

было,—Касиб-хан отмахнулся от них,—я не рыба, глотать вас не собираюсь. Внезапно холодный пот прошиб его. Неужели они решили съесть меня? Неужели они смогут съесть человека... Проклятые, я вам покажу... Касиб-хан принялся давить червей, но их было много, и он вскоре устал.—Хоть бы палка была под рукой, или камень,—подумал он,—проклятые, я вам покажу...—Он стал разгребать землю и вдруг наткнулся на что-то твердое.—А-а-а, сейчас я вам покажу, как меня есть... Сейчас я вытащу этот камень... Он очистил обнаруженный предмет, который оказался казаном, стряхнул с него землю, содрал буйволиную кожу и запустил в него руку. Меж пальцев заскользили монеты. Он поднес к лицу пригоршню, и вдруг швырнул ее наземь, всхлипнув: мне камень нужен, камень. И тут почувствовал твердое прикосновение к плечу и ржавый голос произнес: Касиб-хан!—Кто это?—сжегился Касиб-хан, вобрав голову в плечи.—Касиб-хан, это я, Шамхал,—повторил ржавый голос.—Шамхал! Быть не может,—похолодел Касиб-хан,—неужели пришел за золотом, нет, не отдам...—Он повалился на казан и закрыл его своим телом.

...Боль в плече заставила его открыть глаза. Перед ним стоял Шамхал, колхозный шофер, не сводя испуганных глаз.

— Касиб-хан, выпил, что ли?

— Что? Выпил? Чтоб твой язык черви съели. Ты когда-нибудь видел, чтобы я пил?—Касиб-хана взорвало.

— А почему валишься? Я еле тебя поднял с земли.

— Валишься... Если бы ты знал, почему я валился, ты бы язык проглотил.

— Ну скажи, почему?

— Золото закрывал. Телом своим,—добавил Касиб-хан.

— Во сне, что ли?

— Во сне, конечно. А ты думал, что...—Касиб-хан поднял голову и посмотрел в большие синие, смеющиеся

ся глаза Шамхала:— Может, на самом деле здесь лежит казан. Иди, разгребай.

— Будь у меня казан золота, что бы я сделал...— мечтательно проговорил Шамхал, присев на скамейку рядом с Касиб-ханом.

— Что бы ты сделал,— в тон ему сказал Касиб-хан.— Пропил бы...

— Что бы я сделал... Отправился бы в кругосветное путешествие. Весь мир повидал бы...

— А это очень нужно? — спросил Касиб-хан.

— Кому как. А я поехал бы. Африка, острова в океане, штормы и ураганы, сказочные земли...

— Тебе надо дочерей замуж выдавать, а не по сказочным землям болтаться,— сказал серьезно Касиб-хан.

— Выдам, и на них хватит.

— Хватит... — с ехидцей проговорил Касиб-хан.— Сколько их у тебя? Девять или десять?

— Скоро будет десятая,— засмеялся Шамхал.

— Вот-вот, девчат нарожал, а сам думает в Африку ехать, в океаны... Ветер у тебя в голове.

— Ты что ругаешься, Касиб-хан. Я еще и казана пустого не видел, а ты уже разошелся, как курица.

— Э-э-э, язык не распускай, не то я тебе покажу курицу. Казана не видел, подумаешь ты... А увидишь, так промотаешь за неделю.

Шамхал посмотрел на рассерженного Касиб-хана и вдруг громко рассмеялся.

— Ты чего?

— Я уже и казан нашел, и промотал его... Ну и хорошего ты обо мне мнения...— Шамхал вытер слезы со щек.— Да хоть и найду, по закону его полагается сдать.

— А ты бы сдал?

— Что сдал?

— Что сдал... Какой-то бестолковый ты сегодня, не выпил ли?

— За рулем не пью. Так что бы я сдал?

— Казан... золота...

— А куда его девать. Солить, что ли? Узнают о кладе — не одобровать, судить могут.

— Это еще зачем?— удивленно уставился на Шамхала Касиб-хан.

— Зачем, почему... Тебе бы меня учить, а получается наоборот, я должен учить тебя. А затем, что всякий клад — это государственная собственность. Понял? Не моя, не твоя, не мы его спрятали, не мы его владельцы... Ну, машина ждет меня. Я поеду, а ты смотри, не падай, никакого казана там нет.

Шамхал встал, потянулся, широко зевнул и пошел к своей машине.

«Никакого казана нет,— передразнил его про себя Касиб-хан — Зубоскал. Посмотрел бы я на тебя, если б ты нашел казан. Какие бы песни пел».

И тут Касиб-хан понял, что хандра с него спала, как спадает осенью золотой наряд деревьев, отдавая оголенные ветви холодам и ветрам. И думы о том, как поступить с находкой, овладели им.

V

Вечером следующего дня, возвращаясь домой, Касиб-хан задержался у дома своего деверя. Из окна доносились громкие голоса. Спорили. Касиб-хан пошел было дальше, но потом вернулся назад.

А в доме происходило следующее. Старый Паридалав, в накинутом на плечи тулупе, скрестив под себя ноги, сидел на жесткой тахте и, теребя худосочные рыжевато-седые усы, похикикивал. За столом кто на стульях, а кто на табурете, сидели его дети, четверо сыновей и четыре дочери. Старая Майрам расположилась на коврик у подножия тахты. Лицо ее, матово-белое, было непроницаемо. Она сосредоточенно вязала цветной с затейливыми узорами джураб. Старый Паридалав похикикивал. Шесть лет он не видел своих детей, разъеха-

лись по разным городам, обзавелись своими семьями и забыли своих родителей в хлопотах и заботах. Правда, свадьбу все до единого сыграли в селе, потому что отец имел возможность устроить им пышную свадьбу, на зависть многим, да быстро запомнили о стариках.

Не хотел Паридалав быть гастролером, ехать от одного своего дитя к другому, а сердце требовало их. И внезапно его осенила мысль. Поделится ею с Майрам. Та ничего не ответила, никак не среагировала. Она никогда не вмешивалась в мужнины дела. Разозлился Паридалав, назвал ее рыбой, пошел в отделение связи и дал телеграмму следующего содержания: «Чувствую себя плохо приезжай пока жив поделю наследство Отец». Девчонка-телеграфистка подняла на него удивленный взгляд, но он хитро улыбнулся и строго велел:— Принимай, как написано. Вечером к нему зашел отец телеграфистки, озабоченный состоянием здоровья Паридалава, но Паридалав успокоил его. Посмеялись, выпили по стакану доброго домашнего вина и разговорились. Расстались поздно вечером.

Дети приехали в один день. В село добрались со станции в одном автобусе. И, увидев отца здоровым и веселым, были поражены и повергнуты в уныние. Но быстро пришли в себя, и все как один стали обвинять его в ребячестве, в несерьезности, в не по годам легкомысленной шутке. Чего же вы ломали себе голову,—похихикивал Паридалав в ответ.—Я же не писал вам, что умираю. Плохо чувствую себя—и только... Вас гнало сюда желание получить свою долю наследства!

Дети, конечно, отвергали эту мысль, но Паридалав упрямо стоял на своем. И тут он принял еще одно неожиданное решение: раз уж дети собрались все, поделить между ними то, что имеет цену. И на душе станет спокойней и легче. Кто знает, что с ними будет завтра. Приходит время, когда нажитое тяжелым бременем ложится на душу и хочется от него освободиться.

Паридалав окинул взглядом сидевших за столом взрослых детей, которые имели своих взрослых детей, и стал перечислять: шесть ковров ручной работы — и загнул палец, коллекция старинного оружия — загнул другой палец, старинная посуда из серебра и украшения к национальной одежде — загнул третий палец, десять баранов и две коровы, за которыми нужен уход, — загнул четвертый палец, задумался, вспомнил — большие часы с боем — загнул пятый палец, тарантайку без коня, конь утонул несколько лет назад в болоте — загнул шестой палец, фруктовый сад на приусадебном участке — загнул седьмой палец... Потом поднялся невообразимый гвалт: кому-то нравилось одно, кому-то другое, кто-то не хотел уступать...

Именно в этот момент дверь открылась, и в комнату вошел Касиб-хан.

— Мир вашему дому, — сказал он, удивленно глянув на сидящих за столом. — Не торжество ли у тебя какое, Паридалав?

— Торжество, торжество, и еще какое, — размахивая руками, отозвался Паридалав. — Заходи, присаживайся.

Касиб-хан сел рядом, на тахту, и вновь воззрился на детей Паридалава.

— Что вас привело сюда всех сразу?

Те, при виде непростого гостя, медленно остывали и в душе негодовали на него: какой черт занес так некстати.

— Свое богатство раздаю детям, — хихикая, ответил на его вопрос Паридалав.

— Какое еще богатство? — у Касиб-хана почему-то похолодела спина. — Какое богатство? — повторил он, но уже шепотом и настороженно.

— А ты думаешь, только у тебя есть богатство? — спросил Паридалав, хитро блеснув глазами.

— Какое у меня может быть богатство... откуда ему быть, — прошептал Касиб-хан, покрываясь испариной.

и подумал про себя: «Какой черт занес меня сюда. Неужели знает?»

— Хех-хе-хе, бедный, совсем обеднел... Твой дом, твоя скотина, твои бочки с вином — это не богатство? Это, по-твоему, что, скажи мне, а? Простака из себя строишь...

— Слава аллаху, не знает,— облегченно вздохнул Касиб-хан и провел ладонью по мокрому лбу.

— Скажешь, и денег совсем нет? Совсем не припас? Касиб-хан хотел было возразить, но Паридалав прервал его:

— И не раскрывай лучше рта. Есть. Ну и на радость, и на здоровье. Да, наверное, все сыну отдал. Так ли? И я вот решил все нажитое раздать детям.

— Как раздать... сейчас?... При жизни?—протянул Касиб-хан.

— А какой мне интерес после смерти. Я не увижу радости на лицах моих детей.

— По-моему, они больше разочарованы и недовольны твоим решением,— неуверенно сказал Касиб-хан.

— Недовольны,— передразнил его Паридалав.— Конечно, недовольны, потому что перестали делить наследство. Ты помешал.— И он засмеялся.

— Я пойду,— сказал Касиб-хан, подымаясь, но Паридалав цепко схватил его рукой и усадил на тахту:

— Пойдешь, когда я отпущу. Майрам, подавай своему брату вкусного чего-нибудь. Потом и детям подай, когда они закончат дележ.

Майрам встала, отложила вязание, взглянула на Касиб-хана, глаза ее потеплели, и пошла на кухню. Касиб-хан проводил взглядом сестру, удивился ее спокойствию и невозмутимости, перевел глаза на Паридалава и подумал: «Всю свою жизнь чудил мужик. И на старости лет не перестает. Неужели он на самом деле решил раздать нажитое добро детям. Сейчас. Когда ничто еще не говорит о близости смерти».

Паридалав, словно прочитав его мысли, придвинулся и зашептал на ухо:

— Честное слово, решил. И знаешь, ради чего? Только ради того, чтобы собрать всех детей вместе, всех вместе увидеть.

— Ради этого раздавать добро? — удивился Касиб-хан.

— Я обещал им. Не хочу быть болтуном. А нам с Майрам хватит того, что останется. Не беспокойся, себя не обидим.

Майрам принесла на темном подносе, разукрашенном красными цветами, фрукты, ореховую халву, кувшин родниковой воды и поставила его на тахту, между Паридалавом и Касиб-ханом. Потом опустила на свое место и принялась за вязание. Паридалав взглянул на шушукавшихся детей, спросил:

— Что умолкли, языки, что ли, проглотили? Или дядю своего застеснялись? Давайте продолжим наш разговор: кто что выбирает.

Дети Паридалава постепенно разговорились, и вскоре в комнате поднялся невообразимый гвалт. Касиб-хан с удовольствием ел халву, запивал ее холодной водой и поглядывал на лица племянников. Еще совсем недавно они беззаботно бегали по пыльным сельским улицам, а сегодня, рослые, возмужавшие, сидели за столом, и каждый раскрывался новой гранью характера! Младший сын Паридалава широко и громко зевнул, словно пытаясь перекрыть шум, встал из-за стола и направился к дверям.

— Ты куда, сынок? — окликнул его Паридалав, держа огромную грушу на растопыренных пальцах.

— Ты мне можешь отдать... кусок неба, который висит над твоим двором, отец? И твою трубку, и тарантайку?

— Могу, сынок, со звездами впридачу. И трубку говоришь? Ты стал курить, сынок?

— Да, отец.

— Ну что ж, мужчина должен уметь курить. Дам и трубку. И тарантайку, только коня купишь сам.

— Спасибо.— Сын распахнул дверь и вышел.

— Этот старик со своими бредовыми мыслями может мир перевернуть,— сказала Майрам, не меняя выражения лица.— Стар стал — поглупел.

Паридалав хихикнул:

— Поглупел говоришь? А тебе разве не доставляет радости видеть всех детей в доме? Вижу — радостно. А добро... оно им принадлежит. Им собирали. Да и так ли они жадны? Гляди на своего младшего. Зевнул и ушел. Небо ему дай. Ты понимаешь — небо. Пустоту. Ничто. Чудак, весь в меня.

Касиб-хан пожелал всем доброй ночи. И пошел домой. На улице было темно и тихо, и воздух был теплый, как парное молоко. И шелковая шаль неба, мерцавшая зелеными звездами, висела над землей. Медленно и осторожно ступая по дороге и глядя в небо, Касиб-хан вдруг подумал: «Как все-таки беспомощен и жаден к жизни человек в этом бескрайнем загадочном мире».

VI

В субботу Касиб-хан стал героем дня. А произошло вот что.

Поднявшись часов в одиннадцать на смотровую вышку, как называли здесь сторожку, установленную на четырех высоких шестах и крытую соломой, Касиб-хан разложил старый матрац и устало опустился на него. Здесь, в тени соломенной крыши было нежарко, да и ветерок приносил из леса прохладу. Касиб-хан глянул вниз, на курганы зерна, лежавшие на току, перевел взгляд на село. И насторожился. Из окна второго этажа дома колхозного зоотехника вился дымок. Он выползал сизой тонкой лентой и уходил в небо. Может быть, топят, подумал Касиб-хан, но кто же летом будет топить печь

в доме. Летом все работы делают во дворе. Касиб-хан оглядел зеленую, красивую улицу, которая начиналась с дома зоотехника, потом озеро, обсаженное деревьями, лежавшее между домом и колхозным током, и снова перевел взгляд на окно второго этажа. Из него продолжал тянуться дымок. Неясное беспокойство подняло Касиб-хана. Он спустился вниз, попросил присмотреть за порядком помощника весовщика и заторопился в село. У ворот дома зоотехника он остановился и поднял голову. Из окна вырывались тугие клубы дыма. Касиб-хан открыл калитку, побежал к дому, дернул дверь. Она не подалась. Касиб-хан застучал кулаками. Никто не окликнулся. Что здесь происходит, подумал он, дом закрыт, в комнате дым. Ничего не пойму. А вдруг задохнулись ночью от дыма и дверь потому закрыта... Касиб-хан толкнул дверь плечом, она не подавалась, лишь скрипела под ударом большого, тяжелого тела Касиб-хана и только с седьмого толчка, рывкнув, распахнулась. Касиб-хан влетел в прихожую, шлепнулся на пол, но тут же поднялся и взбежал по деревянной лестнице на второй этаж.

— В доме есть кто-нибудь?! — крикнул он.

В первой комнате никого не оказалось, он вбежал во вторую и остановился тяжело дыша. В углу, за платяным шкафом сидели, прижавшись друг к другу, две девочки. Комната наполнялась дымом.

— Что вы здесь делаете? — спросил Касиб-хан и тут же понял, что спрашивает совсем не то. — Что здесь происходит?

Вобрав головки в плечи, девочки пугливо смотрели на него, потом глянули друг на друга и внезапно разревелись, тяжело кашляя.

Касиб-хан схватил под мышки девочек, спустил вниз, вынес во двор и снова вернулся.

«В той комнате пожар, — мелькнула мысль, — если я открою дверь, огонь перекинется и сюда...»

Он подошел к окну и что есть мочи закричал:

— Соседи, на помощь, на помощь!

Потом хлопнул рукой по лбу: старый дурак, все они на работе, я здесь один... один... Что я смогу сделать... Пока кликну людей, все добро сгорит...

Но во двор уже вбежали трое соседских ребят.

— Один из вас быстро к пожарникам, другие приставьте лестницу к стене и тяните от крана шланг. Я сейчас выйду.

Касиб-хан сбежал вниз, выскочил во двор, и, увидев, что ребята уже тянут шланг, обрадованно подумал: хорошо, что в каждом дворе и кран и шланг свой, а то пока дождешься пожарников, стены дома останутся без крыши.

Он выхватил из рук ребят шланг, взобрался на лестницу. Дым окутал его, полез в ноздри, в глаза, в рот, он закашлялся и вдруг заорал:

— Открывай...

Вода вырвалась из шланга и ударила в окно. Касиб-хан направил поток в форточку.

— Разбейте окно, дядя Касиб-хан, окно разбейте,— крикнули ребята.

«И то верно,— подумал Касиб-хан,— чего беречь окно, когда в комнате все пропало». Он что есть силы толкнул раму, створки распахнулись, ударились о стены, брызнуло стекло, из комнаты вырвался черный дым и тонкие языки огня. Касиб-хан отпрянул, его качнуло, но он удержался на ступеньке лестницы, потом, вдохнув поглубже, поднялся к окну, полез в дым и, зажмурившись, направил струю воды в комнату. Он водил шлангом влево, вправо, обливая стены комнаты, потолок. Сколько времени продолжалась схватка с огнем, он не знал. Но, как ему показалось, недолго. Огонь не успел вспыхнуть, он только зарождался, и Касиб-хану удалось сбить его. Потом он взобрался на подоконник и спрыгнул в комнату. За ним полезли и ребята.

— Вам что тут делать,— закричал на них Касиб-хан, кашляя,— а ну, вон отсюда. Быстро.

Но ребята не уходили, и Касиб-хан в душе похвалил их. Не трусливые, настоящими мужчинами будут.

Касиб-хан устроил шланг на подоконнике так, чтобы вода стекала во двор, и оглянулся. Комната была детская, она вся почернела от дыма и копоти. Сгорели занавески и небольшой ковер, лежавший на полу: он продолжал еще тлеть, и ребята топтали его ногами, обутыми в сандалеты.

Когда во двор въехала пожарная машина, в черном проеме окна второго этажа стояли три закопченных, улыбающихся лица. Пожарникам здесь делать уже было нечего, и, обойдя комнату, а затем осмотрев весь дом и убедившись, что очагов пожара больше нет, они уехали. Ребята забрали перепуганных девочек к себе.

Касиб-хан, умывшись под краном, направился на колхозный ток. Никто не заметил черных пятен ни на его лице, ни на одежде. Все были очень заняты работой.

Касиб-хан поднялся в сторожку, сел на матрац, и только сейчас почувствовал, как сильно устал. Не прошло и десяти минут, как все село узнало о поступке Касиб-хана.

VII

В воскресенье на колхозном току былолюдно и шумно. Из города на помощь колхозным механизаторам приехали шестьдесят водителей, и Касиб-хану прибавилось заботы. Он внимательно следил, чтобы машины не рассыпали по двору зерно, не вдавливали колесами в землю. Касиб-хан знал цену каждому колоску, каждому зерну, и когда видел мчавшуюся к току в облаке пыли машину, шел к весам и там отчитывал водителя. Тот вначале слушал Касиб-хана с ухмылкой, потом начинал ударять ногами по покрывкам, словно проверяя их

прочность, а на самом деле вымещая зло за привередливость старика, но в последующие дни работал лучше.

И когда на закате дня Касиб-хан ввалился в свой двор, ему не хотелось ни говорить, ни есть. Он был утомлен. Подтащив из сарая под тутовое дерево раскладушку, он вытянулся на ней, закрыл глаза и почувствовал себя вдруг легким, невесомым.

— Касиб-хан, не заболеть бы тебе...

Участливый голос заставил его открыть глаза. Перед ним стояла жена. Эх, сестра дурного Паридалава, сказал он про себя, что тот слаб умишком, что эта. Только вздремнул, и на тебе — разбудила... Касиб-хан заложил руки за голову и тяжело вздохнул:

— Не заболею, не беспокойся. Вон ноги как опухли, неужели не можешь к доктору сходить?

— А чем доктор поможет? Вчера пиявки положила, легче стало.

— Пиявки положила, — передразнил Касиб-хан, — к доктору надо идти. Что за невежественный народ. Не знал я, что на старости лет ты станешь такой глупой...

— Куда мне с таким умником, как ты, спорить. Все знаешь, все умеешь... все благодарностей дожидаясь... Не оттого ли ты на этой неделе такой беспокойный... Посмотри на себя в зеркало: глаза ввалились, осунулся, побледнел.

— Какой такой беспокойный, — прервал ее Касиб-хан, — таким и был всю жизнь. Так ты хорошо меня знала!

— Хорошо, еще как хорошо, — захихикала она.

«Ну точно Паридалав, — сказал про себя Касиб-хан, — два яблока с одной яблони». И напустил на себя строгость:

— Хватит, принеси-ка лучше чаю, да покрепче.

Минут десять спустя жена поставила у раскладушки низенький столик с чайником и стаканом, подложила под спину Касиб-хану подушку.

— Пойду к Паридалаву, дети приехали.

— Пойди и от меня привет передай,— сказал Касиб-хан, а про себя добавил: и послушай, как имущество при живом делят. Ну и чудак этот Паридалав. А может, таким и следует быть?

Касиб-хан выпил чаю, удобно вытянулся на раскладушке и задремал. Когда он внезапно открыл глаза, был уже вечер. «Почему в доме темно?» — подумал он, но вспомнил, что сын с семьей уехали в город, а жена, очевидно, еще не вернулась от брата. И вдруг в нем вспыхнуло сильное желание осмотреть содержимое казана. Он старался заглушить не вовремя пришедшее желание, но оно вспыхивало с новой силой. Наконец Касиб-хан встал, принес из сарая лопату, озираясь по сторонам, быстро, лихорадочно выкопал казан, и засыпал яму снова землей. Потом отнес лопату и вышел с мешком. Он бережно опустил казан в мешок, взвалил на спину и вышел на улицу.

Касиб-хан осторожно ступал по темной сельской улице и думал о том, как ему воспользоваться богатством. Купить машину сыну? Люди удивятся, ведь все село знает, что у него нет таких денег, и сын удивится, да еще посчитает, что он всю жизнь скрывал деньги... Построить новый дом, просторный... Опять же удивятся... Сказать, что на лотерейный билет выпал выигрыш? Ах, чтоб ему... Куда его девать, ну куда... Пойти сдать? Кто это говорил, что можно сдать... А, Шамхал. Можно сдать... Нужно сдать, а не можно... Э, а если сдам, меня в душе посчитают дураком. Хе-хе, честное слово. В глаза, конечно, будут хвалить, а за спиной смеяться. Пойти сдать казан золота, хе-хе, кто бы на такое решился... Но что с ним делать..?

Так размышляя, Касиб-хан вышел на трассу и пошел по обочине.

И все из-за внука, паршивца, нужны были ему эти черви. Не понадобится проклятая богом мерзость, не

терзался бы я сейчас дурацкими мыслями. Не было всю жизнь богатства, жил хорошо, главное — спокойно. А сейчас что, разве это жизнь? Мука. Покой потерял... тьфу... Касиб-хан вздрогнул. Рядом, взвизгнув тормозами, остановилась машина. Шофер распахнул дверь кабины и весело крикнул:

— Садись, полуночник, подвезу... А, Касиб-хан, куда в ночь направился?

Касиб-хан узнал по голосу Шамхала, успокоился, взобрался в кабину и положил мешок между ног.

— В Башлыкент... Вернее, на ферму, не доезжая Башлыкента... А ты чего шастаешь ночью?

— Кирпич вожу, новый Дворец культуры строить. Ночью кирпич, днем зерно. Сплю на рассвете. Жена меня совсем не узнает, забыла уже.

— Это лучше, хе-хе,— засмеялся Касиб-хан,— любить будет сильнее.

— Мне от того не легче. На любовь сил уже нет. Падаю в постель как чурбан. А ты куда в ночь, не клад ли ищешь?

Касиб-хан наигранно засмеялся.

— Если найдешь, позови меня, помогу выкопать. Вот и дорожка на ферму.

Машина остановилась. Касиб-хан, держа мешок в руке, прыгнул на землю.

— Спасибо, сынок.

— Счастливого пути.

Касиб-хан долго смотрел вслед умчавшейся машине, потом перекинул мешок за спину и направился к лесу, который темнел в стороне от молочно-товарной фермы. Путешествие уже не доставляло ему радости, а наоборот, вызывало в душе недовольство. Осторожно ступая в темноте, он укорял себя за то, что поддался соблазну, позволил помутиться разуму, и тут же защищал: этот желтый дьявол, кого только с разумного пути не свернет, разве я могу быть для него исключением.

Касиб-хан, наконец, углубился в лес, опустил мешок на землю, прислушался. Было тихо. Он сел на землю, достал казан и высыпал его содержимое на растеленный мешок. Потом включил фонарик и пристроил его рядом так, чтобы луч упал на мешок. Засверкали золотые монеты. Касиб-хан зачерпнул пригоршню, поднес к глазам. Вдруг Касиб-хану почудился шорох. Он замер, прислушался. Где-то тяжело хрустнула ветка... Касиб-хан быстро собрал золото в казан, опустил его в мешок и снова прислушался. Шорох. «Неужели кто-то шел за мной,— подумал Касиб-хан.— Шамхал?! Шамхал уехал, сам видел, как он уехал... Но он мог вернуться... Да, но не сюда, а на ферму. Он думает, я ушел на ферму... Кто же это...»

Снова хрустнула ветка. Касиб-хан вскочил, поднял мешок и устремился вперед. Он шел быстро, ломая ветки, царапаясь и не замечая царапин, уже отчетливо слыша преследователя. Касиб-хан не разбирал направления, его подстегивала одна мысль — уйти, оторваться от преследователя. Его не пугал лес, но ему не хотелось, чтобы незнакомец застиг его в лесу. Под ногами зачавкало. «Откуда здесь вода, подумал Касиб-хан, в наших местах не было ни топи, ни болота... Топь, топь была, мы ее просто обходили, потому и не встречались с ней». Он остановился и тут же услышал хруст. «Ах, шайтан,— подумал про себя Касиб-хан,— все против меня настроено, и свернуть некуда». Он шагнул вперед. Ноги его увязли в грязь. Он вытащил одну, ступил дальше, вытащил другую... «Скоро должно быть сухо, скоро»,— успокаивал он себя. А жижа становилась все глубже и ноги увязали уже по колени и продвигаться становилось тяжело. За спиной что-то тяжело захлопало, потом раздалось мычание... Касиб-хан похолодел. «Что это может быть?— пронеслось в мозгу,— пугает меня, шайтан...» И тут перед его глазами выплыли разгоряченные лица детей Паридалава, их взгляды... «Сумасшедшее золото,— восклик-

нул про себя Касиб-хан,— и людей сводит с ума. Не-ет, я не дам себя свести с ума, не дам... Завтра же отнесу и сдам, завтра же... Для чего оно мне? Если бы я нуждался, понятно, можно было бы им воспользоваться. Но у меня все есть, и сын в достатке живет. Для чего оно мне? Да и могу ли я скрыть такое богатство от людей... Нет, никак не смогу... Старый дурак, на склоне лет шайтан попутал меня. Стыд и срам перед людьми, всю жизнь прошел честно, и вот тебе, на склоне лет... Эх, старый дурак... Завтра же сдам, завтра же...»

Кто-то схватил мешок, Касиб-хан похолодел от ужаса, замер, ожидая удара, потом медленно обернулся. Мешок зацепился за кустарник. Касиб-хан дернул мешок, еще и еще раз, кустарник не отпускал его. В каком-то бешенстве Касиб-хан засунул руку в мешок, ухватился за край казана и, опрокидывая его вправо-влево, стал выдергивать из цепких лап кустарника. Наконец, он вытащил казан и устремился вперед. Преодолев метров пятнадцать, Касиб-хан выкарабкался на сушу, грязный по колени и мокрый по пояс, облегченно вздохнул и готов был уже ринуться вперед, дальше... На миг глянул на казан, на какой-то миг, и не поверил глазам своим. Он приблизил лицо к казану, долго оболдело смотрел, пока, наконец не понял: пуст. Стальная струна натянулась в груди, не давая вздохнуть. И лопнула. Касиб-хан тоненько взвизгнул. И сполз на землю.

VIII

Утром Касиб-хана обнаружили на опушке леса в глубоком обмороке. Людей привлекло мычание коровы. Сама корова увязла в топи по горло и ее с трудом удалось вытащить. Никто не обратил внимания на валявшийся рядом с Касиб-ханом казан. Тем более на мешок, застрявший в кустах метров в двадцати, в глухой топи. Он так и остался там никем не замеченный. И Касиб-хан

никогда больше о нем не вспоминал и считал, что золото похоронено на болоте навечно. Но спустя год на последней странице республиканской газеты под рубрикой «Происшествия, находки» была напечатана коротенькая информация. «Механизатор колхоза «Богатырь» Шамиль Шамов, работавший на осушке топи между селами Татляр и Башлыкент, обнаружил старинные золотые монеты весом три килограмма. Находка сдана государству».

ПОЖАР

1

Амалбек захлопнул калитку, встал посреди дорожки, оглядел двор. Было тихо. По всему чувствовалось, что жена еще не вернулась с фермы. Двор не был подметен, двери хлева распахнуты.

Амалбек вытер обувь о половицы, поднялся на веранду, разулся, небрежно стряхнув ботинки (он их никогда не зашнуровывал) прошел в дальнюю комнату. Подойдя к окну, он долго и пристально всматривался в сторону холма, возвышавшегося над селом, но, ничего не обнаружив, возвратился во двор.

Амалбек и сам не ожидал, что воспримет случившееся довольно спокойно. «Как же так,— спрашивал он себя,— меня не лихорадит, не трясет, не колотится сердце, не прошибает холодный пот, неужели так должно быть?.. Мне казалось, человеком должен овладеть страх, дьявольский страх. А я его не чувствую, ничуть...»

Амалбек усмехнулся, вышел во двор и, взяв лопату, прислоненную к стене, прошел на огород, который занимал добрую половину двора. На грядках он выращивал лук, петрушку и клубнику, помидоры и огурцы, не потому, что был стеснен в деньгах, а просто ради удовольствия.

Амалбек пошел по грядкам, широкий и тяжелый, задевая краснощекие помидоры, потом бросил лопату на землю и сел на черенок.

«Как же так,— спросил он себя опять,— неужели так и должно быть. Здесь что-то не то, ведь я живой человек, такой, как и все, у меня такие же сердце, нервы... Почему же меня не трогает то, что произошло?»

Вдруг он повернулся, быстро пошел к дому и, войдя в дальнюю комнату, снова остановился у окна. Он пристально всматривался вдаль и наконец увидел. И облегченно вздохнул. Над холмом поднимался дым. Сердце Амалбека сладостно защемило. Он вернулся во двор, поднял лопату и принялся перебрасывать землю с грядки на грядку. Только когда взмокла и заныла спина, Амалбек выпрямился и вдруг понял, что совершает бесполезную, никому не нужную работу. «Что со мной происходит сегодня,— усмехнулся он,— черт меня поberi».

Оторвал его от работы крик жены:

— Амалбек, магазин горит!

Она вбежала во двор, остановилась, широко раскрыв рот, задыхаясь от бега, и снова, уже выдавила из себя:

— Амалбек, магазин...

— Что случилось, Соня? Успокойся, тебе нельзя так волноваться, успокойся,— Амалбек подошел к ней.

— Как же успокоиться, Амалбек, магазин горит...

— Черт с ним, с магазином, он что, дороже твоего здоровья, что ли. Магазин. Нам-то какое до него дело.

— Твой же магазин, Амалбек,— проговорила Соня сквозь плач.

— Неужели на самом деле горит, вай аллах, права ты, теперь вижу, вон какой густой дым повалил. Что же это такое, кто мог поджечь его, теперь по милициям водить будут, вай, вай, вай!— запричитал Амалбек и, бросив лопату посреди двора, выбежал за ворота.

Когда Амалбек, задыхаясь от бега и обливаясь потом, подбежал к пожарищу, пожарники скатывали шланги, народ расходился по домам. Магазин стоял с обугленной крышей, земля вокруг была так залита водой, словно прошел ливень. Только сейчас что-то заныло в груди Амалбека, стеснило дыхание, и он с тревогой спросил себя: «Как же так могло случиться, что магазин... остался невредимым... только крыша сгорела. А товары? Неужели... неужели огонь не коснулся их?»

Он забегал, причитая и охая, топая и разбрызгивая грязь. Сельчане, глядя на его побледневшее лицо и покрытую пылью одежду, сочувственно кивали головами, а иные ободряюще похлопывали по плечу и успокаивали. Остудил его спокойный голос начальника милиции Шапурова.

— Ты что раскудахтался как квочка? Разберемся. Не такое еще распутывали. Да будь же мужчиной наконец, Амалбек.

— Тебе легко говорить, будь мужчиной. А пятно-то и на меня ложится.

— А ты зря не топай по грязи, вот и не будет пятен.

«Зубоскал,— подумал про себя Амалбек,— и отец его был таким».

— Послушай, Шапуров, мне бы глянуть, в каком состоянии магазин, добро посмотреть, убытки подсчитать.

— Темно уже, Амалбек, ничего ты не подсчитаешь. Утром мы тебя позовем.

— А зачем меня звать?—насторожился и стал озираться по сторонам Амалбек.

— Сам же просишь. Подсчитать убытки,—засмеялся Шапуров.— Ступай-ка домой, ступай, поздно уже, и скажи Марату при встрече спасибо, он тебе великую услугу оказал.

Амалбек еще раз окинул взглядом магазин, повернулся и медленно побрел домой. Он и не заметил, как на село опустился вечер. Безлюдные улицы словно прислушивались к тишине.

«Марат, кто такой Марат? — вспомнил вдруг Амалбек последние слова Шапурова.— И почему я должен кланяться ему. Гляди-ка, услугу оказал, и кто? Человек, которого я не знаю и которого ни о чем не просил. Марат, кто это может быть? Нет, я не знаю никакого Марата. Тыфу ты, зачем мне этот Марат, когда меня другое волнует — магазин. Что там осталось от пожара. Я должен знать, что там осталось».

Перед взором Амалбека вдруг взметнулось пламя. Он представил, как мог возникнуть пожар. Охваченный неясной тревогой, рванулся вперед, но споткнулся, тяжело рухнул, ударившись головой о камень, и потерял сознание.

Когда Амалбек пришел в себя, была ночь. Он потрогал голову, ощутил слипшиеся от крови волосы.

Амалбек поднялся, преодолевая боль в голове, и, прижимая ладонью затылок, поплелся домой.

На стук двери из комнаты донесся голос жены:

— Это ты, Амалбек? Слышал о Марате? Мальчику нужна кровь для переливания.

Она вышла на веранду, увидела мужа, окровавленного и грязного, всплеснула руками, запричитала, забегала вокруг, не зная чем помочь, наконец, оправившись от страха, громко велела:

— Ложись на тахту, сейчас принесу воду!

Она вернулась скоро, раздела мужа и, опуская в таз полотенце, принялась осторожно проводить им по разбитому затылку.

— Разве так можно. Ребенок и то умней тебя. Суетился бы, как и все, нет, тебе больше всех надо, ты должен выставить себя напоказ...

— Ты о чем, жена? — не понимая ее, сквозь стон спросил Амалбек.

— О твоей дурости. Никто себе башку не разбил на пожаре, только ты мог додуматься до этого...

«Ах, вот о чем», — мысленно сказал себе Амалбек и в душе обрадовался: пусть так и думает.

— Не знаю, чем ты там занимался. Пожар потушили пожарники: очаг, так передали по радио, очаг ликвидировал Марат. Мальчик сильно обжегся, ему нужна кровь для переливания.

«Опять Марат, — подумал Амалбек, — кто это такой — ума не приложу. Марат, тоже мне герой...»

Но когда до него дошел смысл сказанных женой

слов, по спине прошел озноб. И внезапно затрепетало сердце, словно рыба, выброшенная на берег.

— Что ты сказала, Соня? Что там передало радио?— глухо спросил он.

— Очаг, говорят, ликвидировал Марат, но мальчик сильно обжегся...

— Очаг, очаг... что ты все заладила одно и то же — очаг, очаг. Ты-то знаешь, что это такое?

— Тоже мне, ученый выискался, грамотей, видали его? Не глупее тебя. Очаг пожара — это место, где он возник.

— Смотри-ка, не знал я, что ты так умна.

— От тебя набралась.

— Ладно, не время препираться. Ты говоришь, он ликвидировал очаг пожара?

— Ну да. До тебя не дошло еще?

Значит, он знает, от чего пожар?— сказал вслух Амалбек и положил большую ладонь на грудь: он испугался, что жена увидит, как неистово бьется в груди его сердце.— Кто такой этот Марат?— тихо спросил Амалбек жену.

— Ты что, не знаешь Марата? Не пойму, что с тобой стряслось, или память отшибло, или со страху поглупел; сын председателя колхоза.

— Сын Муталиба? Марат? Ему же и пятнадцати еще нет...

— Ну и что? Хорошие поступки зависят не от возраста, а от воспитания.

«Хорошее же воспитание дает сыну Муталиб»,— сказал про себя Амалбек, и произнес:

— Как же он увидел пожар?

— Ребята ехали на машине с поля, увидели дым. Пока все толкались в дверь, пытаясь ее взломать, Марат взобрался на крышу и пролез в магазин...

Амалбек больше не слушал жену, он представил, как Марат пробрался в его кабинет, выключил раскаленный

чайник, и тошнота подступила к горлу. «Он все видел, он все расскажет,— отрешенно подумал Амалбек,— если уже не рассказал. Он все видел. Он все...»— Перед глазами закружилось, Амалбек прикрыл веки и подумал: «Неужели это конец? Но ведь не умышленно. Вот именно, скажу, забыл по рассеянности, оставил включенным, стар ведь уже, память не молодая, зрение да и слух слабые. Что со старика возьмешь»...

— Ты слышишь,— прервала его мысли Соня,— вот опять по радио передают. Плохо мальчику, нужна кровь для переливания, первой группы. Если бы не твоя рана, ты бы помог ему... Ведь у тебя тоже первой группы...

«Дам я ему кровь, конечно,— зло подумал Амалбек,— он меня, считай, на суд выносит, а я ему кровь дам. Вот дело-то как обернулось».

— Он тебя, считай, от тюрьмы спас,— продолжала Соня.— Не будь его — магазин сгорел бы дотла, вместе с твоими товарами, документами, деньгами... Вай аллах, что было бы, что было бы...

«Что было бы,— зло передразнил жену про себя Амалбек.— Ничего не было бы. Я остался бы цел. Дура, ты не умнее своих коров, впрочем, от них проку больше: молоко и мясо. А ты... одного ребенка родила, который в трактористы пошел, не отцову линию продолжил, а трактористом стал... Тьфу...»

— Если бы не твоя рана, ты бы помог ему,— повторила Соня.— Ведь да, Амалбек?

— Как же, помог бы! Но ты видишь, сколько я крови потерял. А в селе наверняка найдется человек, и не один, с его группой крови. Да не какое-то село у нас, а райцентр. Из десяти тысяч наверняка несколько человек найдется. А теперь я хочу спать, Соня. Я очень устал, да и затылок так сильно болит.

— Может, пойдешь в больницу?

— Опять? — заорал Амалбек.— Что ты вокруг этого Марата носишься? Не бойся, не дадут умереть, спасут,

у нас народ сердобольный, наверное, сейчас все село там...

— Ты что, ошалел?— тихо ужаснулась Соня.— Я о тебе беспокоюсь, голову хотела показать врачу.

— Нечего показывать, поболит и перестанет. А теперь я хочу спать!

Соня сунула подмышку грязную одежду мужа, подняла тазик и вышла во двор. Как только стукнула дверь, Амалбек застонал, проклиная все на свете: и пожарников, и Марата, и жену, и камень на дороге, и чабанскую собаку.

2

И приснился ему сон.

...Рано утром, когда, казалось, еще и петухи не думали возвещать о начале дня, Амалбек постучался в калитку дома Муталиба, но сообразив, что на стук вряд ли в такой час кто и откликнется, отворил ее и вошел.

— Ты что по чужим дворам шастаешь?

Амалбек вздрогнул от неожиданности, но догадавшись, что голос принадлежит Муталибу, успокоился, огляделся.

— Где ты, Муталиб, и чего прячешься?

— Почему по чужим дворам шастаешь, говорю? Может, что приглядел, а? Или корову свою ищешь?

— Может, и корову ищу. Где ты, не пойму, откуда трубишь?

— Где я могу быть. Опять же под ней, проклятая, совсем измучила меня. Сил нет уже...

Муталиб кряхтя вылез из-под «Жигулей», сел на лавочку, пристроенную у стены дома, вытер руки о старые, замасленные штаны, полез в карман, вытащил пачку сигарет, спички, закурил.

— Присаживайся, Амалбек. Что тебя разбудило раньше петухов?

Амалбек присел, вытащил из пачки Муталиба сигарету, прикурив, выпустил струю дыма, только потом задумчиво проговорил:

— Ревизор приезжает, а у меня больше тридцати тысяч не хватает.

— Как так, больше тридцати тысяч?— чуть погодя спросил Муталиб.

— А вот так. Покупателей, подобных тебе, у меня не один. Товар возьмут, а деньги жду месяцами.

— Ну ты скажешь тоже, месяцами. Я тебя предупреждал, что выплатить смогу из тринадцатой зарплаты. Сам же ты предложил взять, настоял даже. А теперь упрекаешь?

— Предупреждал,—буркнул Амалбек.—Я же не мог предположить, что нагрянет ревизор.

— Ты на меня не бурчи. Подумаешь, милость оказал, в долг ковры продал. Я ведь не бурчу, когда ты молоко и сметану колхозные ешь и фрукты тащишь из сада. Бесплатно. Я не бурчу.

— Да что ты заладил «бурчу, бурчу»,—смягчился Амалбек.—Не в духе я. Не в настроении. Попробовал бы побыть сейчас в моей шкуре.

— И не хочу, мне своя нравится. А долг, что же... Сколько с меня там... причитается?

— Тысяча девятьсот пятьдесят рублей шестьдесят копеек. Можно без копеек.

— Почему же без копеек, так и растратиться можно, округлю до рубля.—Муталиб задумался, погасил о лавку окурки.—Вечером привезу. Отвлек ты меня от дел, Амалбек, придется ехать в соседнее село, к брату, зятю, свояку. Наберу, не волнуйся.

— Ну, я пойду, Муталиб.—Амалбек встал с лавки, потоптался.

— Выпей холодного молока, вон в том глиняном кувшине.—Муталиб уже сидел в машине и пробовал заводить мотор.

— Не хочется... Я пойду.

— Иди, иди, я вечером зайду.

Амалбек медленно пошел по улице, разговаривая сам с собой. «Принесет, ему верить можно. Но как попрекнул, а? Молоком, фруктами попрекнул. Эх, Муталиб, не ожидал от тебя, тоннами яблоки, груши, сливы гниют, а я несколько ящиков взял на зиму и уже, видишь, попрекнул. Будто сам не берет. Что я говорю, самому-то можно, хозяин ведь, но и от нескольких ящиков колхоз не обеднеет, годится ли так попрекать человека... рубли им цена, всего-то рубли. Эх Муталиб, Муталиб...»

★

Амалбек остановился у дома секретаря сельсовета, приблизился к окну и забарабанил толстыми пальцами по стеклу. Раздвинулась занавеска, показалось заспанное лицо, потом со скрипом открылась створка окна.

— Амалбек? Что случилось?— хрипло произнес средних лет мужчина, в его темных выпученных глазах застыла тревога.

— Ничего скверного для села, Махмуд, не пугайся. На тебе лица нет.

— С вами разве доживешь до преклонных лет. Еще два-три таких стука— и сердце оборвется.

— Что оно у тебя, на нитке привязано?— усмехнулся Амалбек.

— А что ты барабанишь, как на полигоне? Тоже, барабанщик нашелся. Чего с утра баловаться вздумал?

— Баловаться вздумал?— Амалбек поперхнулся.— Это ты баловник, а не я. Из-за вас, баловников, я не высыпаюсь, пороги обиваю, как попрошайка. Ты у меня мебель брал?

— Брал,— опешил Махмуд.— А что?

— Платить пора.

— Как так пора... Сейчас? В такую рань?

— Да, в такую рань. Днем у вас времени нет, вечером времени нет, потом забываете, вот я и решил, что самое время обойти вас — между ночью и утром.

— Ну надо же как-то... подготовиться...

— К чему подготовиться? В баню, что ли, сходить, грехи с себя смыть? Для того, чтобы уплатить за товар, никакой подготовки не надо. Выкладывай деньги, и баста.

— Ты, погоди, чего разгорячился-то. Подумаешь, товар продал, свой будто продал. Государственный.

— Тем более. Потому и выкладывай деньги.

— Если бы я знал, что ты такой злой человек, я бы тебе без очереди первым не провел газ и воду.

Голова Махмуда исчезла, потом снова высунулась:

— Жена еще спит.

— При чем тут жена?

— Деньги-то у нее... Эх ты, друг, расстроил на весь день.

— Меня, думаешь, не расстроили? Мне охота по домам ходить, как... как...— Амадебек долго подбирал слово, но так и не смог найти нужное,— как почтальон? Ревизор приезжает, вам наплевать, а мне отчитываться. А как отчитаюсь, если тридцати тысяч недостает!

— Вай-вай-вай, — протянул удивленно Махмуд. — Сумма...

— А ты мне еще душу выматываешь... Газ установил, воду провел... Да разве можно добрым делом упрекать. Установил — спасибо. Без очереди установил — трижды спасибо. Но зачем же так. Я вас, должников, никогда ни в чем не упрекал. Пришло время — выкладывайте, товар-то не мой, государственный, значит, и деньги государственные, народные.

— Сколько я тебе должен? — задумчиво произнес Махмуд.

— Тысячу сто пятьдесят рублей. За импортный гарнитур немецкого производства.

Наступило молчание.

— Деньги есть,— сказал Махмуд.— У жены они. Проснется — принесу.

И окно захлопнулось.

«Принесет,— сказал про себя Амалбек,— но прежде в доме начнется такой скандал! Ох, как не любит жена Махмуда отдавать деньги. Будто сердце отрывает от себя. Откуда такая жадность? Тьфу!»

*

У дома старой Минаханум Амалбек стоял долго, раздумывая, зайти или нет. «Откуда у нее, одинокой женщины, свободные деньги,— думал он, стоя у калитки.— Сын где-то далеко, присылает гроши, да и присылает ли, сама разносит по селу, что присылает, стыдно ей за сына. Да не зайти нельзя, хоть напомню, что платить пора».

Открыв калитку, он увидел сухонькую сморщенную женщину, которая укладывала банки с кислым молоком в большую потрепанную корзину.

«На базар готовится»,— мелькнуло в голове Амалбека.

— С добрым утром, Минаханум. Что в такую рань встала?

— Мне и днем сна нет, и ночью. Мое дело хлопать глазами и ждать своего последнего часа.

— Ну что ты говоришь, Минаханум. Еще внуков надо на ноги поставить, даст бог, правнуков...

Минаханум укоризненно посмотрела на него, махнула рукой:

— Скажешь тоже, правнуков... Внука вижу-то всего месяц в году. Остальные одиннадцать думаю о нем. Чего ни свет, ни заря пришел-то?

— Да так, по пути, дай погляжу, думаю, как живешь, в чем нуждаешься?

— А ни в чем я не нуждаюсь, все у меня есть.

— Сын-то пишет?

— Пишет, пишет и деньги шлет, и посылки. То платье, то халат, то туфли, а то вдруг апельсины... Зачем они мне...

Взгляд Амалбека остановился на посылочных ящиках. «На самом деле ящики,— сказал он себе.— А в селе болтают, что сын забыл ее.. Что только не говорят языки. А может, Минаханум сама их купила и поставила, чтобы показать людям? Чушь, чепуха, зачем ей это, да и где она купит ящики...»

— Эх, люди, люди,— проговорил он вслух.

— Что ты сказал, сынок?

— Что? Ах, я. Люди, говорю, какие-то стали интересные. Чем лучше живут, тем скупее становятся.

— Всегда так было, сынок, всегда так и будет. Мой отец любил говорить: деньги человека делают и богом, и червю.

— Вот наш уважаемый Муталиб четыре ковра взял у меня, а денег пока не дал...

— Ой, ой, ой!— всплеснула руками Минаханум и зашаркала домой, приговаривая,— совсем забыла, старая дура, совсем забыла...

Амалбек удивленно поглядел ей вслед, потом поднялся и подошел к ящикам. На них, размазанные дождем, были широко выписаны адреса.

— Я совсем забыла, прости меня, старую, сынок. Вот твои шестьдесят пять рублей. И большое тебе спасибо, что одолжил.

— Что ты, Минаханум, какие шестьдесят пять рублей, за что?— Амалбек сделал удивленный взгляд.

— Неужели забыл? Я брала у тебя платок японский для невестки, рубашку сыну, плащ на меху и брючки внуку... Вспомнил?— Минаханум прикрыла рот ладонью и погасила улыбку. Амалбек засунул деньги в карман, проговорил:

— Может, пока не надо, Минаханум?

— Сыну прислал, а для чего они мне? В доме у меня

все есть... Только тихо уж очень, а ночью совсем сил нет слушать эту тишину. Сынок, а ты хоть завтракал? Наверное, нет, подожди, я тебе кислого молока дам.— Минаханум засеменила в сарай и вышла оттуда с банкой в одной руке и лавашем в другой.

— На, поешь.

Амалбек отломил кусок лаваша, опустил его в кислое молоко, направил в рот. Потом отхлебнул из банки.

— Вкусно, Минаханум,— проговорил он.— Дай бог тебе долгих лет. С утра никто не предложил куска хлеба. Ты первая.

— А многих ты посетил?— Минаханум снова прикрыла рот ладошкой.

— Многих, спрашиваешь? Не так важно скольких, важно — кого. А молоко у тебя на самом деле вкусное. Надо сказать Соне, чтобы зашла к тебе за наукой.

Амалбек последним куском лаваша вычистил банку, аппетитно дожеввал, потер ладони, стряхнул с колен невидимые крошки, встал:

— Ну, я пойду, Минаханум.

— Иди, сынок, иди, у тебя, видать, дел много сегодня, да и мне надо спешить на базар.

*

Амалбек вышел на улицу, перешел дорогу, свернул за угол и очутился у дома сына. Ворота были открыты, выбежавшая беленькая кучерявая собачонка залилась лаем, оскалив маленькие зубы, и не позволила войти.

— Марта, ну-ка прекрати, что я тебе сказала, Марта...— На крыльце стояла Гюльназ, невестка Амалбека.— Заходите, папа, она не будет больше лаять.

И на самом деле собачонка легла на землю, положила на передние лапы морду и следила за Амалбеком, пока он не поднялся на веранду.

— Тракторист спит?

— Это ваш сын-то? Почему спит, он до первых петухов встает.

— Что же он делает в такую рань?

— На огороде работает.

«Вот-вот,— подумал Амалбек,— утром на огороде, весь день до позднего вечера в поле, утром опять на огороде, и так все дни, вся жизнь...»

— Вы всегда говорили, что труд приносит человеку радость,— сказала Гюльназ, словно прочитав его мысли.— Вот тракторист и трудится в поте лица. А если бы приходили чаще,— ее голос стал серьезней,— узнали бы, что он поступил в институт.

До Амалбека не сразу дошел смысл сказанных невесткой слов, потом он просиял, но тут же насторожился: а как же семья. Он в городе, а жена и ребенок здесь, кто им будет помогать?

— Институт... это хорошо. Я всю жизнь мечтал...— Он осекся. Не мог же сказать, что мечтал сделать из сына торгового работника.— А не трудно вам будет без него?

— Почему без него? Он будет дома.

— Дома? А как же институт? Не пойму тебя.

— Он поступил на заочное отделение.

— На заочное...— протянул с сожалением Амалбек.— Разве это учеба.

В коридоре послышался топот, потом открылась дверь и вошел высокий, крепко скроенный молодой мужчина. Увидев Амалбека, он радостно воскликнул:

— Приятная неожиданность, здравствуй, папа!

— Здравствуй, здравствуй, ученый... Мог бы и отцу с матерью сказать, что в институт поступил, радостью поделиться.

— Времени совсем нет, от зари до зари в поле, семью почти не вижу. А вы... не за горами ведь живете, могли бы заглянуть к невестке и внуку.

— Ученая она, с ней трудно говорить.

— Тебе, как я помню, со всеми образованными трудно говорить.

Вошла Гюльназ, стала накрывать на стол.

— Будем завтракать, папа.

— И на том спасибо. С утра одна только Минаханум предложила мне поесть.

— А что тебя привело к Минаханум?— удивился сын.

— Да при чем тут Минаханум? Минаханум ни при чем. Должников обхожу.

— Что-нибудь случилось?

— Что может случиться? Ничего не случилось. Ревизор приезжает.

— Ну так что ж из того? В первый раз, что ли?

— А то, что тридцать тысяч недостает.

Керим издал долгий свист.

— Доторговался.

— С нашими сельчанами доторгуешься. Товар возьмут, а деньги жди вечность.

— Слушай, Керим, мы ведь тоже у папы брали,— подала голос Гюльназ.

— Да что ваш долг по сравнению с другими. Как фундук перед горой,— отмахнулся Амалбек.

— Почему же...— Гюльназ поставила на стол самовар.— Кериму взяли костюм...

— Ну, сто шестьдесят рублей,— произнес Амалбек.

— Мне платье...

— Сто рублей.

— И Мурату костюмчик и плащ...

— Ну сорок. Триста рублей разве деньги, другие по две-три тысячи не уплатили.

— Сейчас каждый рубль дорог.— Керим взглянул на жену.— А дома ни копейки лишней.

«Вот оно как получается,— подумал Амалбек,— когда в доме верховодит жена. Ни копейки лишней. Разве можно жить от зарплаты до зарплаты! Я не для себя, нет, мне эти триста рублей погоду не делают, пусть воз-

вращают хоть через год, я к слову говорю: разве можно жить без... хотя бы маленького запаса. Ученые называются...»

— Может, занять у кого?— произнесла задумчиво Гюльназ.

— Не надо, не люблю занимать. И до премии месяц еще... А знаешь, давай продадим твое кольцо, ну то, с агатом,— предложил Керим.— Оно тебе и не очень нравится, по-моему... Я тебе из премии новое куплю.

— Если надо, давай продадим.— Гюльназ замешкалась, потом ушла в другую комнату и вернулась с кольцом.

— Сколько за него дадут, папа?— она протянула кольцо Амалбеку. Тот взял, оглядел его со всех сторон, подбросил на ладони.

— Рублей триста, триста пятьдесят.

— Ну вот и хорошо,— обрадовался Керим.— Предложи в школе учителям, или соседям.

Амалбек еще несколько раз подбросил кольцо.

— Оставили бы, хорошее золото, и форма красивая, сейчас такие не делают.

— Не такое, так другое купим,— беззаботно сказал Керим,— верно, Гюльназ? Предложи подругам.

— Зачем вам кого-то просить, да и по селу слух пойдет, что вы на безденежье личные вещи продаете. Не надо никого просить, я сам продам.

— Вот и хорошо,— на лице Керима засияла искренняя радость.— А теперь со спокойной совестью примемся за завтрак.

«Питаются неплохо,— сказал про себя Амалбек,— ценят здоровье, на столе все есть».— И, поднявшись с дивана, он грузно опустился на стул.

★

На работу Амалбек пришел вовремя, а на душе было неспокойно. Даже несколько тревожно.

Заходили и выходили люди, многие просто глазели на товары, Амалбек осторожно двигал костяшками счетов, но никак не мог досчитать до конца: его поминутно отвлекали, и он сбивался со счета, да и путал имена. Как назло заболели оба продавца, грипп свалил их с ног дня три назад, и Амалбеку приходилось одному вести все это сложное хозяйство. Наконец он резко стукнул костяшками, отложил счета и проговорил зло:

— Разве они дадут спокойно поработать. Ходят, таращат глаза на добро, а деньги в сундуках держат.

— Амалбек, подбери мне холодильник. Хорошей марки. Качественный.

«Типун мне на язык,— сказал себе Амалбек,— сейчас пойдет просить в долг, а кто ему даст перед ревизией, да и кто он такой, чтобы в долг ему давать. Колхозный шофер...»

— А деньги принес с собой?

— Как же без денег?— удивился тот.

— Успокойся, и пошутить нельзя уже. Я тебе самую лучшую марку предложу, бери «Орск».

— Жена мне прожужжала про «Апшерон», красивый, говорит.

— Только что и красивый. Ты красивый хочешь брать или качественный?

— Качественный.

— Тогда бери «Орск»...

— Перестаньте там кудахтать, отпусти мне стиральную машину,— донесся из дальнего угла магазина женский голос.

— Сама ты курица,—отпарировал Амалбек,—с деньгами пришла или как?

— Ты что, на старости лет совсем рехнулся? Неужели хочешь, чтобы собой оплатила, ха, ха, ха...

Амалбек вдруг узнал бойкую вдовушку Амину и весь съежился: не дай аллах развязать ей язык, такое сейчас наговорит, что уши увянут.

— Иду, иду, подожди, у меня что-то сегодня со здоровьем плохо, сердце шалит...

— Бабу тебе надо найти здоровую, энергичную. А твоя Соня разве баба, только и знает, что вымя давить...

— Придержи язык, болтуня, не то из магазина выведу...

— Где это видано, чтоб из магазина выводили. Он что, твой? Тоже мне хозяин нашелся. Ты лучше Соню попробуй из дома вывести... Он меня из магазина выведет, видали...

— Ну, идем, идем, какую тебе машину дать? «Чайку» берешь? Хорошая машина...

Наконец подошло время перерыва. Амалбек запер дверь, лег грудью на прилавок и снова задвигал костяшками счетов. При каждом стуке с его губ срывались имена председателя колхоза, секретаря сельсовета, колхозного сторожа, завхоза школы, тракториста... Пересчитав всех должников, он задумался удивленно и снова вернулся к ним. «Как же так,— спросил он себя, отложив счета,— где же еще десять тысяч?— Холодный пот выступил на лбу, Амалбек вытер его ладонью, задумался: — Ничего не пойму. Десять тысяч не иголка, скажем, десять рублей, сто — я допускаю, могут где-то затеряться, чего в моей работе еще не случилось, но десять тысяч!.. Надо еще раз перечислить должников».

Тут он хлопнул себя по лбу и закачал головой: тетин сын, дьявол его поberi, тетин сын взял, чтобы купить машину. Что делать теперь, найдешь его черта с два... Подожди-ка, а расписка, где она, на месте ли?

Амалбек заторопился к дверям, на которых жирно было написано «завмаг», отпер их, вошел в маленькую комнатку, в которой стоял стол, кресло с подлокотниками, несколько стульев, большой сейф. Протиснувшись к нему, Амалбек открыл дверь сейфа, засунул руку в нижнее отделение, вытащил толстую папку и принялся

быстро перебирать ее содержимое. Наконец он остановил взгляд на клочке бумаги, который оказался нужной распиской, облегченно вздохнул, бросил папку в сейф, закрыл его и плюхнулся в кресло.

«На месте,—проговорил Амалбек вслух.—Но где взять десять тысяч, кто мне их даст? Попросить у завмага Кадырманана, он и от меня далеко, и от сельчан, не проболтается. Да и вообще наши люди—завмаги не болтливы. Кадырманан... Нет, не буду унижаться. Еще посмешищем стану для него, в лицо ничего не скажет, а в душе будет издеваться. Нет... Может, продать свое добро, а как тетин сын вернет деньги— снова куплю, еще лучше куплю. Вот это выход. Так, четыре ковра три тысячи, если округлить, конечно, столовый и спальный гарнитуры—две тысячи пятьсот, холодильник, телевизор... Продать-то продам, а сам с чем останусь? В голых стенах жить да ждать, когда тетин сын деньги возвратит?.. И почему я должен продавать свое добро!.. Голова кругом идет, не знаю, что делать... Десять тысяч, немалые деньги, и не большие. Неужели могут наказать? Ха... тоже вопрос, я за рубль в ответе перед государством, не то что за десять тысяч...»

Амалбек откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, пытаясь отвлечься от тревожных дум, потом почувствовал, как остро засосало под ложечкой и вспомнил, что проходит обеденное время. Он встал, включил в розетку электрический чайник, налил в него из графина отстоянную воду, тщательно сполоснул фарфоровый заварной чайничек, поставил его на электрический, перевернув крышку. Потом достал из тумбочки письменного стола колотый сахар, несколько кусков вареной холодной баранины и четверть лаваша, оставшиеся от вчерашнего обеда, принюхался к мясу и, не найдя запаха, принялся есть. Ел он смачно, аппетитно, набивая рот, заталкивая добрые куски мяса и отрывая зубами почерствевший лаваш. Вдруг его внимание привлекло шипение. Он

настороженно огляделся по сторонам, потом усмехнулся, дожевал и, поднявшись с кресла, выключил чайник. Насыпав индийской заварки и залив ее кипятком, он снова поставил заварной чайник на электрический, плотно прикрыл его полотенцем, убрал остатки еды со стола, завернув кости и крошки хлеба в бумагу, достал из тумбочки тонкий грушевидной формы стаканчик. Потом перенес заварной чайник на стол, налил чаю и с шумом и вкусно стал прихлебывать, откусывая маленькие кусочки сахара. Золотисто-багровый цвет чая всегда радовал Амалбека, а терпкость и крепость успокаивали.

Амалбек еще раз глянул в сторону электрического чайника, встряхнул головой, отгоняя навязчивую мысль. «Что ж тут преднамеренного — сказал он про себя, — забыл выключить. Нет, нет, разве так можно. Не-ет... Но кто догадается, что чайник... Его и в помине не будет. Конечно, не будет. А если останется, если докопаются? Но ведь не преднамеренно. Забыл, стар стал, память уже не та... И что это мне в голову взбрело, дьявол его побери...»

Половину оставшегося дня Амалбек работал как в тумане. Казалось, он не видел ничего, натекался на людей, товары и ежеминутно твердил себе: успокойся, на тебя смотрят. И на самом деле он успокоился, и тайная мысль перестала его донимать и беспокоить.

Когда подошел к концу рабочий день и последний посетитель вышел из магазина, Амалбек прошел в свой кабинет, включил электрический чайник, прислонил к нему огромный ворох оберточной бумаги и, резко повернувшись, вышел. Он тщательно закрыл двери магазина и медленно побрел домой. Не пройдя и двухсот метров, Амалбек вдруг замешкался, остановился и повернул назад. Открыв магазин, он тяжело побежал в кабинет, расшвырял ногой бумагу и с остервенением выключил уже шипевший чайник. Амалбек долго стоял над ним, внезапно уставший, опустошенный, чуть слышно шепча: «Дья-

вол тебя побери». Потом сунул вилку чайника в розетку, тяжело прошел по магазину, закрыл двери и направился домой.

•

Амалбек захлопнул калитку, встал посреди дорожки, оглядел двор. Было тихо. По всему чувствовалось, что жена еще не вернулась с фермы. Двор не был подметен, двери хлева распахнуты.

Амалбек вытер обувь о половицы, поднялся на веранду, разулся, небрежно стряхнув ботинки (он их никогда не зашнуровывал), и прошел в дальнюю комнату. Прижавшись лбом к оконному стеклу, он долго и пристально всматривался в сторону холма, возвышавшегося над селом, но, ничего не обнаружив, возвратился во двор.

Амалбек и сам не ожидал, что воспримет случившееся так спокойно. «Как же так,— спрашивал он себя,— меня не лихорадит, не трясет, не колотится сердце, не прошибает холодный пот, неужели так должно быть?.. Мне казалось, человеком должен овладеть страх, дьявольский страх. А я его не чувствую, ничуть...»

Амалбек усмехнулся, засунул ноги в азиатские калоши, вышел во двор и, взяв лопату, прислоненную к стене, прошел на огород, который занимал добрую половину двора. На грядках он выращивал лук, петрушку и клубнику, помидоры и огурцы, не потому, что был стеснен в деньгах, а просто ради удовольствия, да и чтобы сельчане не подумали, что он гнушается труда, отдалился от земли. Отец его, дед, прадед да и все далекие предки кормились этой землей, и он не хотел отрываться от нее.

Амалбек пошел по грядкам, широкий и тяжелый, задевая краснощекие помидоры, потом бросил лопату на землю и сел на черенок. «Как же так,— спросил он себя опять,— неужели так и должно быть. Здесь что-то не то,

не как в мире людей, но ведь я живой человек, такой, как и все, у меня такие же сердце, нервы... Неужели они мертвы. Просто с ума можно сойти, почему меня не трогает то, что произошло?»

Вдруг он повернулся, быстро засеменил к дому и, войдя в дальнюю комнату, снова приложился тяжелым лбом к стеклу... И раздался острый звон...

3

Амалбек открыл глаза, удивленно повел ими, не сразу поняв, где он и что происходит. Наконец все вспомнил, вспомнил весь свой долгий сон. И поразился. «Это же все со мной было,— сказал он себе,— именно так и было. Как могло случиться, что прошедший день так подробно приснился мне... И люди, их лица, разговор, да и я сам... Словно второй раз все пережил. Нет у меня слов, чтобы объяснить это». ... Амалбек незаметно уснул.

В комнату осторожно вошел начальник милиции Шапуров, встав у двери, кашлянул в кулак:

— Я бы хотел, что б ты зашел ко мне, Амалбек.

— Для чего идти к тебе, когда ты у меня? Садись, поговорим.

— Здесь Соня, не хочу при ней говорить о деле. А присылать за тобой милиционера и вести через все село тоже не хочу. Что могут подумать люди. Сам придешь. Договорились?

— Ладно уж.

Амалбек открыл глаза: комната была пуста.

— Соня, где ты?— настороженно спросил он.

Никто не отозвался.

— Соня! — крикнул Амалбек.— Ты где?

— Здесь, что случилось?— Она вышла из комнаты, заспанная, в ночной рубашке.

— У нас никого не было?

— Кто в такой час может быть у нас.

— В такой час... А сколько сейчас?

— Скоро утро. Тебе что-нибудь надо?

— Нет, иди досыпай.

Соня ушла, а Амалбек долго глядел в потолок и думал: «Все это от аллаха, что бы ни говорили ученые люди о снах, все от аллаха. Всем нашим существом, душой, действиями владеет всевышний, владыка... Который и сам требует от нас добродетели».

Внезапно Амалбек вспомнил Марата. «Что с ним, оказали ему помощь, или она еще нужна? Надо бы совершить благородное дело, дать свою кровь. Правда, подвел сорванец, но какое дело совершил, уму непостижимо: зайти в удушающий дым и огонь, увидеть раскаленный, как закатное солнце, чайник и выключить его. И суметь еще выйти. Герой, настоящий герой. И не поверишь, что геройский подвиг совершают так просто. Но как этот герой подвел меня, подвел, сорванец. А впрочем, он ведь думал — как лучше, хотел сохранить мне магазин... Доброе дело надо совершить, и джамаат заговорит, и перед блюстителями закона предстану как благородный человек. А что до чайника, то моя вина; что правда, то правда, забыл я его, оставил включенным и забыл, память уже стариковская, дырявая стала, ведь не преднамеренно же... Что же я, враг своим сельчанам, государству, враг себе!.. Надо вставать и потихоньку идти в больницу, помочь надо Марату».

Амалбек осторожно поднялся, надел чистую одежду, которая лежала рядом на стуле, опустил ноги в туфли и тихо вышел во двор. Светало. Воздух был чист и прохладен. Свежий ветер слабо тянул с гор. Затворив бесшумно за собой калитку, Амалбек пошел по улице в сторону видневшейся на площади трехэтажной больницы. Он шел и представлял себе, как отдает кровь Марату, а тот улыбается ему ясной улыбкой, и врачи и медсестры в белых халатах бесшумно ходят вокруг него и без слов, глазами, взглядами благодарят за помощь: он мысленно подробно рисовал все это в своем воображе-

нии, а ноги тем временем свернули с дороги и подвели его к отделению милиции. Амалбек остановился перед дверью.

«Что мне тут делать? Мне здесь нечего делать. Меня ждет Марат, он нуждается в моей помощи».

Но ноги не слушались, не подчинялись ему. Они переступили через порог и пошли по коридору. «Куда же вы, черт вас побери, мне здесь нечего делать!»

Амалбек вошел в кабинет. За столом, опустив голову на руки, сидел милиционер. Он поднял голову, и Амалбек узнал Шапурова.

— Заснул,— проговорил Шапуров.

— А я вот шел в больницу, кровь свою отдать Марату, и заглянул к тебе.

— Так и поверил тебе: заглянул.— Шапуров улыбнулся.— Скажи, с чем пришел?

— Ладно уж, скажу. Не к тебе я шел, к Марату, а сюда ноги привели.

— Кто?

— Ноги.

— Чудные дела творятся. Что же, по-твоему, ноги существуют сами по себе, голова сама по себе, сердце само по себе... Чудно. Садись, а то еще ноги не удержат, и упадешь, не дай бог.

«Зубоскал, сказал про себя Амалбек, и отец его был таким. Давным-давно, когда колхоз создали, решили мы, мальчишки, в колхозный амбар залезть, добром поживиться, да какое там добро-то было, кукуруза и немного ячменя, а жевать очень хотелось. Несколько ребят отвлекли сторожа — упросили сказку рассказать, а мы залезли в амбар. Ну и осмелял нас потом милиционер Шапуров на все село, да так осмелял, что родитель со зла — ведь джамаат язвил на годекане, ремнем отодрал. Неделю не мог сидеть, спал на животе. И этот весь в своего отца...»

— Не буду сидеть, спасибо, мальчика надо выручать.

— Его выручили. Ну, если так сильно хочешь помочь, пойдешь позже. А пока садись. Раз пришел — садись, все равно я хотел милиционера за тобой послать.

— Зачем милиционера? — встрепенулся Амалбек.

— А пожар? — поднял глаза Шапуров, но больше ничего не сказал.

Амалбек сел на стул, откинулся, хотел было положить руки на подлокотники, но они упали, и только тут сообразив, что сидит не в кресле, он положил руки ладонями на колени, как, ему показалось, было удобно, отчего чуть-чуть подался вперед, опустив плечи.

РАССКАЗЫ

НОЧЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Солтан остановил «Ниву» у ворот своего дома и коротко просигналил. Ворота не открывали. Подождав еще с минуту, он вышел из машины, толкнул ногой калитку, ступил во двор и бросил взгляд в сторону дома — света не было ни в одном окне. Распахнув ворота и снова усевшись за руль, завел «Ниву» под навес. Навес был просторный. В одном его углу стояла добротная печь, другой, противоположный, угол занимала машина. На жердях, вытянутых вдоль навеса, связанные шпагатом, висели крупные гроздья винограда, баранья туша.

Солтан вернулся к воротам, закрыл их, потом медленно пересек двор и поднялся по крепкой деревянной лестнице на веранду.

Привольно раскинувшееся село уходило далеко в стороны и вниз, к железной дороге. А еще ниже лежали Большие озера.

Солтан придвинул ногой табуретку, сел, закурил сигарету. Он вспомнил, как лет двадцать пять-тридцать назад ходил на охоту на Большие озера. Какой только птицы в те далекие годы не было. И фазаны, и утки, все вокруг кишело дичью. И лазал без боязни по болоту, по топи, по воде, лежал на земле, не думая ни о какой простуде. Возвращался домой увешанный тушками птиц. А теперь охота разрешается по лицензии, озера загрязнены. Одни говорят, человек всему виной, жаден стал до всего, немногие винят природу. Научились рассуждать и дискутировать по каждому пустяку, умными стали, образованными, а вот собраться вместе и вычистить озера — не могут. Желания не хватает. «Подумать только—

двадцать пять-тридцать лет,—сказал снова про себя Солтан,—а как оскудела природа озер. Двадцать пять... Да, и я был юным, ловким, а теперь вон как отяжелел...»

Солтан притушил окурок, потом встал, вошел в комнату, нащупал выключатель. Свет ослепил его: вспыхнули не только лампочки в люстре, заискрилась, загорелась цветами радуги посуда в серванте, хрустальные вазы, кубки и цветочницы на столе. Он медленно прошел по комнате, опуская ноги по щиколотку в высокий и пушистый ворс ковра, заметил на телевизоре лист бумаги, недоуменно посмотрел на него, потом взял его, прочел: «Поехала в Махачкалу на смотр. Повидаю детей. Приеду, наверное, поздно. Мариям.» Солтан положил лист на место и вышел на веранду.

Над двором повис ковш Большой Медведицы. Воздух был теплый и плотный, и от земли исходил запах хлеба. Солтан глубоко втянул в себя этот запах, подумал: «Может, соседи пекут чурек, а впрочем, и пригретая за день земля пахнет точно так, почти так...»

Он прошел в угол веранды, лег на тахту, уютно вытянув ноги, и только сейчас понял, как он утомился за день. Да разве только за день..! Усталость накапливалась, наливалась в нем в течение долгих месяцев: весной пахали землю, косили траву, перегоняли овец, летом убирали хлеб, осенью виноград и фрукты, и все эти длинные месяцы он ездил по полям, расставлял людей и работал рядом с ними. И только в зимний месяц позволял себе уехать куда-нибудь на север и там, в санатории, отсыпался за все месяцы. Проходила неделя, вторая, он начинал беспокоиться о своем хозяйстве и раньше срока выезжал домой; всю дорогу рисовал в своем воображении колхоз, его людей и, только прыгнув на перрон и проводив взглядом последний вагон, в сердцах бурчал: какая бодливая корова гнала меня сюда...

И так повторялось каждый год.

Протяжно и тоскливо замычала корова. «Доена ли?—

пронеслась в голове Солтана мысль,— да кто мог ее по-
доить, если Мариям с утра нет. Придется вставать...»

Но Солтан продолжал лежать. Скрипнула калитка,
чуть погода женский голос спросил:

— Кто в доме?

Солтан узнал соседку, шестидесятилетнюю Периханум, и, не вставая с тахты, откликнулся:

— Я, тетя Периханум.

— Солтан, что ли? Ну и хорошо. А я смотрю: свет
в окне и корова мычит. Вдруг, думаю, кто-то залез... Не
дай аллах...

— Кто может полезть сейчас, у каждого есть что ку-
шать и носить.

— Не говори так, Солтан, за всех ручаться трудно.
В доме-то никого нет. Бродячая собака и та позарится...

Солтан усмехнулся, подложил под голову руки.

— Я хочу тебя об одном деле попросить,— сказала
соседка.

— Проси, тетушка.

— Будь построже с моим сыном. Ты его балуешь.

— Ваппапай! Я балую Музаффара? Это для меня но-
вость.

— Да, балуешь. То в Москву едет, то к соседям
в Азербайджан, то в Грузию... Мужчину горб украшает,
а не гладкие лопатки...

— Что ты, тетушка, говоришь, он же едет учиться,
все полезное, нужное нам перенимать.

— А бывает, такую пачку денег принесет,— не слу-
шая Солтана, продолжала Периханум,— такую пачку...
Ни отец, ни дед таких денег не видели... Разве так можно
баловать людей.

— Ваппапай! Какое же это баловство, премия?

— Надо меру знать во всем, сынок, так и испортить
человека недолго.

— Не я придумал, тетушка Периханум, денежное
вознаграждение, которое называется премией.

— Знаю, что называется премией. Не дурочка, хоть и институтов не кончала. Только мы своих детей рублем не воспитывали. Знаю, Солтан, не ты придумал эти премии, но ведь ты можешь по своему усмотрению распорядиться: выдавай не деньги, а сделай хороший подарок... не знаю, не знаю, но деньги — не лекарство...

— Ваппапай! Ты меня удивляешь, тетушка Периханум, неужто ты такой враг деньгам, не любишь их, видеть не можешь?

— Как не люблю, сынок, люблю, как и все. Люблю, но не такие бешеные, которые приносит Музаффар.

Периханум замолчала. Где-то послышался приглушенный, отрывистый лай собаки.

— Корову я подоила, не беспокойся. А вот почему мычит не знаю. Пойду-ка гляну, чего ей надо.

«В ее словах много разумного», — сказал про себя Солтан и вдруг вспомнил разговор с Музаффаром, который состоялся всего несколько часов назад на перроне станции. Он провожал колхозников на ВДНХ, думал напутствовать их добрыми советами, а пришлось читать мораль. И кому? Музаффару.

А один кусочек разговора вспомнил во всех подробностях...

— Ты что еще выдумал — Солтан окинул Музаффара с головы до ног суровым взглядом и широко зашагал, заломив руки за спину. — Может, я чего-то не доглядел.

Музаффар усмехнулся: — Вы за соседа не ответчик.

— Я за всех вас в ответе. Мне доверили всех вас, с меня и спрос. — Солтан остановился, задумался. — Значит, не сумел еще я стать таким руководителем.

— Вы это зря, — искренне проговорил Музаффар. — Вы для всех нас примером...

— А, перестань, — Солтан поднял и опустил руку, взмах ее был тяжел. — Это тебя деньги испортили, ясное дело, деньги.

— Что я, проедаю их, коплю, прячу? Приношу все до

рубля домой. Тут дело не в деньгах. У меня на себя времени не хватает, выспаться не могу по-человечески, а с меня требуют коровам хвосты мыть... Нет, чтобы кто-нибудь за мной поухаживал...

— Может, тебе и лицо умыть по утрам?— Солтан усмехнулся.— Коровам хвосты мыть, подумаешь ты, мужчина. А я корове мою хвост, представь себе, мою... Ты, Музаффар, рано зазнался. Сядешь сейчас в вагон, дорога до Москвы длинная, вот и думай всю дорогу, как жить человеку на земле. Главному агроному не мешает об этом подумать.

На небольшом уютном перроне былолюдно. Окна одноэтажного длинного здания вокзала и летнего павильона, увитых виноградом, жарко горели в закатном солнце. Солтан хотел было продолжить разговор, но тут показался оранжевый пояс электровоза, и перрон засуетился, зашевелился.

Музаффар присоединился к трем колхозникам, которые торопливо шли вслед за скользящим по рельсам поездом, потом поднялся в свой вагон, прошел в коридор и оттуда помахал в окно Солтану.

Солтану стало грустно. Поезд тихо и совсем незаметно поплыл мимо перрона, перед глазами пошли, побежали, замелькали любопытные лица в окнах, и, наконец, последний вагон умчался вдаль, оставив после себя оглушенный, притихший вокзал.

Потом Солтан вспомнил, как вышел на привокзальную площадь, постоял в задумчивости, подошел к павильону «Воды—соки», выпил стакан персикового сока, крикнул от удовольствия и направился к небесно-голубого цвета «Ниве». Удобно усевшись за руль, он завел машину, выехал на центральную магистраль города и минут двадцать ехал на малой скорости, пока не оказался за автостанцией. Тут он подбавил газу, набрал положенных восемьдесят километров и включил приемник: до села было полчаса езды.

Солтан не захотел больше возвращаться мысленно к разговору с Музаффаром, поднял взгляд на небо, долго глядел на мерцание звезд, потом поймал красную движущуюся и мигающую точку, проводил ее до полнеба и вдруг, как-то внезапно понял, что это — спутник. Почему-то ему стало тревожно за эту красную точку: как бы не столкнулась, как бы не погасла... Но где-то в районе Большой Медведицы она внезапно растаяла в лунном небе, Солтан закрыл глаза. И тут же уснул.

Проснулся он от шороха. Повернул голову — на веранде никого не было. Что-то звякнуло в комнате, потом глухо упало на пол. Неужели старая Периханум права, подумал Султан, и как эта беспризорная собака могла так тихо пройти мимо меня. Ну я сейчас задам ей такую трепку, что больше не повадно будет лазать в чужие дома...

Но он не успел встать. Дверь комнаты открылась, и со сном яркого света на веранду вышла стройная женщина.

— Мариям?! Ты как... это... Ты что, не уезжала?

— Уезжала, уезжала, лежи.

— Но ты выходишь из комнаты?

— А откуда же мне выходить? Я уже почти час как дома.

— Почти час? Но почему я не слышал, как ты пришла?

— Или я залетела бабочкой, или ты уснул как медведь.

— Второе вернее. А мне показалось, — Солтан засмеялся в кулак, — словно в доме кто-то есть, мебель двигает, в серванте лазает...

— Прибрать решила, утром не успела, ты лежи, лежи, я быстро управлюсь.

— Ну ты посмотри на нее, ночь на дворе, а она уборку затеяла. Неугомонная ты у меня... Я подумал было прибрать, но в гостиной чисто, все блестит...

— Блестит, конечно, когда включишь свет. А на столе ты можешь мне письмо пальцем написать. Столько пыли... Да лежи, лежи, одна управлюсь.

Она ушла в комнату и снова задвигала мебелью.

— Как сегодня день прошел, удачно? Не устал? Рассказывай, Солтан, я слушаю тебя.

— Ты бы рассказала, как съездили, как дети там...

— Расскажу, расскажу, а пока послушаю тебя.

— Ну, если настаиваешь...— в носу защекотало, Солтан дважды оглушительно чихнул.— Рано утром проводил победителей соцсоревнования на ВДНХ, до самой станции. Напутствовал не посрамить чести колхоза, вести себя достойно, город ведь огромный, соблазнов много. Потом с Узункиши, с агрономом, а не твоим завхозом, ездили по степи, выбирали участки, где можно разбить новые виноградники. Так наездились, что ноги стали гнуться от голода. Спасибо чабану соседнего колхоза, накормил нас, да еще в дорогу айран дал. Солнце уже к земле клонилось, когда приехали в село, собрали чабанов в правлении, стали считать да пересчитывать... В общем, ничего интересного, Расскажи лучше, как съездила, как дети там.

— Так ничего интересного?— раздался голос из комнаты.— Не поверю, что день твой прошел впустую.

— Этого не говорил. Просто для тебя ничего интересного. Так Расскажи, как съездила, как дети.

— Съездила хорошо. Заняли первое место.

— Как ты сказала?

— Заняли первое место, говорю.

Солтан приподнялся, сел, прислонившись спиной к стене, и свесил с тахты ноги.

— Что же ты молчишь до сих пор! Заняли первое место в республиканском конкурсе, а она молчит, да еще уборку затеяла. Не поймешь наших женщин, век проживи рядом — не поймешь.

— Толку от того, что поймете. Беречь надо.

— Ну-у... мы ли не бережем. Я ли не берегу тебя. Вон какой Дворец культуры отгрохал, не в каждом городе такой увидишь.

— Великое спасибо тебе... А сколько лет я тебе жужжала о нем.

— Ну, сколько лет... Все зависело от казны колхоза. Зато поднял его за два года, а соседи десять лет строят.

— Вот за это и спасибо. И можешь высоко носить свою папаху: твои танцоры и певцы — первые в республике. Разве ты не горд?

— Горд, горд, что Мариям Игитова заставила колхоз выстроить Дворец культуры и сделала свой колхоз лауреатом республиканского конкурса. Ну, а как дети?

— Один был с женой на заводе, твой внук готовился к урокам, а другой с семьей уехал на Голубые озера, где-то за Нальчиком, кажется.

— Но они ведь знали, что ты должна приехать!

— Ну а что с того? Работу из-за меня не отложишь, и поездку не отменишь.

— Да-а. Так никого и не увидела?

— Я же говорю — внука твоего видела. Ты что задумался? Выбрось мрачные мысли из головы. У них все хорошо.

— Да, я тоже так думаю, — произнес Солтан.

Мариям подошла, присела на тахту.

— Ты искупался хоть, или опять под кран ползешь?

— Под кран...

— Ну что ты скажешь ему, имея ванну, лезть, как мальчишка, под холодную воду...

— Знаешь, Мариям, под краном чувствую себя юным, двадцатилетним, ну тридцати пусть будет, а чугунное корыто не для меня.

Мариям встала, спустилась с веранды по лестнице.

— Интересно, который час? — вслух спросил Солтан, глядя в проколотое звездами небо.

— Два, — раздался снизу голос Мариям.

— Два-а.— протянул Солтан.— Ваппапай, а чего мы не спим до сих пор. Помой-ка мне ноги и постели постель. Надо ложиться.

Мариям поднялась с большим медным почерневшим от времени тазом в руке, опустила его у тахты, придвинула низкую табуретку, удобно села.

— Ну-ка, давай сюда ногу...

Она положила на колено вытянутую Солтаном ногу, сняла с него хромовые сапоги, отложила в сторону. Тонкие руки ее делали свое дело быстро, ловко и уверенно. Ему было приятно прикосновение добрых, чутких рук Мариям. Точно так мыла ему ноги мать, а когда она совсем постарела — старшая сестра. Он приходил с охоты уставший, грязный, сбрасывал ружье, патронташ, трофеи, куртку в угол, а рядом уже стоял тазик с водой и сестра засучивала рукава платья. Однажды, когда она мыла брату ноги, к ней заскочила подружка Мариям. Остановилась, замерла, побледнела:

— Да разве же в наше время так можно... Что за байские привычки, Солтан, да и ты хороша Салима, ноги мыть братцу, ужас какой-то...

А теперь мыла сама. И начала сама. Он и не помнит, чтобы когда-нибудь просил ее об этой услуге. Солтан блаженно улыбался, еле сдерживая в душе радость.

И казалось в этом мире, расцвеченном зелеными мерцающими звездами, не было ничего лучше прикосновения женских рук и мягкой воды, никого счастливее хрупкой женщины и прислонившегося к холодной стене мужчины, ничего забавнее этого двухэтажного дома с добротной трубой и вытянутым навесом, походившего со стороны на одnogорбого, прилегшего после утомительного пути верблюда, глядевшего в ночь одним глазом освещенного окна.

ПРОЗРЕНИЕ ПРИХОДИТ УТРОМ

Состояние у Шалимова было какое-то непонятное. Поташнивало, и из головы не выходили слова: «Пора тебе на другую работу, легкую, иначе болезнь согнет тебя. Послушайся моего совета...» Эти слова жгли его в гостинице, взрывались в мозгу, когда он летел из областного центра домой в горы. Почему на другую работу, чем вызвано такое пожелание... Район справляется со всеми заданиями, хотя и не ходит в передовых. Инструкции и указания выполняются. Да что там инструкции и указания... В каждый новый дом, в каждое новое селение, в каждое новое фруктовое дерево он вложил частичку своей души, своего сердца.

Он ничего не мог понять, мысли путались в голове. Резкий автомобильный сигнал заставил его вздрогнуть. Максуд открыл дверцу «уазика»:

— Готово. Можно ехать.

— Все проверил?

Он сел рядом с шофером, захлопнул дверцу, и машина мягко выкатилась с площади на узкую аульскую улочку.

Внезапно выглянуло солнце, больно ударило в глаза, и на губах Шалимова появилась теплая улыбка.

— И фонарь в дорогу засветил,— сказал довольный шофер,— теперь будет легче ехать.

— Ты меньше тараторь, больше на дорогу смотри.

— Будьте спокойны, товарищ Шалимов, в армии два года генерала возил, а он любил большие скорости...

Шофер был молоденький, розовощекий, но баранку держал уверенно.

— А нам без болтовни нельзя, товарищ Шалимов, машина укачивает, глядишь, вздремнешь и слетишь с дороги.

— Случалось такое?

— Случись — не сидел бы рядом с вами. В жизни, товарищ Шалимов, надо быть оптимистом, точнее реалистом, и ожидать всего.

— Чего всего?

— Ну, всего, что может и не может случиться.

— Забавно, — сказал Шалимов, — забавная позиция. И как в таком случае живется?

— Ничего, спокойно живется. Можно сказать, даже уверенно живется.

— Забавно, — повторил про себя Шалимов. И в памяти снова всплыл разговор с секретарем обкома. Сколько дней прошло, а он помнил каждое слово.

Этот высокий сутуловатый человек с утомленными глазами не желал ему зла — чистый, прямой и откровенный был у него взгляд, и голос теплый, душевный. Да и с чего ему желать зла: родились и выросли в одном ауле, вместе окончили школу и институт, вместе перешли на партийную работу. Много было хорошего, доброго, если вспомнить. Но последняя встреча оставила в душе осадок. И слова: «Пора тебе на другую работу, легкую...» Неужели где-то дана промашка, где-то чего-то не доглядел, не довел до конца, не решил? Но в таком случае сказал бы прямо, открыто, в глаза, а не намеками да вздохами. Хорошо, допустим, я уйду, но кто доведет до конца, дорешит, есть ли кандидатура? Есть ли... Второй секретарь напорист, деловит, принципиален, нет, больше прямолинеен, а проявит ли себя на посту первого... Впрочем, этот пост еще не освободился. И не освободится. Нет на то веских причин. А что до болезни, то как ей заблагорассудится, так она и поведет себя. Должна повести. Да и кто сейчас не болеет...

Шалимов удобно вытянул ноги, глубже втиснулся

в сиденье и приспустил боковое стекло. В машину во-
рвался свежий воздух, снег уже растаял, над мокрой
землей поднимался пар.

— Быстро меняется погода,—проговорил Шалимов.

— Как сердце красавицы,—поддержал Максуд.

— А ты знаешь ее?

— Кого?

— Красавицу.

Максуд бросил на него лукавый взгляд:

— Так говорят, и в песне поется.

— Ах, говорят...

— Ну... жена Ирацхана, завмага, говорят, хотела
уйти от него, да чего-то не ушла, но опустилась. Подур-
нела, а красавица была — во всем районе первая.

— Не слышал. С чего это она?

— Кто скажет...

— Дом полон всякого добра. Может, добро ее и ду-
шит. Грязное оно, нечестное...

— Ты-то откуда можешь знать?

— Говорят.

— У тебя один ответ на все: говорят, говорят. Ты
сам свое мнение имеешь?

— Почему же нет... Вот вы, как говорится, объявили
войну пьянству, ограничили, как говорится, продажу
водки. Все в ажуре...

— В чем?

— В ажуре. А Ирацхан привозит целую машину вод-
ки, но не довозит до магазина. Где-то у моста, говорят,
рядом с лоточником, его уже поджидают покупатели из
аулов и в пять минут разбирают дефицит.

— Ты посмотри-ка,—мог только промолвить Шали-
мов.—Неужели правда? Или тоже «говорят»? — Он не-
доверчиво глянул на шофера.

Тот был сама невозмутимость.

— А разве в том, что говорят, не бывает правды?
Скажите, товарищ Шалимов, не бывает?

— Бывает, бывает,— промолвил Шалимов, словно отмахиваясь от вопроса, и задумался: «Почему я не знаю? Если то, что говорит Максуд, правда, соседи осмеют на всю республику: если, конечно, правда...»

Машина взяла крутой поворот и вдруг завизжала, завопила тормозами, замерла, бросив его к лобовому стеклу.

— Ах, ты, бабка,— заскрипел зубами Максуд, открывая дверцу,— ах, ты, черт...

У самого радиатора стояла старушка с большой вязанкой дров.

Шалимов выпрыгнул на дорогу, подбежал к ней и участливо спросил:

— Мать, что с тобой, не больна?

— Нет, сынок, слава аллаху, здорова,— она сделала несколько осторожных, шаркающих шагов. На склоне горы захрустели ветви, и только теперь Шалимов заметил несколько молодых женщин и девочек, укладывавших вязанки.

— Садись, мать, подвезем,— обратился Шалимов к старушке и пошел к машине.

— А дрова? — отозвался Максуд.— «Уазик» не верблюд.

— Приспособишь вязанку наверху как-нибудь. Садись, мать.

— Весь тент поцарапает, да и где веревку достать?

Максуд, ворча, снял вязанку со спины у старушки, стал приспособлять ее, а старушка тем временем влезла в машину и удобно расположилась на заднем сиденье.

— Далеко идти, мать?— спросил Шалимов, не оборачиваясь.

— В Сикор.

— В Сикор?— Шалимов недоверчиво покосился на нее.— Это же два часа лезть в гору.

— Верно, сынок.

Максуд устало опустил на сиденье, машина заурчала и медленно, осторожно покатила по узкой дороге.

— У вас леса нет своего, что ли? — спросил Шалимов.

— Откуда ему быть, сынок, если на нашей горе только пни торчат. И их уже разбирают.

— Сельсовет куда смотрит? — пробурчал Шалимов.

— Что сельсовет? Лес до него вырубил. Спасибо, немного дров он нам завез, да на зиму не хватит. Вот и спускаемся сюда. А там, выше, — лесхоз, не разрешают рубить.

Ехали молча, старушка, очевидно, отдыхала, и говорить ей не хотелось, а Шалимову не о чем было спрашивать ее. И только когда машина, гудя и ворча, взяла последний подъем и с небольшой ровной площадки открылся величественный вид на уходящие вдаль горы, ошетилившиеся сосновыми лесами, и голубую ленту реки, извивающуюся внизу, старушка осторожно тронула шофера за плечо:

— Сынок, мне здесь...

Максуд остановил машину, помог старушке выйти, сбросил на дорогу вязанку, потом поднял ее, затянул потуже веревку и хотел взгромоздить на спину старушке, но она махнула рукой, мол, боюсь, присела на вязанку.

— Детей подожду, — сказала она, — а вы поезжайте, счастливого пути, и поможет вам аллах...

Дорога пошла вниз, часто петляя, Максуд сидел серьезный, внимательный и напряженный. Ехали молча. Уже внизу, закончив спуск, проехав районную автозаправочную станцию, Максуд свернул с дороги, выкатил на лужайку.

— Передохнуть надо немного, — ответил он на удивленный взгляд Шалимова. — И арбуз попробовать пора.

— Какой еще арбуз? — Шалимов прыгнул на траву и глубоко вдохнул пахучий воздух.

— Астраханский, — Максуд достал из багажника

большой в широкую полоску арбуз килограммов на семь, вонзил в него нож, и тот с треском раскололся на две половины.

— Где ты его... раздобыл?— произнес Шалимов, беря из рук Максуда увесистый сочный ломоть.

— В райпо привозили, на прошлой неделе,— ответил Максуд.— Вы в городе были. Взял полмешка старикам, племянникам, им арбуз слаще конфет, редкость ведь у нас...

Мимо них прошла пожилая женщина с порожней бутылкой в руке, обернулась, поздоровалась и пошла дальше, к дороге. Шалимов расположился на пригретом солнцем камне и отрезал еще ломоть. После третьего куска ему стало сытно и тяжело. Он бросил на землю плащ, лег навзничь, подложил под голову руки и незаметно вздремнул. Вздрогнул, когда услышал женский голос:

— Не спи на земле, сынок, простудишься, земля сырая, остыла уже.

Шалимов приподнялся, сел, обнял колени и положил на них подбородок.

Максуд тем временем отрезал большой кусок арбуза и подал женщине. Она взяла, благодарно кивнула.

— Что несешь в бутылке, не вино ли?— спросил Максуд.

— Керосин.

— Из автозаправки? — догадался Шалимов.

Она кивнула головой.

— За бутылкой керосина — на автозаправку,— засмеялся Максуд.

— Редко привозят в последнее время,— сказала женщина.— А заправка... до нее идти всего час.

— У вас вдоволь электричества, зачем еще и керосин? — удивился Шалимов.

— В хозяйстве нужен... Ну, я пойду, спасибо за арбуз, сладкий, очень вкусный. Давно не ела.

— Возьмите внукам,— Максуд протянул ей кусок килограмма на полтора.

— И не откажусь,— сказала женщина,— спасибо, сынок, порадуя внучат.

Она уверенно, по-хозяйски пошла в гору, бережно держа на ладони правой руки арбуз, а пальцами левой крепко вцепившись в горлышко бутылки.

Шалимов долго смотрел ей вслед, потом устало поднялся и отряхнул плащ:

— Поехали.

Ущелье уже одевалось темнотой, когда вдали появились очертания громадной горы, устремившейся к небу. Аул Цулюх, куда ехал Шалимов, укрылся за горой, которую им надо было преодолеть.

— Может, заночуем в Кардибе, товарищ Шалимов?— спросил Максуд.— До Цулюха, если ехать ночью, еще часа четыре ползти.

— Почему ползти?

— Дорога паршивая. Днем, конечно, можно на ней плясать, а ночью...

— Поэтому становишься.

— Куда там, товарищ Шалимов. Конечно, будь время, может, что-нибудь сочинил бы.

Шалимов рассмеялся и махнул рукой:

— Давай в Кардиб. Бедная моя старушка, не дождет-ся меня.

— Нечего печалиться, сегодня передохнем, а завтра— в Цулюхе. Честное слово, матушка ваша поругает нас, если мы ночью отправимся в этот путь.

— Поехали в Кардиб. Вижу, струсил.

Максуд ухмыльнулся.

— Струсил... Ну, ладно, пусть будет по-вашему.

В Кардиб они приехали поздно вечером и направились к дому директора школы Салиха. Салих, высокий моложавый мужчина, несказанно обрадовался приезду Шалимова, три брата его, жившие по соседству, наби-

лись в гостиную комнату со своими детьми, а женщины принялись хлопотать на кухне.

— Очень рад твоему приезду, очень рад,— не уставал повторять Салих.— И вовремя приехал. Завтра идем на охоту, вовремя приехал.

Он все суетился, не находил себе места, пока Шалимов не усадил его.

— А на охоту не могу. К матери еду. Давно не виделся с ней, вот выбрал время, от отпуска урвал.

— У нас всегда не хватает для матерей времени,— Салих вздохнул сокрушенно.— Недавно мать Муртуза умерла, нет, не того, который с нами в школе учился, тот взял к себе в город, долго не соглашалась она уезжать отсюда, сдалась наконец,— умерла мать другого Муртуза, кандидата наук. Сколько лет в ауле не был, забыл запах родного очага и хлева, горской мельницы, а теперь сидит уж около сорока дней, оброс бородой... Эх, люди.

Салих опять сокрушенно вздохнул.

— Твой пандур еще не разохся?— спросил Шалимов.

— Мой пандур всегда рад тебе служить.— Салих повернул голову.— Магома, подай.

Младший брат Салиха прошел в другую комнату и вернулся с инструментом.

Салих стал настраивать его, потом ударил по струнам и запел.

Шалимов сидел, закрыв глаза. Песня очаровала его.

— Убаюкал? Проснись.— Салих засмеялся и отложил пандур.— Женщины, вы хотите уморить моего гостя голодом? Он же меня с работы снимет завтра. Подавайте на стол.

Шалимов ел аппетитно, с удовольствием, и мягкие вкусные куски баранины, и острый хрустящий чеснок, и особенно пышный, свежеиспеченный хлеб. И не удержался, чтобы не похвалить:

— Чудесно испекла Айшат, молодец. Слов нет...

— Мука хорошая,— отозвался Салих,— из города привез недавно три мешка. Теперь на зиму хватит.

— Из города привез...— передразнил шутя Шалимов.— У нас муки, что ли, нет...

— А то есть. Ты бы занялся лодырями из райпо. Пока расшевелиятся, выпадает снег, он нерадивых не любит и закрывает дороги. Сам знаешь, на полных шесть месяцев. Вот и приходится экономить...

— Когда такое случалось?— в голове Шалимова слышались стальные нотки.

— Часто случается, ты успокойся только. Твоей вины здесь нет, за всем не углядишь. Муки, что ли, у нас нет... Если бы не было, другой разговор. Безответственных работников стало немало—это другое дело, прямо скажу— беда.

— И никто мне ничего не говорит,— сказал Шалимов, словно продолжая вслух свою мысль.

— И это плохо,— поддержал Салих.— На годекане языками чешут, а пойти кому следует сказать... Да что говорить, и я виноват, да все мы виноваты.

— При чем тут «муки мало». Здесь речь об ответственности, «муки мало».

— Верно. Но только не гневись, дай-ка, я лучше спою тебе.

Салим взял пандур, ударил по струнам.

— Зря пропал твой талант, Салих,— сказал Шалимов угрюмо: песня его не развеселила.

— Почему пропал? Гостям пою, друзьям, жене... А помнишь, как мы в школе...

— Заливался ты соловьем, помню.— Шалимов улыбнулся.— Хлебом, бывало, не корми, только звонкий пандур дай в руки.

— А в институте, помнишь, как мы пели дуэтом, особенно в ночь, у окна...

— Не будь пандура, не найти бы тебе своей Айшат.

— Это верно, не найти. Усыпил я ее песней. Ну... и нам пора спать, поздно на дворе, засиделись.

Заснул Шалимов незаметно и скоро. Проснулся он с первым петухом. Не стал завтракать, выпил только кружку буйволиного молока, уступив настоящему требованию Салиха, и, отослав Максуда вниз, стал спускаться по тропинке, крутой и покатою. Салих шел сзади, почти вплотную. Утро было холодное, ослепительное. На вершине горы сиял свет. Машина уже поджидала, мерно урча, когда Шалимов и Салих спустились на дорогу. Дружья тепло простились. Шалимов влез в машину, и она покатила по укатанной дороге, вдоль горной речки. Необъяснимое острое желание поскорее увидеть мать овладело Шалимовым. Спустя некоторое время они свернули за крутой поворот, и взору открылась высоченная гора, оцетинившаяся сосновым лесом. Внимательно всмотревшись, можно было различить серпантин дороги, уходившей вверх. С левой стороны горы виднелся отполированный утес, напоминавший одинокого стража.

Шалимов тронул осторожно Максуда за плечо.

— Останови, передохнем перед подъемом.

Он опустил на траву и почему-то спокойно, отрешенно сказал себе:

— Я на самом деле болен... Придется уйти... Потом глянул на гору и громко крикнул:

— Максуд, где ты?

— Здесь я.

— Здесь я,— передразнил Шалимов.— Где?

— Мясо достаю.

— Какое еще мясо?

— Салих дал в дорогу, на завтрак.

— Узнаю Салиха...

Шалимов еще раз взглянул на гору, нашел серпантин дороги, который предстояло преодолеть, остановил взгляд на утесе. Внезапно сильная боль сжала сердце.

А когда он, придя в себя, оглянулся, недалеко, совсем рядом, полыхал костер, весело трещали дрова, и Максуд умело отрезал лакомые куски баранины; в воздухе пахло шашлыком. Он осторожно взглянул, стараясь не причинить сердцу боль, и улыбнулся, вернее, попытался улыбнуться. Максуд шел к нему, перекидывая из руки в руку обжигающий шампур.

ЧЕТЫРЕЖДЫ РАССТРЕЛЯННЫЙ

Солярий находился на крыше четырнадцатого этажа. С высоты местность была видна на многие километры. Вдоль голубого залива тянулась песчаная полоса пляжа. От него поднимался густой сосновый лес. Зеленый массив прорезали извилистая река, железная дорога и асфальтированное шоссе.

Данилин приходил сюда после обеда. Если в первой половине дня он еще находил себе занятие: утром бегал по берегу, плавал, загорал, то во второй начинал скучать. Почему-то здешняя публика не пришлась ему по душе.

В первый же день у него вызвал смех вид одного литератора, напоминавшего ему попугая. Невысокого роста, плотный, он ходил в цветастой куртке, выпятив тыквой живот, засунув левую руку глубоко в карман брюк, а в правой полусогнутой держал на расстоянии сигарету. На бледном лице, обрамленном рыжей бородой, выделялся крючковатый нос и выпученные глаза.

И другая «знаменитость», так ее здесь называли, удивила Данилина. Это была довольно пожилая женщина, литератор, и видела она уже слабо, и слышала плохо, но у нее хватало сил и энергии растолкать очередь, войти в кабину лифта и умчаться одной.

Впрочем, Данилин не хотел жестко судить об этих людях.

Каждый день он поднимался на крышу четырнадцатого этажа и удобно располагался в шезлонге.

Здесь и познакомился он с Гариком.

Как-то в солярии появился русоволосый мальчишка

лет шести в шортах и рубашке с короткими рукавами. Он долго бегал по дощатому полу, играя сам с собой, потом сел в шезлонг и утонул в нем. Выкарабкавшись из шезлонга, он подошел к Данилину:

— Дядя, подержите меня, пожалуйста, я хочу посмотреть вниз.

Данилина удивила такая просьба, но он встал, поставил мальчика на карниз, крепко держа за руки.

— А один боишься стоять?— спросил он.

— Конечно, боюсь, — сказал мальчик. — А вдруг оступлюсь. Вон как далеко до земли. Машины игрушечными кажутся, видите? А вон электричка пошла, как детская...

И на самом деле, с высоты все движущееся казалось мелким, игрушечным, и только земля, убранная пышной зеленью, была нарядной.

Потом Данилин и мальчик сидели рядом в шезлонгах и знакомились. Оказалось, что мама Гарика работала в канцелярии дома творчества, а папа находился в плавании, искал в океане рыбу.

— А знаете, дядя Митя, у меня здесь есть друг. Он каждый год приезжает летом.

— И кто же это такой?

— Я вас завтра познакомлю с ним. Сегодня он не пришел, а завтра придет. Обязательно придет.

— Ну что ж, познакомь. Будем дружить втроем.

На следующий день, когда Данилин поднялся в солярий, Гарик уже сидел в шезлонге и болтал ногами, а рядом расположился сухощавый седой мужчина. У него было тонкое, доброе лицо.

— Дядя Митя, я сказал, что дядя Эйжен придет, я сказал...— закричал радостно Гарик, хлопая в ладони.

— Верно, ты знал, что он придет,— улыбнулся Данилин и протянул руку мужчине. Тот встал, назвал свое имя и легко, как-то галантно даже поклонился. Он оказался довольно высоким, сухощавым и слегка сутулился.

— Гарик,— сказал Эйжен с легким латышским акцентом,— пойди купи себе пирожное. И высыпал в ладошку мальчишки горсть монет. Гарик выкарабкался из шезлонга и, приплясывая, побежал к лифту.

— Люблю детей,— сказал Эйжен.— Сколько их прошло и проходит через меня. И капризные, и задиры, и бойкие, и бедовые. И всех люблю. Как можно не любить детей... Не представляю себе. Разве можно жить без них...

— Где вы работаете? — спросил осторожно Данилин.

— В школе. Учительствую. И ничуть не устаю, представьте себе. Сколько лет вы можете мне дать?

— Ну, шестьдесят... около шестидесяти,— сказал Данилин.

— А мне семьдесят.— И он лукаво улыбнулся.

Прибежал Гарик. На вытянутых ладошках он держал два пирожных.

— Дядя Эйжен, возьмите, пожалуйста.

Эйжен взял пирожное:

— Вот так каждый день мы балуем себя. Давайте разделим по-братски. Как желаете, а я люблю есть пирожное.

Прошло несколько дней. Данилин подружился с Эйженом. Его с каждым днем все больше располагал к себе этот скромный, тихий, вежливый и умный седой мужчина. По утрам они гуляли по берегу моря, вечером по очереди посещали друг друга или ходили в лес, а после обеда сидели в солярии.

— Послушайте, Эйжен,— спросил как-то Данилин,— а как вы познакомились с Гариком?

— Наша дружба давняя,— произнес Эйжен, задумавшись, и еле заметная тень скользнула по его лицу.— В гражданскую мы с его дедом служили в одном полку. В полку красных латышских стрелков.

Данилин внутренне напрягся: Эйжен — красный латышский стрелок!..

— Как давно это было,— Эйжен вздохнул.— А знаете, ведь все помню, будто юная память вернулась. Сорок первый год. Мы не успели уйти. Нас схватили фашисты. Семьи наши согнали к стене и дали очередь. Убили жену, детей, я смотрел вот этими глазами, как уходят из жизни, в каких муках. Когда падали на землю дети — я плакал. На сто эшафотов поднялся бы, только бы не дать убивать детей... Потом поставили нас двоих к стене. Красных стрелков.

Данилин глядел на Эйжена и внезапно понял, что в тот миг, когда под свинцом падали на землю дети, пошел этот человек. Именно в тот миг.

— Как видите, я выжил.— Эйжен только улыбнулся.— И дочь друга выжила. Крохотная была. Пули ей руки перебили. Вот откуда наша с Гариком дружба начинается.

Он замолчал.

Данилин не хотел нарушать торжественную тишину, закрыл глаза, и тут услышал, как Эйжен читает стихи.

Придумал землю я
И море, солнце.
Траву в окне тюрьмы
Представил степью,
Где ветер медом пахнет,
Пахнет волей.

Придумал радость я
В невыносимой тьме.
И лишь тебя придумать не сумел:
Ни волосы, ни губы, ни глаза.

Теперь твоих цветов
Мне не собрать
И яд полыни
Не отвратить вновь.

Нельзя остановить
Движение облаков.
Как дни ушедшие, ты далека,
И безнадежно руки ждут тебя.

— Вы любите стихи?— спросил Эйжен.

Данилину показалось поведение Эйжена довольно легкомысленным, даже нелепым. Рассказать о трагедии семьи, прочитать стихи, да еще спросить вдобавок, нравится ли ему поэзия. Совместимо ли все это? Он искоса глянул на Эйжена; тот был так спокоен, словно не знал никаких забот и дум. «А впрочем, наверное, он давно пережил трагедию,— сказал себе Данилин,— и свyksя с ней. Может статься, что она стала для него даже легендой, построенной на достоверном факте. И если у меня от этой легенды встают дыбом волосы, для него она — мораль».

— Так вы любите стихи?— повторил Эйжен, перебивая его сумбурные мысли.

— Бывает, и люблю. Эти мне нравятся.

Эйжен посмотрел на него серьезно, внимательно, потом почему-то улыбнулся, откинулся, подставив лицо солнцу, и стал медленно читать.

Пишу тебе,
И стук дождинок сонных
Мешает грусть с осенней темнотой.

И список дел,
Еще не завершенных,
Подводится последнею чертой.

Пишу...
Прими мою охапку боли,
Прибавь ее к скирдам своих забот.

Слова любви
Разветрил август в поле,
Лишь слово верности тебя найдет.

Потом они молчали, пока не появился Гарик и не увлек Эйжена с собой в бар, на чай с пирожным. Данилин вежливо отказался идти: хотелось остаться одному...

Следующий день выдался очень жарким. Какой быва-

ет только на юге. Данилин и Гарик загорали. Эйжен ходил по солярию в белых полотняных брюках и рубашке с длинными рукавами и что-то шептал, мотая ритмично головой.

— Послушайте, Эйжен, почему бы и вам немного не позагарать?— спросил Данилин.— Тепло пригодится зимой.

Эйжен сделал несколько шагов, остановился, подошел поближе и прошептал:

— Стыдно.

— Чего? — изумился Данилин.— Загорать стыдно?

Эйжен задрал рукав рубашки до плеча.

Данилин ничего не понял: рука его была белая и старчески худа.

— Ну и что?

— Сюда смотрите.

Данилин поднял глаза. На предплечье были выжжены номера. В три ряда.

— Саласпилс, Штутгоф, Маутхаузен,— сказал Эйжен, опуская рукав рубашки.— Узник под тремя номерами. А если вы увидите шрамы на моем теле, вам дурно станет.

Эйжен засмеялся, прошелся по солярию, остановился, задумался.

— Четыре раза был под расстрелом. И вот дышу, хожу, радуюсь жизни с вами. Удивительно, правда?..

Вчера Данилину казалось, что этот старик его больше ничем не удивит, а сегодня Эйжен раскрыл еще одну страницу книги своей жизни. Сколько же страниц ждут своего часа!

К полднику в солярии появилась стройная красивая женщина. Точнее, не успела она еще и появиться, как Гарик сорвался с места с криком: мама! обнял ее и уткнулся лицом ей в живот. Она низко наклонилась над мальчиком, поцеловала его в голову. Над полом безжизненно, как плети, повисли руки. Только сейчас Дани-

лин заметил, что они были в перчатках. Он повернулся к Эйжену, и тот, прочитав взгляд Данилина, ответил спокойно:

— Я рассказывал вам о малютке с простреленными руками. О малютке моего старого друга. Это она и есть.

Гарик с мамой ушли, Данилин смотрел на привольно раскинувшуюся внизу зеленую землю, сверкающий голубизной рижский залив, и который уже раз твердил про себя:

— Боже мой, эти люди достойны поклонения. Достойны великих почестей. Славы. Любви. А они так скромны, тихи и незаметны среди нас, опаленных войной, но не горевших в ее пламени... Неужели они считают, что не совершили ничего героического? И не испытывают душевной, пронзительной боли за свои раны?

Мысли, чувства, думы переполнили Данилина. Он встал с шезлонга, надел рубашку, низко поклонился Эйжену и ушел с солярия.

Спустя неделю, а был уже конец августа, Эйжен уехал домой. Перед дорогой они выпили по рюмочке коньяка в баре, и Данилин проводил его на электричку.

Вечером он зашел в бар, заказал коньяк и чашку кофе, и барменша рассказала ему все о Эйжене.

Теперь уже Данилин знал все о своем друге. Это был народный учитель Латвии, бывший грузчик, торфодобытчик, рабочий лесопилни, электромонтер, журналист. Член Союза писателей СССР, участник Сопротивления в Маутхаузене, где вступил в Коммунистическую партию. Лауреат Государственной премии Латвийской ССР, автор поэтических сборников: «Сажайте розы в проклятую землю», и «Человек уходит за Солнцем». Звали его Эйжен Августович Веверис.

СОДЕРЖАНИЕ

Повести

Золотой курган	5
Происшествие в ауле Муно	47
Семь дней тревоги	97
Пожар	126

Рассказы

Ночь председателя	153
Прозрение приходит утром	162
Четырежды расстрелянный	173

Феликс Бахшиев

СЕМЬ ДНЕЙ ТРЕВОГИ

Редактор В. Носов
Художник Р. Матаев
Художественный редактор В. Комаров
Технический редактор М. Тищенко
Корректор Н. Гасанова

ИБ 762

Сдано в набор 4.02-1981 г. Подписано в печать 31.03-81 г.
С 02375. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 7,87. Уч.-изд. л. 7,78. Тираж 5000. Заказ № 2.
Цена 60 коп.

Дагестанское книжное издательство Государственного
комитета Дагестанской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
367025, Махачкала, ул. Маркова, 55

Типография им. С. М. Кирова Государственного коми-
тета Дагестанской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
367025, Махачкала, ул. Маркова, 51

60 коп.

МАХАЧКАЛА 1981